

Каждый новый
роман Робин Хобб —
это повод для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Безымянный корабль

САГА
О ЖИВЫХ
КОРАБЛЯХ
Книга 2

РОБИН ХОББ

Мир Элдерлингов

Робин Хобб

Безумный корабль

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хобб Р.

Безумный корабль / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 1999 — (Мир
Элдерлингов)

ISBN 978-5-389-13212-2

О живом корабле «Совершенный» ходит дурная слава: его считают безумным, кораблем-убийцей. Но он единственный, кто может спасти другой корабль – «Проказницу», – захваченный в плен пиратами. «Безумный корабль», как и первый роман трилогии о живых кораблях, переведен мастером художественного слова писательницей М. Семёновой, автором «Волкодава» и «Валькирии».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-13212-2

© Хобб Р., 1999
© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

Пролог	8
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	41
Глава 5	61
Глава 6	76
Глава 7	84
Глава 8	103
Глава 9	122
Глава 10	136
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Робин Хобб

Безумный корабль

Robin Hobb
THE MAD SHIP

Серия «Звезды новой фэнтези»

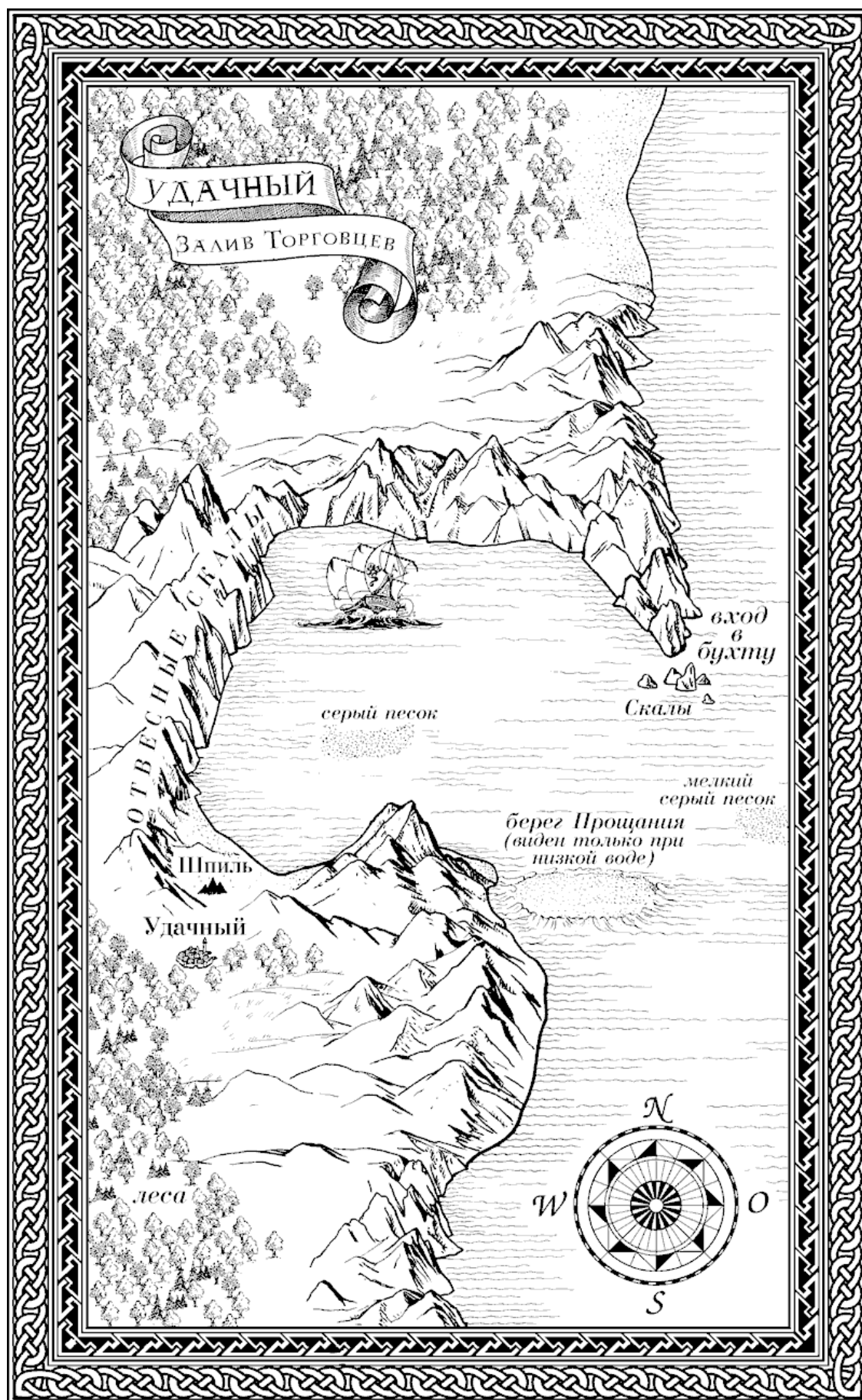
Copyright © 1999 by Robin Hobb. All rights reserved

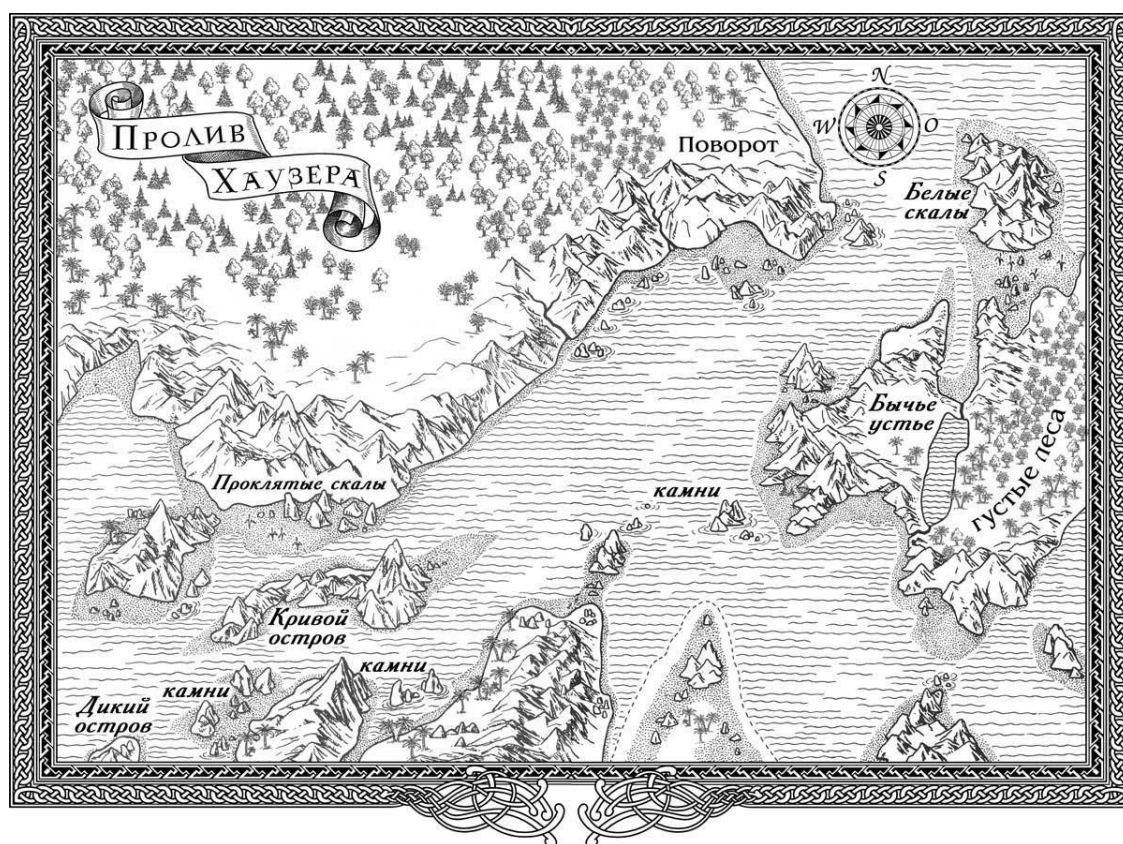
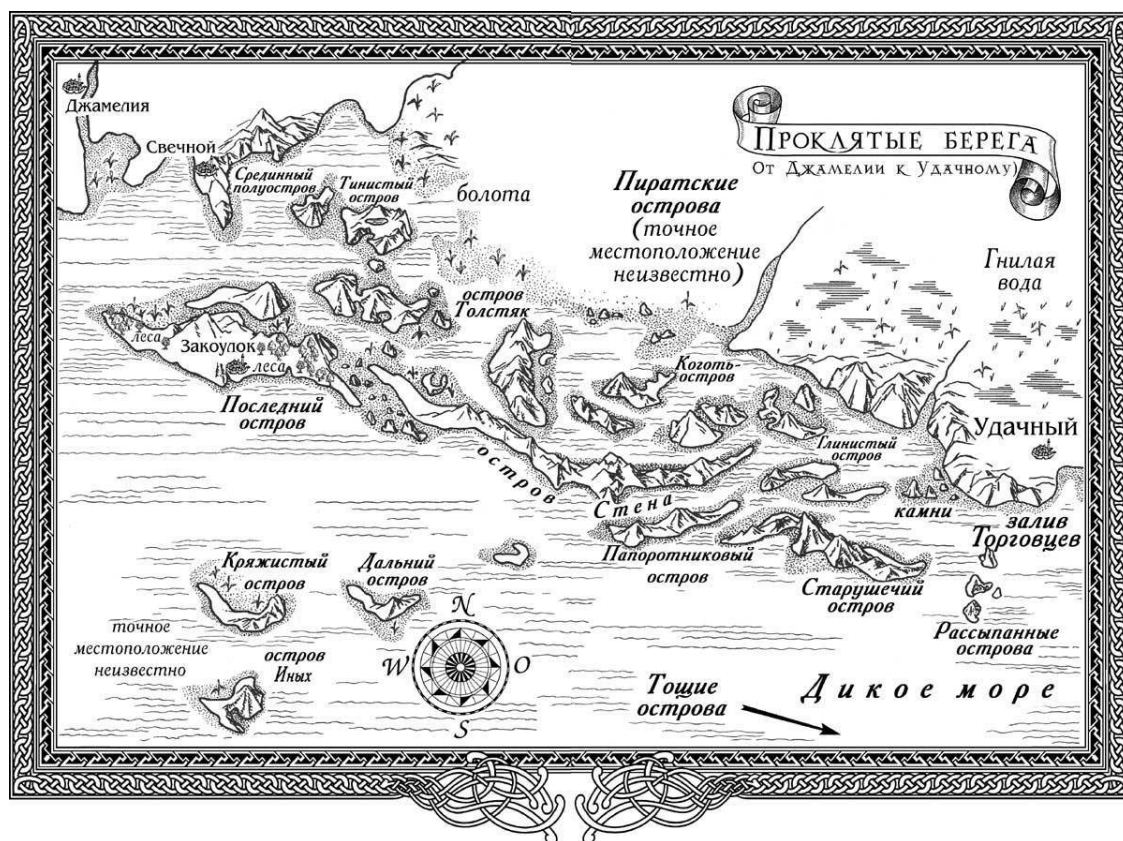
© М. Семёнова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Воспоминание о крыльях

Внизу, на дне, течение плавно и медленно колебало заросли морской травы. Вода здесь была теплой, совсем как на юге, там, откуда Клубок отправился в путь. И сколько ни зарекался Моолкин следовать за серебристой подательницей, ее манящий, дразнящий запах по-прежнему пронизывал соленую толщу Доброловища. Подательница была недалеко; змеи продолжали следовать за нею, хотя вплотную и не приближались. Шривер хотела было поспорить на сей счет с вожаком, но так и не собралась с духом. Вместо этого она с беспокойством поглядывала на Моолкина. Раны, полученные им в короткой схватке с белым змеем, заживали медленно и неохотно. По чешуям, нарушая узор, пролегли глубокие борозды. И даже золотые пятна ложных глаз, тянувшиеся чередой вдоль всего тела – признак пророческого дара, – выглядели потускневшими и незрячими.

Шривер и сама чувствовала себя потускневшей и скучной.

Они проделали немалый путь, разыскивая Ту, Кто Помнит. Как уверен был Моолкин, когда они отправлялись в дорогу!.. А теперь он казался таким же растерянным и сбитым с толку, как и Шривер с Сессурией. Они трое – вот и все, что осталось от многочисленного Клубка морских змей, когда-то начавших переселение. Прочие разуверились в цели своего великого путешествия и отпали от Моолкина. Они предпочли остаться возле крупного, темного телом подателя – и бездумно жрать мертвечину, которую тот им поставлял. Это было много приливов тому назад...

– Иногда мне кажется, что я заблудился во времени, – поделился со Шривер отдыхающий Моолкин. – Мне начинает мерещиться, что мы уже проплывали этим путем, делали все то же самое и, может, даже произносили эти самые слова... Порой это чувство овладевает мною так сильно, что день сегодняшний начинает казаться воспоминанием о когда-то виденном сне. И тогда я думаю: а чего ради что-то делать и предпринимать, ведь то, что случилось когда-то, непременно должно произойти снова?.. Или уже успело произойти...

В его голосе не слышалось ни силы, ни убежденности.

Они со Шривер бок о бок висели в воде, их тела чуть заметно колебало течение, а плавники шевелились только по необходимости – чтобы не сносило с места. Сессурия, расползшийся чуть ниже, внезапно тряхнул гривой и выпустил в воду толику яда, чтобы заставить соплеменников насторожиться.

– Смотрите! – протрубил он. – Пища!

Прямо на них, переливаясь мерцающим серебром, двигался большой косяк рыбы – настоящее благословение. А позади косяка, мелькая длинными тенями, плыл и кормился другой Клубок морских змей: трое алых, зеленый и два синих. Не очень большой Клубок, но едоки рыбы выглядели здоровыми и полными жизни. Одеты в блестящие шкуры, с налитыми телами, они весьма выгодно отличались от спутников Моолкина, у которых на запавших боках топорщились поблекшие, порванные чешуи.

– Вперед, – позвал своих товарищей Моолкин. И повел их кормиться вместе с незнакомцами. Шривер, не сдержавшись, испустила тихий вздох облегчения. Наконец-то они сумеют, по крайней мере, как следует набить животы! А может, те, другие, осознают, что Моолкин – пророк, и даже решат присоединиться к его Клубку?..

Нападая на косяк, морские змеи охотились не за отдельными рыбинами – сразу за всей стаей. Тем более что двигалась эта стая как единое существо, да притом способное разделяться на отдельные потоки и уворачиваться от неуклюжих охотников, попросту их обтекая. Ну, спутников Моолкина неуклюжими охотниками никто бы не назвал! Легко и изящно они заструи-

лись в воде, устремляясь за пищей... Со стороны чужого Клубка слышались возгласы предупреждения, но Шривер ничего опасного для себя не заметила. Один удар хвоста – и она врезалась в косяк, и в ловушке захлопнувшихся челюстей оказалось по меньшей мере три рыбины. Шривер торопливо их проглотила.

И в этот момент двое алых отвернули в сторону и одновременно набросились на Моолкина. Они лупили его рылами, как если бы он был акулой или еще каким-нибудь старинным врагом. Один из синих кинулся, разевая пасть, к Шривер. Живо извернувшись, она метнулась прочь, заставив его промахнуться. Еще один алый попытался обхватить Сессурию кольцами своего тела. Он растопыривал гриву, брызжа во все стороны ядом и выкрикивая грязные оскорбления. Извергаемые им непристойности были бессмысленны и бессвязны. Ярость – и более ничего...

Шривер понеслась прочь, вереща от недоумения и обиды. Моолкин же не спешил отступать. Он вздыбил свою роскошную гриву, испустив такое облако яда, что алых едва не парализовало. Они попятились, клацая зубами и что есть сил полоща жабры, чтобы избавиться от отравы.

– Да что с вами такое?! – требовательно обратился Моолкин к незнакомцам. И закрутился спиралью, при этом его грива по-прежнему дышала ядом, добавляя силы укору. Вереницы глазчатых пятен слабо засияли золотом. – Почему вы набрасываетесь на нас, словно какие-нибудь неразумные твари, дерущиеся из-за куска? Разве так у нас принято поступать? Даже в голодные времена рыба принадлежит тому, кто ее поймал, а не тому, кто ее первым увидел! Вы что, позабыли, кто мы такие? Неужели у вас совсем разум отшибло?..

Какое-то время чужой Клубок висел перед ним неподвижно, лишь хвосты чуть-чуть шевелились. Забытый косяк давно исчез вдалеке. А потом... Потом на Моолкина бросились все шестеро – бросились так, словно их невыносимо обожгла сама разумность его речей. Они мчались с разверстыми пастьми, полными острых зубов, со стоящими торчком ядовитыми гривами, с бешено работающими хвостами... Охваченная ужасом, Шривер видела, как они обвили Моолкина и потащили его на дно.

– На помощь! – завопил Сессурия. – Они же растерзают его!

Этот крик вывел Шривер из оцепенения. Точно две стрелы, бок о бок они ринулись вниз и принялись почем зря молотить схвативших Моолкина чужаков. Те рвали его зубами, словно он был не сородичем, а дичью. Моолкин отбивался изо всех сил. Его кровь пополам с ядом удушающим облаком расплывалась в воде. Золотые пятна на боках вспыхивали в тучах взбаламученного ила. Зрелище необъяснимой жестокости чужаков заставляло Шривер то и дело визжать от ужаса и несправедливости – что, впрочем, не мешало ей исправно запускать в них зубы, между тем как Сессурия, превосходивший ее размерами, яростно колошматил могучим хвостом.

Наконец, уловив момент, Сессурия подхватил истерзанного вожака и стремительным рывком выдернул его из свалки. И поспешил прочь, унося Моолкина в своих кольцах. Шривер только рада была прекратить бой и устремиться за ним. Их никто не преследовал. Излитый в воду яд сделал свое дело – надышавшиеся им чужаки дрались теперь между собой, только слышны были проклятия и взаимные оскорбления. Даже не слова, а наборы механически затверженных звуков, лишённые осознанного смысла... Шривер не оглядывалась назад.

Некоторое время спустя, когда Шривер усердно выделяла целебную слизь и смазывала ею израненного Моолкина, тот подал голос.

– Они забыли, – проговорил он тихо. – Напрочь забыли, кто мы и что. Слишком много времени прошло, Шривер... Они растеряли последние обрывки воспоминаний и утратили цель... – Она осторожно приладила на место полуоторванный лоскут плоти, и Моолкин вздрогнул от боли. Шривер обильно запечатала рану слизью. – Они, – продолжал Моолкин, – то, чем со временем станем и мы...

– Тише, – ласково обратилась к нему Шривер. – Помолчи пока. Отдохни...

Она осторожно оплела его всем телом и зацепилась хвостом за скалу, чтобы не отнесло течением. Сессурия присоединился к ним и сразу уснул. А может, просто молчал, замерев в неподвижности, и предавался тем же горестным размышлениям, которые снедали и Шривер... Она надеялась, что это не так. Ей самой едва-едва хватало мужества, чтобы не утратить остаток уверенности. Значит, и Сессурии придется собраться с духом...

Но более всего ее заботило состояние Моолкина. Он сильно изменился после встречи с серебряной подательницей. Другие податели – те, что пребывали одновременно в Доброловище и Пустоплесе, – были всего лишь кормушками. Но она – нет, она была совершенно иной. Ее запах тотчас начал пробуждать в них воспоминания, они устремились за нею, уверенные, что дивное благоухание вот-вот приведет их к Той, Кто Помнит... И что же? Оказалось, что она даже не принадлежала к их роду! Они стали звать ее, все еще на что-то надеясь, но она им не ответила. И при этом кормила белого змея, выпрашивавшего у нее еду! Тогда-то Моолкин и отвернулся от нее, объявив, что она не может быть Той, Кто Помнит, а стало быть, незачем за нею и следовать... И тем не менее с тех пор ее аромат постоянно был с ними. Пускай ее не было видно – Шривер хорошо знала: она рядом. Моолкин по-прежнему двигался за нею. А они – за ним, за своим вожаком...

Он глухо застонал и шевельнулся в ее плотных объятиях.

– Боюсь, – сказал он, – теперь – последний раз, когда мы проделываем этот путь, будучи чем-то бóльшим, нежели просто животными...

– О чем ты? – неожиданно осведомился Сессурия. И неловко повернулся, чтобы встретиться глазами с ними обоими. Неловко оттого, что в драке ему тоже порядком-таки досталось, хотя ни одна рана серьезной и не была. Самым скверным был глубокий прокус возле ядовитой железы, как раз за челюстным сочленением. Попади вражьи зубы прямо в железу, Сессурию убил бы его собственный яд. Покамест, однако, удача хранила потрепанные остатки Клубка.

– Поройтесь в памяти, – пустым голосом велел Моолкин. – Вспоминайте не просто приливы и отдельные дни, но годы и десятилетия... То, что было много десятилетий назад! Мы уже бывали здесь прежде, Сессурия. Все Клубки собирались вместе и путешествовали в здешние воды... И не однажды, но великое множество раз. Мы приходили сюда, разыскивая Тех, Кто Помнит – немногих, наделенных полной памятью нашего племени. Нам ясно было обетование... Мы должны были собраться все вместе – и тогда к нам вернется наша история и нас поведут в безопасное место, где совершится наше преображение. Там мы возродимся... Но множество раз мы обманывались в своих ожиданиях. Раз за разом мы собирались и ждали... А потом прощались с надеждами, забывали наше предназначение – и наконец возвращались обратно в теплые южные воды. И всякий раз те из нас, в ком уцелели остатки воспоминаний, говорили: «Быть может, мы ошибались. Быть может, обновление наступит не в этом году, не в этот сезон». Но на самом деле все было не так... Это не мы ошибались – нас подводили те, кто должен был выйти навстречу. Они не появлялись тогда... И возможно, не появятся на сей раз...

Моолкин умолк. Шривер продолжала поддерживать его, не давая течению унести вожака. Это требовало от нее определенных усилий. Даже не будь течения – здесь, на дне, не было ласкового ила, лишь жесткие заросли водяной травы да обломки камней. Надо бы поискать лучшее место для отдыха... Тем не менее Шривер не хотелось никуда двигаться отсюда, пока Моолкин полностью не оправится. Да и куда им, собственно, теперь отправляться? Они успели вдоль и поперек обследовать это течение, несшее такие странные соли, и она больше не верила в то, что Моолкин действительно знает, куда ведет их. Интересно, куда бы она поплыла, если бы должна была сама выбирать себе путь?... Слишком тягостный вопрос для ее усталого разума. Шривер нынче менее всего была расположена напряженно раздумывать.

Она моргнула, очищая выпуклые линзы глаз, и проследила взглядом свое тело, переплетенное с телами сотоварищей. Ее алые чешуи выглядели блестящими и яркими – но, может быть, лишь по контрасту с чешуей Моолкина, вконец потускневшей. Даже вереницы ложных глаз, некогда золотые, превратились в ряды уныло-коричневых пятен. Их пересекали рваные раны... Ему требовалось обильно есть, расти и как можно скорее перелинять. Это поможет. И не только ему одному – им всем. Шривер позволила себе выразить эту мысль вслух.

– Нам требуется пища, – сказала она. – А то мы от голода становимся бездеятельными. У меня, например, уже и яда почти не осталось. Может, стоило бы вернуться на юг, где и вода теплая, и еда всегда в изобилии?

Моолкин извернулся в ее объятиях и посмотрел на нее. Его громадные глаза отливали медью: он был весьма озабочен.

– Ты тратишь на меня слишком много сил, Шривер, – укорил он ее. Он потряхнул головой, высвобождая и расправляя гриву, и она чувствовала, какого напряжения ему это стоило. Вот он встряхнул головой еще раз... в воде закружилось тонкое облачко яда. Оно обожгло и пробудило Шривер, возвращая ей остроту восприятия. Сессурия придвинулся ближе, обвивая обоих. Все-таки он был гораздо крупнее Шривер. Он жадно заработал жабрами, вдыхая яды Моолкина.

– Все будет хорошо, – попытался он утешить подругу. – Ты просто измотана. И голодна. Как, впрочем, мы все...

– Да... Измотаны мы до смерти, – устало подтвердил Моолкин. – И голодны почти до потери рассудка. Телесные нужды начинают у нас брать верх над разумом... Но послушайте меня, послушайте оба – и хорошенько запомните, что я вам скажу. Сохраните это, даже когда позабудется все остальное. Пока мы еще способны думать, мы должны оставаться здесь – и разыскивать Ту, Кто Помнит. Я нутром чувствую: если обновление не произойдет и на сей раз – оно не произойдет уже никогда. Мы затеряемся, растворимся, и наш род более никогда не будет помянут ни в море, ни в небе, ни на земле...

Он медленно выговорил эти странные последние слова, и на какой-то миг Шривер почти удалось вспомнить, что они означали... Не просто Доброловище или Пустоплес... Земля. Небо. Море. Три области их владычества, некогда три сферы... чего-то. Но чего?..

Моолкин еще раз потряхнул гривой. На сей раз Шривер и Сессурия с готовностью распахнули жабры, вбирая обжигающий ток его воспоминаний. И вот Шривер взглянула вниз, на куски камня, завалившие в этом месте морское дно, и увидела, что это были обработанные блоки тесаного камня. Морские моллюски и водоросли густой пеленой покрывали то, что когда-то называлось Аркой Завоевателя. Черный, пронизанный серебряными жилами камень был едва-едва виден. Земля стянула его с себя, а море приняло и поглотило. А ведь когда-то – много жизней назад – она усаживалась наверху этой арки, усаживалась, хлопая могучими крыльями и затем складывая их за плечами... Она окликала возлюбленного, делясь с ним радостью, которую дарил ей свежий утренний дождик, и ярко-синий дракон торжествующе трубил ей в ответ... Было время, когда люди Старшей расы встречали ее появление цветами и приветственными криками... И этот город гляделся в ясное синее небо...

Все миновало. Все было бессмысленно. Картины невозможного прошлого разлетелись, словно обрывки сна в миг пробуждения.

– Крепитесь, – велел своим товарищам Моолкин. – Наберитесь мужества. Если нам не суждено выжить, будем, по крайней мере, биться до последнего! Пусть нас уничтожит веление судьбы, а не собственное малодушие! Во имя нашего племени – сохраним верность себе самим, таким, какими мы были когда-то, какими мы должны быть!

Его грива распахнулась во всю длину, она дышала ядом. Он опять выглядел вождем и пророком, тем самым, кому Шривер давным-давно отдала свою верность. Любовь к нему переполняла все ее сердце...

Дневной свет внезапно померк: Шривер подняла глаза и увидела огромную тень, проплывавшую наверху.

– Нет, Моолкин! – сдержанно протрубила она. – Наша участь не в забвении и не в смерти! Смотри!

Наверху, над ними, медленно проходил темный податель. Оказавшись над тем местом, где легли змеи, он сбросил им пищу. Мертвая плоть стала погружаться, сносимая течением. Это были умершие двуногие. На одном еще болталась железная цепь. В этот раз ни с кем не придется драться за пищу. Ее следовало только принять.

– Идем, – подтолкнула она Моолкина.

Сессурия уже разомкнул свои кольца и проворно поплыл кормиться. Шривер ласково потянула с собой Моолкина вверх, чтобы вместе принять милость подателя...

Часть первая Весна

Глава 1 Безумный корабль

Свежий бриз, овевавший его грудь и лицо, был кусаче-холодным, и все же этот ветер нес с собой что-то, явственно намекавшее: скоро придет весна. В воздухе пахло йодистой морской солью – отлив обнажил заросли морской капусты у берега. Крупный песок под килем был еще влажен после вчерашнего ливня. Янтарь развела костерок, и дым щекотал ноздри. Носовое изваяние отвело в сторону слепое лицо. Потом подняло руку и почесало нос.

– Дивный вечер, не правда ли? – обратилась к нему Янтарь. Говорила она так, словно продолжала только что прерванный разговор. – Небо совсем очистилось. Кое-где еще видны облачка, но луна светит вовсю, да и звезды высыпали. Я набрала мидий и завернула их в водоросли... Когда костер прогорит, я испеку их в углях.

Женщина умолкла, явно ожидая ответа.

Совершенный промолчал.

– Может, отведаешь, когда они будут готовы? Я знаю, ты не нуждаешься в пище, но хотя бы ради нового ощущения?

Он зевнул. Потянулся. И скрестил руки на груди. Кое в чем Янтарь не могла с ним равняться. Тридцать лет, что он провел вытасненным на берег, научили его истинному терпению. Он знал, что переупрямит ее. «Интересно, чем у нас сегодня кончится? Она опечалится или рассердится?..»

– Ну и кому лучше от того, что ты отказываешься говорить со мной? – задала она совершенно справедливый вопрос. Он слышал по голосу, что ее терпение на исходе. Он даже не позаботился передернуть плечами.

– Совершенный, я начинаю думать, что ты попросту безнадежен. Почему ты не желаешь со мной разговаривать? Неужели ты не понимаешь, что только я способна спасти тебя?

«Спаси – от чего?» – мог бы он поинтересоваться.

Если бы он с нею разговаривал.

Он услышал, как она поднялась и обошла его форштевень¹, остановившись прямо напротив него. Он не торопясь отвел изуродованное лицо в сторону.

– Ну и отлично, – сказала она. – Валяй, притворяйся, будто не слышишь меня. Мне, в общем-то, плевать, отвечаешь ты или нет, но слушать, что я говорю, тебе все равно придется. Тебе грозит опасность! Самая что ни на есть настоящая! Я знаю, ты был недоволен тем, что я предложила твоей семье выкупить тебя у них... Но я все равно сделала им предложение. Так вот: они мне отказали.

Совершенный позволил себе чуть слышно презрительно фыркнуть. Естественно, они ей отказали! Он был фамильным живым кораблем семейства Ладлаков. А значит, как бы ни был он унижен и обесчещен, они нипочем его не продадут. Да, они целых тридцать лет продержали его вытасненным на берег и закованным в цепи, но продать – ни за что! Ни «новым купчикам», ни этой Янтарь. Не продадут – и все тут. Он с самого начала знал это.

– Я напрямую переговорила с Эмис Ладлак, – упрямо продолжала Янтарь. – Не так-то легко было добиться с ней встречи... Когда же в конце концов мы побеседовали, она изо всех

¹ Форштевень – передний брус по контуру носового заострения судна, соединяющий обшивку правого и левого борта.

сил притворялась, будто ее потрясло мое предложение. Она всячески настаивала, что ты не продаешься – ни за какие, мол, деньги. Она говорила прямо как ты: дескать, ни один торговец Удачного, происходящий из старинного рода, ни за что не продаст свой живой корабль. Что-де так у них просто не поступают...

Совершенный не сумел удержать медленно проявляющейся на лице улыбки. «Значит, я до сих пор небезразличен им... Да как я вообще мог сомневаться в этом?» Он был в некотором роде даже благодарен Янтарь за то, что она сделала-таки его семье это скандальное предложение. «Может, теперь, когда Эмис Ладлак в разговоре с посторонним созналась, что я по-прежнему член семьи, она расчувствуется и решит меня навестить?..» А коль скоро Эмис решится прийти к нему, их свидание может возыметь последствия. Чего доброго, он еще отправится в море, ведомый дружеской рукой на штурвале...

Воображение успело унести его весьма далеко, но голос Янтарь безжалостно вернул его с неба на землю.

– Она якобы очень расстроилась оттого, что вообще появились слухи, будто ты выставлен на продажу. Она сказала – это прямой урон для чести ее семьи. А потом она заявила... – тут голос Янтарь внезапно осел то ли от страха, то ли от гнева, – ...заявила, что наняла каких-то людей, которые должны отбуксировать тебя прочь из Удачного. Так сказать – с глаз долой, из сердца вон. Это, мол, будет лучше для всех...

И Янтарь весьма многозначительно замолчала.

Совершенный ощутил, как в его груди, изваянной из диводрева, что-то мучительно сжалось и напряглось...

– Ну, – продолжала Янтарь, – я и поинтересовалась, кого же она наняла.

Он быстро поднял руки и заткнул пальцами уши. Он не желал ничего слушать и слышать! Он не позволит ей сыграть на его тайных страхах!.. «Значит, моя семья намерена меня переместить... Но это же ничего не значит. Даже интересно будет оказаться где-нибудь в другом месте...» Может, хоть в этот раз, вытаскивая его снова на берег, они установят его на ровный киль. Уж как ему надоел этот постоянный крен на один борт...

– Она ответила, что это не мое дело! – повысила голос Янтарь. – Тогда я спросила ее, являются ли эти люди торговцами из Удачного. Она наградила меня таким злым взглядом! А я спросила, куда же именно Мингслей потащит тебя на разборку...

Совершенный в отчаянии принялся напевать. Поначалу без слов, но зато громко. Янтарь продолжала говорить. Он не мог и не желал слушать ее. Он покрепче всунул пальцы в уши и запел что было мочи:

Грошик за сладкую булочку,
Еще один – за чернослив,
Еще один грошик —
На быструю лошадь,
Чтоб сто принесла, победив...

– ...Она велела выставить меня за дверь! – прокричала Янтарь. – А когда, стоя перед воротами, я пообещала выступить по этому поводу на Совете торговцев, она спустила на меня собак. Я от них еле спаслась!

Несите, качели, меня высоко,
Несите меня в небеса... —

изо всех сил горланил Совершенный детскую песенку. Янтарь была кругом не права! Потому что она просто не могла, не смела быть права! Его семья собиралась только отбукси-

ровать его на новое место. В хорошее, безопасное место. И все!!! И какая разница, кого они для этого наняли! Он на все согласен, только бы опять оказаться на плаву. Он покажет им, как на самом деле легко и просто с ним управляться. Он покажет им, как он раскаивается во всем том скверном, что его когда-то заставили совершить...

Янтарь умолкла. Осознав это, Совершенный сперва понизил голос, а потом, убедившись, что более ничто не нарушало тишины, и вовсе перестал петь. И наконец даже вытащил из ушей пальцы. По-прежнему вокруг не раздавалось ни звука – только приглушенно бормотали волны, да шелестел под ветром береговой песок, да потрескивал костерок, разведенный Янтарь. Совершенному захотелось кое-что знать, и он спросил вслух, совсем позабыв, что не разговаривает с ней:

– Когда меня переправят на новое место, ты по-прежнему будешь навещать меня там?

– Ох, Совершенный... Хватит уже обманывать себя! Если они тебя стронут отсюда, то только затем, чтобы разобрать на кусочки и использовать твоё диводрево!

– А мне наплевать, – заявило корабельное изваяние. – Я не возражаю против того, чтобы умереть.

– Я что-то не уверена, что ты умрешь, – тихо, устало ответила Янтарь. – Боюсь, они первым делом отъединят тебя от корабля. Если это тебя не убьет, они тебя, скорее всего, отвезут в Джамелию и там продадут как диковинку. Или поднесут в дар государю сатрапу... в обмен на разные милости и привилегии. И почему знать, как там с тобой будут обращаться...

– Будет больно? – поинтересовался Совершенный.

– Не знаю. О твоей природе мне слишком мало известно. Ну вот, например, было ли... было ли больно, когда тебе изрубили лицо?

Он снова отвернул изуродованную голову прочь... Потом поднял руки и прошелся пальцами по торчащему месиву щепок на том месте, где когда-то были глаза.

– Да, – сказал он, и его лоб собрался морщинами. Но тут же добавил: – Нет, толком не помню. Я, знаешь ли, очень многое позабыл. У меня ведь все бортжурналы пропали.

– Не помнить – это иногда проще всего...

– Думаешь, я вру, да? Думаешь, я все помню, просто признавать этого не хочу? – завелся он, надеясь на хорошую ссору.

– Послушай, Совершенный. Вчерашний день мы все равно не в силах изменить. Мы с тобой говорим о том, что будет завтра.

– Так они прямо завтра придут?

– Откуда я знаю! Я просто так выразилась! – Она вдруг подошла вплотную к нему, дотянувшись и прижала к его корпусу обе ладони. Ночь стояла прохладная, на руках у нее оказались перчатки... и все же это было прикосновение. Совершенный ощутил ее руки как два пятнышка теплоты на своей обшивке. – Мне невыносима сама мысль о том, что тебя куда-то уволочут и разрежут, – сказала она. – Даже если это не причинит боли и не убьет тебя... Все равно не могу!

– Но ты ничего не можешь поделать, – заметил корабль. Подумал и сказал такое, чего ни разу еще не говорил: – Мы оба ничего не можем поделать.

– Ты еще на судьбу ссылаться начни, – рассердилась Янтарь. – Что за бред! Мы очень даже многое можем сделать! А если ничего другого не останется – клянусь, я встану прямо здесь и буду с ними сражаться!

– Ну и проиграешь, – сказал Совершенный. – Глупо драться, если заранее знаешь, что не победишь.

– А будь что будет, – сказала Янтарь. – Надеюсь, впрочем, что до этого не дойдет. Вернее, не собираюсь этого дожидаться. Я хочу их опередить. Нам нужна помощь, Совершенный. Нам нужен кто-то, кто сможет поднять за нас голос на Совете торговцев!

– А ты сама?

– Ты же знаешь – я не могу. На эти собрания допускаются только торговцы из старинных семейств, и они одни имеют право там говорить. Потому-то нам и нужен кто-то, кто выступил бы на Совете и убедил их запретить Ладлакам продавать тебя для разборки!

– Кто же это?

– Я надеялась, – упавшим голосом ответила Янтарь, – что ты мне подскажешь... Может, есть кто-то, готовый за тебя заступиться...

Совершенный некоторое время молчал. Потом хрипло расхохотался:

– Никто не захочет за меня заступаться. Пустая это затея, Янтарь! Подумай сама как следует. Даже моей собственной семье нет до меня дела. Я ведь знаю, что они обо мне говорят: я – убийца. И это сущая правда, не так ли? Я потерял всех своих моряков. Я переворачивался и всех топил, да притом не однажды! Ладлаки кругом правы, Янтарь! Так мне и надо: пускай меня продадут и распилят... – Отчаяние затопило его душу, и было оно холодней и бездонней любых штормовых волн. – Вот бы умереть, – вырвалось у него. – Перестать быть. Прекратиться – и все...

– Не шути так, – тихо проговорила Янтарь, но он ощутил по голосу, что она отлично понимала – он не шутил.

Он неожиданно попросил ее:

– Сделай мне одно благодеяние.

– Какое?

– Убей меня прежде, чем они до меня доберутся.

Она тихо ахнула:

– Я... Нет. Я... не смогу...

– Очень даже сможешь, если будешь наверняка знать, что меня идут рубить на кусочки. Я тебе прямо сейчас подскажу лучший способ покончить со мной... Подожги меня. И не в одном месте, а сразу повсюду, чтобы не могли погасить и спасти меня. Если ты загодя начнешь собирать сухой плавник... каждый день понемножку... и складывать у меня в трюме...

– Не смей даже говорить о таком... – еле слышно произнесла Янтарь. И мотнула головой: – Пойду мидии жарить.

Он слышал, как она возилась подле костра. Потом зашипели мокрые водоросли, угодившие в жар раскаленных углей. Она, между прочим, пекла мидии живьем. Он хотел было сказать ей об этом, но потом решил, что это только расстроит ее, но вряд ли убедит выполнить его просьбу. Он стал ждать, чтобы она возвратилась к нему. Вот она подошла и села на песок, прислонившись спиной к его корпусу. Какие тонкие и легкие были у нее волосы... Ветерок трепал их по доскам обшивки, и они цеплялись за древесные волокна.

– Ты, между прочим, сама себе противоречишь, – заметил он погодя. – Говоришь, что встанешь насмерть и будешь за меня драться, хотя сама заранее знаешь, что проиграешь. И тут же отказываешь в самой простой милости...

– Хорошенькая милость – гибель в огне!

– Ага. Когда тебя потихоньку рубят на мелкие части, это, конечно, приятнее, – хмыкнул он ядовито.

– Как ты быстро переходишь от детских истерик к холодному умствованию, – поразила ее она. – Ты мальчик или мужчина? Кем ты сам себя чувствуешь?

– Обоими, как мне кажется. Но ты не увливай от того, о чем у нас разговор был... Пообещай мне! Пожалуйста!

– Не проси! – взмолилась она.

Он только вздохнул. Все-таки она сделает это. Он понял по голосу: если не останется ни малейшего шанса выручить его – она поможет ему умереть. Станный трепет пробежал по его телу... Он все же добился своего – хоть и грустной была эта победа.

– И еще масло, – сказал он. – Надо заготовить масло. Много кувшинов. Когда они явятся, может случиться так, что времени у тебя будет не много. А с маслом дерево разгорится быстро и жарко...

Последовало долгое молчание. Когда же Янтарь заговорила снова, ее голос был совсем другим, нежели раньше.

– Скорее всего, они попытаются увезти тебя тайно. Скажи мне, каким образом они будут спускать тебя на воду?

– Да, наверное, примерно так же, как и сюда затаскивали. Дождутся высокого прилива... Самого высокого за месяц, и притом ночью. Пригонят ослов, притащат катки, будет много народа и маленьких лодок. Работа немаленькая, но умелые мужики, пожалуй, справятся быстро.

Янтарь задумалась:

– Пожалуй, мне стоит перетащить внутрь тебя мои вещи. Я буду спать там и сторожить... Ох, Совершенный! – вдруг вырвалось у нее. – Ну неужели никто, совсем никто не захочет высказаться за тебя на Совете торговцев?..

– Только ты.

– Я попытаюсь... Боюсь только, ничего из этого не получится. Я здесь, в Удачном, чужая. А они привыкли слушать только своих.

– Ты, помнится, говорила, что тебя в городе уважают...

– Да, уважают. Как ремесленника и делового купца. Но я не из старинной семьи, и им вряд ли понравится, если я начну совать нос в их дела. В один прекрасный день у меня попросту не станет заказчиков. Или еще что похуже... Ты знаешь, город все больше делится на два лагеря: одни – за «новых купчиков», другие – за старинных торговцев. Ходят слухи, будто Совет отправил к сатрапу делегацию и те повезли с собой первоначальную хартию, чтобы потребовать исполнения клятв сатрапа Эсклеписа. Говорят, они намерены требовать, чтобы он отозвал из города всех новоприбывших и отменил их земельные пожалования. Сатрап Касго должен вернуться к старинным установлениям и никому больше не давать земельных наделов без одобрения Совета торговцев...

– Весьма подробные слухи, – усмехнулся Совершенный.

– Я, знаешь ли, привыкла держать ухо востро. Любовь к слухам и сплетням мне не однажды жизнь спасала.

Они опять надолго умолкли.

– Вот бы знать, когда Альтия возвратится, – с тоскливой задумчивостью проговорила Янтарь. – Я попросила бы ее выступить на Совете...

Совершенный между тем колебался, стоило ли называть имя Брэшена Трелла. Да, Брэшен был его другом. Брэшен с радостью вступился бы за него. Брэшен происходил из старинного торгового рода... Но, подумав об этом, Совершенный тотчас вспомнил: Брэшен был лишен наследства. Он был в семье Треллов такой же паршивой овцой, как и сам Совершенный – в семействе Ладлаков. Мало будет хорошего, если Брэшен возьмется защищать его на Совете... даже если предположить, что его станут там слушать. Два изгоя, поддерживающие друг дружку!..

Он коснулся пальцами шрама на своей груди, ненадолго прикрыв ладонью грубо выжженное клеймо – звезду о семи лучах. Кончики пальцев задумчиво обегали ее контур... Совершенный вздохнул.

– Мидии спеклись, – сказал он. – Я слышу запах.

– Хочешь попробовать?

Он ответил:

– А почему бы и нет?!

В самом деле – почему бы и не попробовать нечто новенькое, пока у него еще не отняли эту способность. Может быть и так, что времени на новые ощущения и впечатления у него осталось очень не много. А потом не будет уже ничего.

Глава 2

Нога пиратского капитана

Вмонастыре у меня бы наставник, Бирандол. Так вот, он говорил, что лучший способ отбросить ненужные страхи и набраться решимости – это прикинуть, чем в наихудшем случае может кончиться затеянное дело. – Уинтроу немного помолчал и добавил: – Бирандол говорил, если подумать о самом худшем результате и всячески к нему подготовиться, это добавляет решительности, когда настает время действовать и уже некуда отступать...

Проказница оглянулась на него через плечо. Большую часть утра мальчик простоял, облокотясь на фальшборт² и разглядывая мелкую волну, гулявшую по проливу. Ветер развеивал его черные волосы, вытеребив их из косички. Тряпки, в которые превратилось коричневое послушническое одеяние, казались не ризами священнослужителя, а лохмотьями нищего. Носовое изваяние вполне ощущало его душевный настрой, однако предпочитало разделить с ним его нынешнюю склонность к молчанию. Да и, правду сказать, очень мало между ними оставалось невысказанного, такого, чего они и так друг о друге не знали. Ведь даже теперь Уинтроу заговорил не для того, чтобы с нею поделиться или попросить совета, – скорее, сам с собою, просто ради приведения в порядок собственных мыслей. Отлично это понимая, Проказница все же решила чуть-чуть подтолкнуть его:

– А сегодня для нас самое скверное?..

Уинтроу тяжело вздохнул:

– Пират страдает от лихорадки, которая то скручивает его, то отпускает. Причем борьба эта неравная: с каждым разом ему делается все хуже. Кеннит слабеет. Причина ясна: зараза, распространяющаяся из обрубка ноги. Любой укус животного опасен для человека, но морская змея обладает еще и ядом, причем яд этот – особого рода... Воспаленную часть ноги необходимо отрезать, и чем быстрее, тем лучше. Я нахожу, что он слишком слаб для такой операции, но беда в том, что сил ему уже не набраться. Поэтому мне следует действовать быстро. Я, впрочем, знаю: вероятность того, что он вообще перенесет ампутацию, очень невелика. А если он умрет, то вместе с ним погибнем и мы с моим отцом. Такую уж сделку я с ним заключил... – Он умолк ненадолго, потом продолжал: – На самом деле моя смерть – это не худшее. Самое скверное – это то, что ты останешься одна... Рабыня в руках у этих разбойников... – Уинтроу по-прежнему не смотрел на нее, его взгляд блуждал по беспокойным водам пролива. – Теперь ты понимаешь, зачем я к тебе пришел, – сказал он. – В данном случае у тебя больше прав высказывать свое мнение, чем у меня. Я, похоже, не обо всем как следует поразмыслил, когда договаривался с Кеннитом... Я поставил на кон собственную жизнь и жизнь отца. Между тем, поступив так, я, хотя и неумышленно, и твою судьбу сюда впутал. Я не имел права ею распоряжаться. Тем более что тебе, как я понимаю, в случае чего терять придется побольше, чем мне...

Проказница рассеянно кивнула, но заговорила не в лад его мыслям.

– Он совсем не такой, каким я себе представляла пирата... Я о капитане Кенните, – пояснила она. И добавила: – Вот ты говоришь, рабыня. Но он, по-моему, совсем не считает меня своей пленницей.

– И я себе представлял пиратов совсем не такими, как Кеннит, – отозвался Уинтроу. – Да, он обаятелен и умен... но при всем том он – пират. И нам с тобой следует помнить об этом. И к тому же совсем не он будет тобою командовать... если я потерплю неудачу. Потому что тогда он умрет, и о том, кому ты достанешься, остается только гадать. Возможно, это будет Соркор, его нынешний старпом. Или Этта, его женщина. Или Са'Адар попытается заполнить тебя для

² *Фальшборт* – пояс обшивки выше палубы судна, выполненный как продолжение борта. Служит ограждением палубы.

своих освобожденных рабов... – Уинтроу тряхнул головой. – Нет, – сказал он, – мне-то в любом случае в выигрыше не бывать. Если операция пройдет удачно, Кеннит заберет тебя у меня. Он и так уже делает все, чтобы обаять тебя своими речами и лестью, а его команда трудится на твоих палубах. В том, что касается тебя, моего мнения нынче спрашивают в последнюю очередь... Будет Кеннит жить или умрет – очень скоро я буду не властен тебя защитить...

Проказница повела одним плечиком, изваянным из диводрева.

– А то раньше ты защищал? – осведомилась она с некоторым холодком.

– Боюсь, что нет, – покаянно ответил Уинтроу. – Но раньше я хоть знал, чего ждать. С нами обоими произошло слишком многое... и произошло очень быстро. Столько смертей... Такие внезапные перемены... Я не смог ни толком оплакать убитых, ни даже поразмышлять о происшедшем. Я о себе-то перестал как следует понимать, кто я такой...

И оба вновь замолчали, думая каждый о своем.

Уинтроу чувствовал себя странником, заблудившимся во времени. Его жизнь – его настоящая жизнь – осталась далеко-далеко, в мирном монастыре, что стоял в солнечной долине, среди полей и садов... Если бы возможно было ступить назад сквозь лежавшие меж ними дни, просто проснуться и открыть глаза на знакомой узенькой постели, в прохладной келье – Уинтроу был уверен: он зажил бы той прежней жизнью, словно ничего не произошло. «Я прежний. Я не изменился», – убеждал он себя. С некоторых пор у него не доставало пальца, так что ж с того? Он вполне привык обходиться оставшимися девятью. Что же до рабской татуировки у него на лице, так она и вовсе затронула всего лишь кожу. По сути, он никогда не был невольником. Татуировка была жестокой мстью отца за попытку сбежать. А под этими внешними переменами он оставался все тем же Уинтроу. Оставьте его в покое хотя бы на несколько дней – и он снова обретет внутренний мир, подобающий священнослужителю...

Увы, пока ему о покое оставалось только мечтать... За последнее время все в его жизни встало с ног на голову, ему довелось испытать чувства столь сильные, что они даже несколько притупили его восприятие. И Проказница переживала очень сходный внутренний хаос, ведь она ощущала и видела все те же ужасы и жестокости, что и он. Кайл Хэвен принудил юный, только что пробудившийся живой корабль служить для перевозки рабов – и несчастное судно погрузилось в пучину страданий своего несчастного груза. И даже Уинтроу – плоть от плоти и кровь от крови ее семьи – оказался неспособен утешить ее. Его служба на фамильном корабле была подневольной, и это отравило их связь, возникшую по праву родства. В какой-то момент они превратились чуть ли не во врагов – что, конечно, только усугубляло горестные переживания Проказницы. И тем не менее они с Уинтроу продолжали держаться вместе. Как два раба, прикованные друг к другу...

А потом разразилась страшная штормовая ночь, когда кровавый бунт, поднятый рабами, разом освободил ее и от доли невольничьего судна, и от немилосердия Капитана Кайла Хэвена. Вся ее прежняя команда погибла – вся, кроме Уинтроу и его отца-капитана. А едва рассвело, неуправляемый корабль захватили пираты. Капитан Кеннит и его люди пленили Проказницу, даже не обнажая оружия. Вот тогда-то Уинтроу и заключил с Кеннитом сделку, о которой только что говорил кораблю. Он посулился спасти жизнь капитану пиратов, взамен же вытребовал жизнь отца и свою собственную. Са'Адар – жрец, угодивший в неволю и ставший проводником бунта рабов, – возымел по этому поводу свое мнение. Он желал не только самостоятельно вынести приговор отцу Уинтроу, капитану Хэвену, но и стал добиваться, чтобы Кеннит передал корабль ему и другим бывшим рабам, – он полагал, что Проказница по праву принадлежала именно им...

Кто бы из них в итоге ни одержал верх – в любом случае будущее и для Уинтроу, и для Проказницы оставалось туманно. Симпатии корабля, правда, были на стороне пирата...

Впереди них по увенчанным кружевными барашками волнам резво бежала «Мариетта». Проказница охотно и радостно следовала в кильватере³. Шли они в какую-то пиратскую крепость; никаких подробностей Уинтроу известно не было. На западе не удавалось различить линию горизонта: там лежали окутанные туманом Проклятые берега. Бурные, горячие реки, которыми изобиловали эти места, изливали в пролив свои мутные и дымные воды. Вот почему здесь почти все время клубился густой туман, а береговая линия постоянно менялась. В зимние месяцы здесь можно было дожидаться внезапного и свирепого шторма – да и летом, когда погоды стояли гораздо более милосердные, время от времени приключались сокрушительные ненастья... Пиратские же острова так и не были толком нанесены ни на одну карту. Не было особого смысла зарисовывать берега, которые едва ли не завтра могут изменить свои очертания. Попав сюда, благоразумные мореходы старались держаться мористее⁴ – и проскакивали негостеприимные воды как можно быстрее... Однако «Мариетта» двигалась вперед самым уверенным образом, ведя за собою «Проказницу»⁵. Пираты определенно были очень хорошо знакомы со всеми здешними проливами и островами.

Уинтроу повернул голову и снова оглядел палубы «Проказницы». Пират по имени Брик, которому было доверено начальствовать, громким голосом выкрикивал команды, и моряки, они же разбойники, умело и расторопно исполняли их, носясь туда-сюда по снастям. Уинтроу оставалось только признать: ни разу доселе он не видал, чтобы с «Проказницей» управлялись настолько искусно. Пусть эти люди были тысячу раз висельники, но моряцкой сноровки им было не занимать. Они не просто работали на корабле – они двигались так, словно сами были ожившими частями пробужденного корабля.

Но были на палубах и другие люди, основательно портившие картину. Бывшие рабы (а среди них весьма не многие погибли во время сражения), даже освободившись от цепей, далеко еще не обрели былое человеческое достоинство. На их коже виднелись следы кандалов, лица уродовали невольничьи татуировки. Одежда висела жалкими клочьями, сквозь дыры просвечивали костлявые, бледнокожие тела. В свое время капитан Хэвен набил ими «Проказницу», что называется, под завязку; теперь они разместились не только в трюмах, но и по всем палубам, и все равно корабль выглядел переполненным. Рабы не принимали участия в работе команды, не имея на то ни сил, ни умения. Они празднично торчали тут и там и двигались с места на место, только когда занятые пираты прогоняли их с дороги. Иные, кто был покрепче, возились с тряпками и ведерками, наводя чистоту на палубах и особенно в трюмах, жутко провонявших за последнее время. Впрочем, особенного рвения эти люди не проявляли. Видно было, что сложившееся положение дел их не слишком удовлетворяло. Уинтроу мысленно спросил себя, что будет, вздумай они перейти от тихого недовольства к открытому действию...

Уинтроу заглядывал в свою душу, и собственное отношение к бывшим рабам его изумляло. Пока они сидели в цепях, он по доброй воле спускался к ним в трюмы и ухаживал за ними как мог, потому что сердце у него разрывалось от жалости к этим несчастным. Увы, он не многое мог им предложить: ведро соленой воды из-за борта да мокрую тряпку для омовения. Теперь ему казалось, что это была пустая и бессмысленная услуга. На первых порах он пытался давать им жреческое утешение, но отступился: их было попросту слишком много.

А теперь... Теперь, глядя на них, он вспоминал не свою прежнюю жалость и сострадание, а крики и кровь – кровь своих товарищей по команде, которых восставшие поубивали всех до единого. Оттого он и не мог подобрать имени чувству, охватывавшему его при виде освобо-

³ *Кильватер* – след на воде после прохождения судна. Следовать в кильватере, в кильватерном строю – имеется в виду расположение движущихся кораблей таким образом, что линия строя совпадает с линией курса.

⁴ *Мористее* – дальше от берегов, в сторону открытого моря.

⁵ Когда речь идет о *живых кораблях*, автор книги берет их названия в кавычки, если имеется в виду корабль до его «пробуждения»; после этого события название превращается в имя живого существа, и в дальнейшем кавычки употребляются либо нет, в зависимости от конкретной ситуации в повествовании. При переводе эта политика автора была тщательно сохранена.

денных. Оно было слишком сложной смесью гнева и страха, отвращения и сочувствия. Оно было постыдным, это чувство, и оттого вконец выворачивало душу. Жрецу, служителю Са, не пристало подобное... И Уинтроу воспользовался умением, полученным в монастыре. Просто отгородился от какого-либо чувства в отношении этих людей.

Справедливости ради следовало признать, что кое-кто из команды – по меркам людского суда – получил вполне по заслугам. Но за что убили Майлда, дружески привечавшего Уинтроу? Скрипача Финдоу, шутника Комфри и множество других добрых матросов?.. Уж они-то были достойны участи гораздо более милосердной... Все они пришли на «Проказницу» задолго до того, как капитан Хэвен превратил ее в работоторговое судно. Их преступление заключалось только в том, что и после этого они остались на ней...

А вот Са'Адар, раб-жрец, и не думал раскаиваться в том, что устроил резню. Он полагал, что работа в команде невольничьего корабля сразу ставила человека вне закона и делала его заклятым врагом всех честных людей. И это опять-таки вносило в душу Уинтроу мучительный разлад. Оставалось утешаться лишь священной заповедью Са: «Не суди ближнего своего». Воистину лишь Творец способен судить. Лишь Его мудрость вполне совершенна...

Бывшие рабы на борту явно не разделяли мнения Уинтроу. Глядя на него теперь, кое-кто вспоминал тихий голос в трюмных потемках и руки, протягивавшие влажную тряпку. Иные же видели в нем никчемного капитанского сынка, вздумавшего поиграть в сострадание, но ничего не сделавшего для их освобождения – пока они сами не вернули себе свободу... Те и другие сторонились Уинтроу, и он не мог их за это винить. Он тоже держался особняком, проводя большую часть времени на баке⁶, рядом с Проказницей. Пираты там появлялись только по необходимости, если того требовало управление парусами. Как и бывшие невольники, они суеверно избегали приближаться к живому изваянию. Их пугала движущаяся, говорящая статуя. Возможно, это глупое шараханье раздражало Проказницу, но она ничем этого не показывала. А Уинтроу только радовался, что было на корабле местечко, где он мог найти хотя бы относительное уединение.

Он садился на палубу, прислонялся спиной к поручням и пытался найти тему для размышлений, которая была бы не слишком болезненной.

Дома, наверное, почти уже наступила весна... В монастырских садах на деревьях налились почки... Вот бы знать, как продвигаются занятия у Бيرانдола? Скучает ли наставник по своему запропавшему ученику?.. Уинтроу пытался думать о том, что мог бы изучать сейчас он сам, будь он по-прежнему в монастыре, – и печалился. Потом он опускал глаза и смотрел на свои руки. Когда-то они переписывали старинные манускрипты и составляли витражи из кусочков цветного стекла... Это были руки мальчика – ловкие, но еще по-детски тонкие и нежные. А теперь его ладони оделись плотной коркой мозолей, и на одной руке не хватало пальца. Это были загрубелые руки матроса. И пальца не доставало того самого, на котором полагалось бы носить жреческое кольцо...

Здесь тоже постепенно приближалась весна, но совсем иначе, чем дома. Парусина хлопала на стылом ветру. Над головой с бередящими душу криками проносились стаи перелетных птиц. Острова, обрамлявшие пролив, покрывались пышной новой зеленью. Там кишмя кишели и отчаянно галдели приморские птицы, спорившие из-за места для гнезд...

Что-то прервало его размышления.

– Твой отец тебя зовет, – тихо подала голос Проказница.

Да. Он и сам это уже ощутил – через нее. Приснопамятная штормовая ночь усилила и укрепила чувственную и духовную связь мальчика и корабля. Он более не сопротивлялся этой связи, как раньше, Проказница же утратила былое свое трепетное к ней отношение. «Чего доброго, – подумал Уинтроу, – на этом мы с ней сойдемся. Посередине...» Со времени шторма

⁶ На баке, бак – возвышенная носовая палуба судна.

Проказница была добра к нему. Но не более. «Мы с ней прямо как вечно занятая мамаша и требующее заботы дитя...»

– В некотором смысле, – заметила она вслух, – с начала плавания мы с тобой поменялись ролями, ты не находишь?

Он кивнул, не чувствуя ни сил, ни желания отрицать очевидное. Потом расправил плечи, провел рукой по волосам и крепко сжал челюсти. Он не собирался показывать отцу свою неуверенность и душевный разлад.

С высоко поднятой головой проследовал он по палубам корабля, обходя и группки рабов, и работающих матросов. Никто не окликнул его, не попытался встретиться взглядами. «А в самом-то деле, что им наблюдать, куда я пошел? Они одержали свою победу. Какая им теперь разница, чем занят единственный выживший член команды?..»

Уинтроу шел вперед, и никто не трогал его. А вот «Проказница» несла на себе отметины, оставленные бунтом. На палубах еще можно было различить кровавые натеки. Их пытались оттереть в том числе пемзой, но не очень-то удавалось. И воняло на судне по-прежнему работоторговлей – хотя Брик и распорядился непрерывно чистить и отмывать трюмы. Шторм же немилосердно прошелся по парусам; пираты залатали их на скорую руку, но зрелище торопливой починки попросту ранило глаз. В кормовой части корабля были выбиты все двери – составившие выломали их, гоняясь по каютам за начальствующими. Чудесная плотницкая работа была разворочена, разбита в щепки... Во что превратилось ладное и аккуратное судно, на которое он взошел когда-то в Удачном!.. Уинтроу окатило внезапным стыдом оттого, что его фамильный корабль дошел, что называется, до ручки, – он как будто увидел собственную сестру, превратившуюся в портовую шлюху. Сердце Уинтроу сжалось, и он внезапно подумал: «А как могло бы все быть, если бы я попросился на корабль... сам, по собственной воле... юнгой... и стал служить под началом у деда?»

Но потом ему пришлось отставить все лишние мысли. Он приблизился к запертой двери, которую караулили двое хмурых «расписных» (так называли неуживчивых и опасных рабов, которые часто переходили из рук в руки, и оттого их лица покрывались все новыми хозяйскими татуировками). Уинтроу миновал бывших невольников, точно пустое место, и постучал в дверь каюты, где до своей смерти обитал Гентри, старпом. Теперь эта каюта, ободранная и дочиста разграбленная, служила местом заточения его отца. Уинтроу переступил порог, не дожидаясь, пока тот отзовется.

Его отец сидел на краешке голой койки. Он посмотрел на Уинтроу в полтора глаза: один белок был сплошь покрыт кровавыми жилками, разбитое лицо безобразно опухло. Поза Кайла Хэвена свидетельствовала о боли и отчаянии, но, когда он заговорил, в голосе прозвучал лишь едкий сарказм.

– Как мило, что ты удосужился обо мне вспомнить. Я уж думал, у тебя теперь только и дела, что перед новыми хозяевами на брюхе ползать...

Уинтроу подавил вздох:

– Я уже приходил тебя навестить, но тогда ты спал. Я и подумал, что лучшего лекарства, чем сон, все равно предложить тебе не смогу. Как твои ребра?

– Горят. И в голове каждый удар сердца отдается. И от жажды и голода умираю. – Кайл Хэвен осторожно шевельнул головой, указывая подбородком на дверь. – Эти двое меня даже воздухом подышать не пускают...

– Я тебе в тот раз оставил воды и пищи. Разве ты не...

– Да, я все это нашел. Глоточек воды и две черствые корки. – В голосе отца прозвучал сдавленный гнев.

– Это все, что я сумел для тебя раздобыть. На борту очень мало съестного и пресной воды. Во время шторма много припасов уничтожило забортной водой...

– Скажи лучше – рабы все сожрали! – Кайл с отвращением мотнул головой и сразу вздрогнул от боли. – У них даже ума не хватило сообразить, что еду надо расходовать бережливо! Сперва они убивают всех, кто способен управляться с кораблем в бурю, потом сжирают половину припасов, а оставшиеся уничтожают. Стая кур и то лучше смогла бы о себе позаботиться!.. Надеюсь, тебя радует свобода, которую они благодаря тебе получили? Может, они останутся жить, а может, все погибнут...

Уинтроу упрямо ответил:

– Они освободились сами, отец.

– Но ты ничего не сделал, чтобы остановить их!

– Я ничего не сделал и для того, чтобы помешать тебе доставить их на борт в цепях. – Уинтроу поглубже вдохнул, собираясь продолжать... но передумал. Как бы ни пытался он разумно обосновать свои действия или бездействие, отец никогда не прислушается к его доводам. Зато слова Кайла были попросту солью на душевные раны Уинтроу. Следовало ли ему винить себя в смерти команды – ведь он в самом деле ничего не предпринял для прекращения бунта?.. Но если так, значит на его совести и все рабы, погибшие на борту до восстания?.. Слишком больно даже думать об этом... И Уинтроу продолжал совсем другим тоном: – Ты хочешь, чтобы я посмотрел твои раны? Или еще еды попробовал раздобыть?

Кайл спросил:

– Ты нашел лекарские припасы?

Уинтроу покачал головой:

– Пока еще нет. Никто не признается, что взял их. Может, их во время шторма за борт унесло.

– В таком случае ты и правда мало что можешь для меня сделать, – сказал ему отец не без цинизма. – А вот поесть было бы не худо.

Уинтроу отказал себе в праве на раздражение.

– Посмотрю, что можно сделать, – ответил он тихо.

– Посмотри, посмотри, – хмыкнул отец. И, внезапно понизив голос до шепота, спросил: – Так что именно ты собираешься сделать с пиратом?

– Не знаю, – честно сознался Уинтроу. Прямо посмотрел в глаза отцу и добавил: – Мне страшно. Я знаю, что должен попытаться его исцелить. Беда в том, что я не знаю, какой исход хуже: он остается в живых и распоряжается нами как пленниками – или мы все умираем с ним вместе, покидая корабль в одиночестве...

Отец Уинтроу плюнул на пол каюты. Это было до такой степени на него не похоже, что произвело эффект полновесной пощечины. Его глаза холодно заблестели, как два синих камня.

– Я тебя презираю, – прорычал он. – Твоя мать, должно быть, пустила к себе в постель морского змея, иначе у нее не родилось бы нечто подобное!.. Мне стыдно, что люди называют тебя моим отпрыском!.. Посмотри на себя, несчастье ходячее!.. Пираты захватывают твой фамильный корабль, источник пропитания твоей матери, сестер и младшего брата. Их жизнь или смерть зависит от того, сумеешь ли ты отбить «Проказницу» у разбойников!.. Но тебе даже и мысль об этом в голову не приходила! Ты только и думаешь о том, удастся ли тебе вылечить пиратского вожака, у которого ты и без того оказался под сапогом!.. А о том, как бы раздобыть нам оружие, как бы уговорить корабль оказать пиратскому капитану то же неповиновение, которое видел от нее я, – не-ет, это не для нашего Уинтроу. Вспомни-ка, сколько времени ты потратил, ухаживая за двуногими скотами по трюмам! Ты добился, чтобы хоть кто-нибудь из них теперь помог тебе? Нет! Ты скачешь на задних лапках перед пиратом, укравшим наш корабль, да еще помогаешь ему его удержать...

Уинтроу, опечаленный и изумленный, только покачал головой.

– Не очень понимаю, – сказал он, – о чем ты говоришь. Каких деяний ты ждал бы от достойного сына? Я должен в одиночку отбить корабль у Кеннита и его команды головорезов, подчинить рабов, загнать их назад в трюмы и благополучно доставить в Калсиду? Так, что ли?

– Смогли же вы на пару с этим хреновым кораблем свергнуть меня и уничтожить мою команду! Так почему бы тебе не напустить «Проказницу» на него, как ты напустил ее на меня? Почему бы тебе хотя бы один-единственный раз в жизни не поступить так, как того требуют интересы семьи?..

Отец поднялся на ноги, сжав кулаки, как если бы собирался вот-вот наброситься на Уинтроу. Резкое движение, впрочем, тотчас заставило его ахнуть от боли и схватиться за помятые ребра. Лицо из багрового почти мгновенно сделалось белым, он покачнулся.

Уинтроу шагнул вперед, чтобы поддержать его...

– Не смей прикасаться ко мне!.. – зарычал Кайл угрожающе. И неверными движениями вернулся к койке. Осторожно опустился на нее – и остался сидеть, зло глядя на сына.

«Знать бы, что он видит, когда вот так на меня смотрит?» – невольно спросил себя Уинтроу. Наверное, этот высокий светловолосый мужчина видел перед собой сущее разочарование: Уинтроу удался (вернее, *не* удался) в мать – малорослым, черноволосым и тонким в кости. Он сам знал, что никогда не сравняется с отцом ни ростом, ни физической силой. В свои четырнадцать лет он все еще оставался в телесном отношении более мальчиком, нежели мужчиной. Но великое разочарование Кайла Хэвена имело отношение не только и не столько к плотской стороне дела. Уинтроу и духовно был совершенно иным, чем его родитель.

– Я никогда не подговаривал корабль против тебя, отец, – тихо сказал Уинтроу. – Ты сам, своим обращением с нею, восстановил ее против себя. И я не вижу, каким бы образом я мог прямо теперь вернуть ее. Самое большее, на что я рассчитываю, – это сохранить жизнь тебе и себе.

Кайл Хэвен отвел глаза и уставился в стену:

– В таком случае ступай отсюда и принеси мне поесть!

Он пролаял команду так, словно по-прежнему повелевал кораблем.

– Попробую, – холодно отозвался Уинтроу. Повернулся и вышел из каюты.

Когда он закрывал за собой перекошенную, плохо державшуюся дверь, к нему обратился один из «расписных». У него на физиономии было столько наколок от разных хозяев, что при движении лицевых мышц они, казалось, шевелились и ползали.

Он спросил:

– С какой стати ты от него все это терпишь?

– Что?.. – удивился Уинтроу.

– Да он же с тобой обращается хуже, чем с собакой!

– Он мой отец, – ответил Уинтроу, только пытаюсь не выдать свой испуг: они, оказывается, неплохо слышали разговор, происходивший внутри! «Знать бы, много ли они успели подслушать?..»

– Жопа он вонючая, а не отец, – высказался второй стражник. – А ты, коли терпишь, получаешься, стало быть, жопиным сыном...

– Заткнись! – рыкнул на него первый. – Парнишка не заслужил, чтобы еще и ты его скипидарил! Если ты сам запомнил, кто был добр к тебе, пока ты валялся в цепях, так я живо напомню! – И темные глаза «расписного» вновь обратились на Уинтроу. Он мотнул головой в сторону двери. – Будет сильно доставать, парень, ты мне только скажи. Я его за тебя живо раком поставлю.

– Нет! – четко и недвусмысленно выговорил Уинтроу. – Я совсем этого не хочу. Не надо ради меня никого раком ставить. – И добавил, чтобы бывший раб, привычный к грубому обращению, вернее понял его. – Пожалуйста, не обижай отца.

– Тебе видней, – «расписной» передернул плечами. – Я из опыта говорю, знаешь ли. С такими типами, как твой батька, разговаривать можно только одним способом – мордой об стол. Либо он тебя на четыре кости поставит, либо ты его. Люди вроде него другого не разумеют...

– Может, ты и прав, – неохотно согласился Уинтроу. Хотел уже идти прочь, но остановился. – Как тебя звать?

– Вилья. А ты Уинтроу, верно?

– Да, я Уинтроу. Приятно познакомиться, Вилья.

И мальчик посмотрел на второго стража. Тот нахмурился, неловко переступил с ноги на ногу... Но в конце концов назвал:

– Диккен.

– Диккен, – повторил Уинтроу, накрепко фиксируя в памяти новое имя. Он поймал взгляд Диккена и кивнул ему, прежде чем уйти. Он чувствовал, что их короткий разговор позабавил Вилью и вызвал его одобрение. Вот так. Вроде бы чепуха – но в этой ерундовой стычке он сумел настоять на своем... и от этого чувствовал себя некоторым образом лучше.

Потом он вышел на верхнюю палубу, моргая от яркого солнечного света, – и немедленно оказался носом к носу с Са'Адаром. Рослый жрец еще выглядел осунувшимся и изможденным после долгого заточения в трюме, а на запястьях и лодыжках красовались багровые следы. Их называли «поцелуями кандалов».

– А я тебя повсюду ищу, – сказал он Уинтроу.

Еще двое «расписных» следовали за ним по пятам, ни дать ни взять верные цепные псы.

– В самом деле? – отозвался Уинтроу. Он только что не позволил Диккену сесть себе на голову и решил продолжать в том же духе. Он расправил плечи и прямо посмотрел Са'Адару в глаза. – Это ты, – спросил он, – поставил тех двоих при дверях каюты, где сидит мой отец?

– Я, – невозмутимо отвечал жрец. – Этот человек должен пребывать под стражей до тех пор, пока не предстанет перед судом и справедливость не будет совершена над ним. – Он смотрел на Уинтроу сверху вниз, с высоты своего роста и прожитых лет. – Уж не собираешься ли ты оспорить мое распоряжение?

– Я? – Уинтроу притворился, будто всерьез над этим задумался. – А что, неужели ты беспокоишься, как бы я не взялся тебе противиться? Право же, на твоем месте я менее всего волновался бы о том, что там думает какой-то Уинтроу Вестрит. Я бы спросил себя, а как посмотрит капитан Кеннит на то, что я такую власть себе присвоил...

– Кеннит лежит при смерти, – отвечал Са'Адар самонадеянно. – Не он распоряжается здесь, а Брик. И его, как я понимаю, вполне устраивает, что я взялся командовать рабами. Если он хочет что-нибудь приказать им, то делает это через меня. И он не возражал, когда я приставил к капитану Хэвену стражу.

– Рабы, говоришь?.. Я-то думал, теперь они свободные люди! – Говоря так, Уинтроу улыбнулся, старательно притворяясь, будто не замечает, насколько пристально «расписные» вслушиваются в их разговор. Он видел: другие освобожденные, болтавшиеся на палубе, тоже навестили уши. Кое-кто придвинулся ближе...

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду! – бросил раздраженно Са'Адар.

– Человек обычно говорит именно то, что имеет в виду... – задумчиво проговорил Уинтроу. Выдержал паузу – и продолжал как ни в чем не бывало: – Так, значит, ты меня зачем-то искал?

– Да. Ты сегодня осматривал Кеннита?

Уинтроу ответил вопросом на вопрос, негромко:

– А с какой стати ты спрашиваешь?

– С такой, что я желаю доподлинно знать, каковы его намерения! – Са'Адар, обученный жрец, хорошо владел своим голосом и постарался, чтобы его слышало как можно больше

народу. Татуированные лица и в самом деле начали поворачиваться к ним одно за другим. – В Джемелии ходят слухи, будто когда капитан Кеннит захватывает работорговый корабль, он предает смерти команду, а судно отдает тем, кого на нем везли продавать, чтобы они тоже стали пиратами и участвовали в его войне против рабства. Именно в это мы верили, когда радостно приветствовали его помощь по обслуживанию захваченного нами корабля. Мы полагали, что корабль останется нам и для каждого из нас станет ступенькой к новым жизненным начинаниям. А теперь похоже на то, что капитан Кеннит надумал присвоить наше судно себе! Памятуя все, что мы о нем слышали, нам трудно поверить, что он способен отнять у нас единственную ценность, которой мы обладаем. А потому мы и хотим, чтобы он ответил нам честно и без утайки: кому, по его мнению, принадлежит этот корабль?

Уинтроу смотрел на него, не отводя взгляда.

– Если ты в самом деле желаешь спросить об этом капитана Кеннита – поди и спроси. Его мнения по данному поводу никто за него не властен высказывать. Если же ты спрашиваешь меня, то услышишь не мнение, а сущую правду.

Уинтроу намеренно говорил много тише, чем Са'Адар: пусть те, кто действительно хотел слышать, придвинутся ближе. И люди вправду придвинулись, причем не только бывшие рабы, но и многие из пиратов. Вид у этих последних был очень опасный.

Са'Адар снисходительно улыбнулся:

– Твоя правда, я полагаю, заключается в том, что корабль принадлежит тебе...

Уинтроу покачал головой и улыбнулся в ответ.

– Корабль, – сказал он, – принадлежит себе самому, и только себе. Проказница – живое и свободное существо, у которого никто не волен отнять право распоряжаться собственной жизнью. Или, может быть, ты, сам носивший тяжелые цепи невольника, пожелаешь сотворить над нею ту же несправедливость, которая была так жестоко учинена над тобой?

Разговаривая как бы с одним Са'Адаром, Уинтроу тем не менее, даже не оглядываясь, ощущал, какое впечатление произвели его слова на всех остальных. Мальчик умолк, ожидая ответа. И получил его: после мгновенной заминки Са'Адар фыркнул и презрительно рассмеялся.

– Только не воспринимайте эту болтовню за чистую монету, – обратился он к толпе. – Да, носовая фигура наделена речью... благодаря какому-то колдовству. Подозреваю, у них в Удачном и не такие диковинки есть. Корабль есть корабль! Это вещь, а не личность! И эта вещь по праву принадлежит нам!

Лишь немногие из рабов согласно забормотали. Зато перед Са'Адаром немедленно встал один из пиратов.

– Это ты что тут, насчет мятежа договариваешься? – поинтересовался просоленный, посевший в битвах морской волк. – Давай-ка выражайся определеннее. Потому как если вправду насчет мятежа – вмиг за борт полетишь и пикнуть не успеешь. Вот так-то.

И пират улыбнулся подчеркнуто недоброжелательно, показывая дыры на месте выбитых некогда зубов. У его плеча возник здоровеннейший детина и, предвкушая хорошую потасовку, повел плечами – нарочно, чтобы видели «расписные», сопровождавшие Са'Адара. Те выпрямились и напряглись, сузив глаза.

Са'Адар выглядел потрясенным... Ничего подобного он явно не ожидал. Он вскинул голову и негодуя начал:

– А вам какое дело до...

Старый пират перебил его, ткнув пальцем в грудь.

– Кеннит, – сказал он, – наш капитан. И коли он что говорит, значит быть по сему. Дошло? – Жрец промолчал, и старик расплылся в улыбке. Са'Адар отступил прочь, отодвигаясь от пальца, сверлившего его грудь. Он уже собрался идти прочь, когда пират заметил: – Ты бы, малый, поменьше чесал языком касаемо того, что там капитан Кеннит делает или не

делает. Коли чем недоволен – поди к капитану да прямо сам ему все в лицо и скажи. Он мужик нелегкий, да зато справедливый – выслушает. А за спиной болтать не моги! Повадишься против ветра писать – самому в рыло и прилетит!

И, более не оглядываясь, пираты вернулись к корабельной работе. Всеобщее внимание вновь обратилось на Са'Адара. Он даже не пытался скрыть ярости, сверкавшей в его глазах, но, когда он заговорил, голос прозвучал тонко:

– А вот и поговорю с Кеннитом! Открыто и прямо. А вот и поговорю!..

Уинтроу опустил глаза и уставился в палубу. Может статься, отец все же был прав. Может, был-таки способ отвоевать фамильный корабль и у пиратов, и у рабов... Когда разгорается ссора, кто-то обыкновенно выгадывает... Он пошел прочь, ощущая, что сердце бьется быстрее обычного. Это было странно. И оставалось только гадать, откуда бы у него, Уинтроу, подобные мысли...

Проказница была весьма озабочена. Она продолжала смотреть вперед, на качавшуюся корму «Мариетты», но на самом деле все ее внимание было посвящено творившемуся внутри. Штурвальный вел ее очень спокойно, уверенной и твердой рукой. Команда, деловито сновавшая по снастям, состояла из прирожденных моряков – вся, до последнего человека. В трюмах и на палубах медленно, но верно наводили должную чистоту, кто-то уже чинил деревянные части, пострадавшие во время восстания, и драил медяшку⁷. И впервые за много месяцев у Проказницы не было причин сомневаться в компетентности своего капитана... В общем, наконец-то она могла как следует поразмыслить о своем, поминутно не спохватываясь и не беспокоясь, хорошо ли делает свое дело команда.

Пробужденный живой корабль способен очень пристально наблюдать за тем, что делается у него внутри; это благодаря набору⁸ и обшивке, сработанным из диводрева. Проказнице такое восприятие было присуще во всей полноте. Правда, большинство того, что происходило в отсеках, было всего лишь повседневными проявлениями жизни, вряд ли стоившими пристального внимания. Вот моряк чинит потертую снасть, а кок в камбузе режет луковицу – может ли это как-либо повлиять на ее судьбу? Нет.

А Кеннит – может.

Он спал беспокойным сном в капитанской каюте, этот загадочный человек. Проказница не могла видеть его там, она его *чувствовала* – чувством, не ведомым людям, даже не придумавшим для него названия на своем языке. Кеннита опять мучила лихорадка, и женщина, ухаживавшая за ним, попросту не находила себе места. Она что-то делала тряпкой, смоченной в холодной воде... Проказница немедленно захотела знать больше, но ничего не получилось. С этими людьми у нее не было связи, как с Уинтроу. Она с ними даже толком еще не познакомилась.

Кеннит был гораздо доступнее для ее восприятия, чем Этта. Его горячечные сны изливались невозбренным потоком, и сознание Проказницы впитывало их, как ее палубы впитывали кровь. Увы, разобраться и что-либо понять в снах Кеннита ей никак не удавалось. Она видела маленького мальчика, жестоко страдавшего. Он разрывался между привязанностью к отцу, который его очень любил, но совершенно не способен был защитить, и другим человеком, рядом с которым никого можно было не опасаться, – вот только сердце этого человека было полностью чуждо любви. А еще в снах Кеннита из пучины раз за разом взвивался мор-

⁷ *Драить медяшку* – морское выражение, означающее чистку от грязи и коррозии металлических деталей корабля, многие из которых в старину, когда появилось это выражение, делались из меди и ее сплавов. Такие металлы от соленой морской сырости быстро покрываются зеленью, поэтому «драить медяшку» приходилось практически ежедневно. На современных парусных кораблях, разумеется, применяются гораздо более стойкие сплавы, но выражение осталось.

⁸ *Набор корабля* – совокупность продольных и поперечных балок, остов, каркас, придающий форму корпусу судна. Он, как скелет, несет основные нагрузки, к нему крепится обшивка.

ской змей и впивался ему в ногу. Боль от укуса была сродни ожогу кислотой или морозом... И Кеннит тянулся к ней, к Проказнице, напрягая все силы души, тянулся к общности и пониманию, лишь смутно памятному ему со времен детства...

«Эй, эй, что это у нас тут такое? Или, вернее сказать, кто такой?»

Сперва Проказнице показалось, будто она услышала голос Кеннита. Потом она поняла, что еле слышный шепот раздавался в уголке ее сознания. Она тряхнула головой, так что волосы развились по ветру. Нет, не могло быть такого, чтобы пират с нею заговорил! Она никогда с такой ясностью не слышала даже мыслей Альтии и Уинтроу – даже в минуты наивысшего единения с ними.

– Нет, – пробормотала она вслух. – Это не Кеннит.

Он определенно не мог до нее дотянуться, тут никакого сомнения быть не могло. И тем не менее – голос принадлежал Кенниту. Проказница прислушалась: вот, лежа в каюте, пиратский капитан набрал полную грудь воздуха – и бессвязно забормотал, что-то отрицая, с кем-то не соглашаясь. Потом застонал...

«Верно, я не Кеннит, – вновь послышался голосок. Теперь в нем звучала легкая насмешка. – Как, собственно, и ты – не Вестрит, сколько бы ты себя ни считала таковым. Кто ты?»

Жутковато было ощущать присутствие чужого разума, силившегося проникнуть в ее сознание. Проказница невольно шарахнулась от него прочь – если можно так выразиться о происходящем на тонких планах бытия. Она была гораздо сильнее маленького чужака, и, когда она отгородилась от него, он ничего поделать не смог. Но, отгораживаясь, Проказница утратила и едва обретенную, еще непрочную связь с Кеннитом. Она рассердилась и отчаянно разволновалась. Она стиснула кулаки... и скверно встретила очередную волну – врезалась в нее, вместо того чтобы пропустить под собой. Рулевой тихо выругался и чуть поправил штурвал. Проказница облизнула губы, влажные от соленой пены, и убрала волосы, свалившиеся на лицо. Кто или что с нею заговорило?.. Она по-прежнему тщательно следила за своими мыслями, старательно держа их при себе, и старалась разобраться в собственных чувствах, взвешивая, чего было больше – испуга или любопытства. Ко всему прочему, она чувствовала странное родство с незнакомцем. Да, она легко отделалась от его назойливых попыток соприкосновения. Но сам факт, что кто-то хотя бы попытался проникнуть в ее разум, был неприятен.

Она твердо решила, что ничего подобного не потерпит. Кем бы ни был этот нахал, уж она выведет его на чистую воду!.. Не снижая бдительности, она вновь осторожно потянулась к капитанской каюте, где в бреду ворочался Кеннит. Она легко отыскала пирата. Он все так же боролся с кошмарами, навеванными лихорадкой. На сей раз он прятался в большом шкафу, скрываясь от какого-то создания, которое выслеживало его, обманчиво ласково называя по имени. Его женщина, Этта, приложила мокрую тряпку к его лбу, а другой тряпкой обернула изувеченную ногу. Проказница явственно ощутила, какое облегчение это принесло капитану. Она смелее устремила свое сознание в эту каюту... но более никого не смогла там обнаружить.

– Где ты? – поинтересовалась она требовательно и сердито. Кеннит дернулся и вскрикнул во сне: его преследователь повторил эти же слова. Этта склонилась над ним, шепча слова утешения...

А Проказнице никто так и не ответил.

Кеннит выплыл из сна в явь, задыхаясь, словно из глубокой темной воды. Ему понадобилось время, чтобы сообразить, где он находится. Однако потом на иссушенных лихорадкой губах возникла радостная улыбка. Его живой корабль... Он был на борту своего собственного живого корабля, в отменно обставленной капитанской каюте. Покрытое испариной тело кутала тонкая льняная простыня. Внутри каюты мерцали дерево и полированная медь – изысканно и очень уютно. Кеннит слышал, как под килем журчала вода: Проказница ходко шла проливом.

Он явственно чувствовал присутствие корабля, окружавшего его... защищавшего. Она была второй кожей, укрывавшей его от зол этого мира. Он удовлетворенно вздохнул... и закашлялся – горло совсем пересохло.

– Эгта! – прокаркал он, призывая шлюху. – Воды...

– Вот, выпей, – отозвалась она ласково.

Как ни странно, она вправду стояла подле него, держа наготове чашку с водой. Она помогла ему приподнять голову, и ее длинные пальцы приятно охладили затылок. Напоив его, она ловко перевернула подушку. Влажной салфеткой утерла с его лица пот, мокрой тряпицей прошлась по ладоням. Он лежал молча и смирно, просто отдаваясь ее заботам, испытывая безвольную благодарность. Какой покой, какой глубочайший покой...

Увы, мгновение блаженства не затянулось надолго. Поневоле его мыслями завладели распухшая нога и боль, гнездившаяся в ней. Он попробовал мысленно от нее отрешиться. Не получилось. Боль была пульсирующим пламенем, и каждый новый вздох только раздувал этот костер. Его шлюха сидела в кресле подле кровати и что-то шила. Кеннит безразлично оглядел женщину... Она показалась ему постаревшей. На лбу и возле губ залегли морщинки. И лицо, обрамленное короткими черными волосами, выглядело исхудавшим. От этого темные глаза были еще огромней.

– Прескверно выглядишь, – упрекнул он ее.

Она тотчас отложила шитье и улыбнулась ему так, словно он отвесил ей изысканный комплимент.

– Мне просто тяжело видеть тебя в таком состоянии, – сказала она. – Пока ты болеешь, я... ни есть, ни спать не могу...

Вот ведь до чего себялюбивая женщина. Сперва скормила морскому змею его ногу, а теперь еще и выставляет себя страдающей стороной. Может, ему еще следовало бы ее пожалеть?... Кеннит отставил эту мысль.

– Где мальчишка? – спросил он. – Уинтроу?

Она тотчас поднялась с места:

– Позвать его?

Дурацкий вопрос.

– Конечно позвать! Он, кажется, собирался мою ногу вылечить. Почему он до сих пор этого не сделал?

Она склонилась над его ложем и нежно улыбнулась ему. Он рад был бы ее отпихнуть, но сил совсем не осталось.

– Я думаю, – сказала она, – он ждет, пока мы причалим в Бычьем Устье. Ему надо кое-что раздобыть на берегу, чтобы он вернее мог... тебя исцелить.

И она отвернулась – поспешно, но все же недостаточно проворно, и он успел заметить слезы, блеснувшие у нее на глазах. Она ссутулила плечи, утратив присущую ей гордую осанку и словно бы уменьшившись в росте. Судя по всему, она не рассчитывала, что он выживет. Внезапно поняв это, Кеннит и напугался, и рассердился. Ни дать ни взять она ему смерти желала!

– Ступай разыщи мальчишку! – грубым голосом приказал он ей, желая в основном, чтобы она убралась с глаз. – Да напомни ему, напомни хорошенько: если я умру – сдохнет и он сам, и его папаша в придачу. Прямо так ему и скажи, ясно?

– Сейчас пошлю за ним кого-нибудь... – отозвалась она нетвердым голосом. И направилась к двери.

– Нет! – догнал ее голос Кеннита. – Сходи сама! Сейчас же, немедленно! Найди его и приведи сюда!

Она вернулась – и ввела его в еще большее раздражение, легонько коснувшись пальцами лица.

– Иду, уже иду, – сказала она успокаивающим тоном. – Все сделаю, что пожелаешь...

Он не стал смотреть, как она уходит, – просто прислушался к ее шагам по палубе. Двигалась она торопливо, однако, выходя, дверь за собой прикрыла тихо и плотно. Он слышал, как она обращалась к кому-то, гневно повышая голос:

– Нет! Уходи! Я не позволю сейчас беспокоить его по таким пустякам!.. – И добавила тихо и угрожающе: – Вот только прикоснись к этой двери – на месте убую...

И у того, к кому были обращены эти речи, явно хватило ума прислушаться, ибо никакого стука в дверь не последовало.

Кеннит полуприкрыл глаза, и душа его поплыла по течению, куда увлекала ее боль. Лихорадка обострила его восприятие мира, сделала все углы бритвенно-острыми, все цвета – ядовито-яркими. Стены и потолок уютной каюты, казалось, нависали над ним, грозя рухнуть. Кеннит отшвырнул простыню, ловя ртом воздух в поисках хоть какой-то прохлады...

– Так-так, Кеннит... Ну и что ты намерен делать с «подающим надежды пострелом», когда он придет?

Пират как можно крепче зажмурился. И мысленно приказал умолкнуть этому голосу.

– Смешно! – безжалостно фыркнул талисман. – Ты что, думаешь, если глаза закрыть, так я тебя видеть не смогу?

– Заткнись. Отстань от меня. И зачем только я вообще велел тебя сделать...

– Ах-ах, сейчас помру от разбитого сердца. Выслушивать такие слова! И это после всего, что мы вместе пережили!

Кеннит поднял веки. Поднес руку к глазам и уставился на браслет на запястье. Ему доброжелательно улыбался маленький талисман – его собственный сильно уменьшенный портрет, вырезанный из диводрева. Кожаные завязки плотно притягивали его к тому месту, где в руке бился пульс. Жар сделал свое дело: Кенниту показалось, будто деревянное личико увеличивается и чуть ли не нависает над ним. Он снова зажмурился...

– Ты в самом деле веришь, что мальчишка способен помочь тебе? Нет ведь, не веришь. Ты не настолько дурак. Другое дело, ты с отчаяния даже и это готов попробовать... Знаешь, что меня по-настоящему изумляет? Ты до такой степени боишься смерти, что этот страх даже дает тебе достаточно храбрости, чтобы лечь под нож лекаря. А ты подумай-ка о своей плоти, которую воспаление сделало настолько чувствительной, что она еле выносит даже прикосновение простыни. И ее-то ты позволишь рассечь ножом? Только представь себе это острое лезвие, как оно сверкает серебром, пока не потускнело от крови...

– Слушай, талисман, – Кеннит чуть приоткрыл глаза, – скажи на милость, чего ради ты надо мной издеваешься?

Деревянное личико свело губы бантиком:

– А просто потому, что могу. Я, наверное, единственное на всем свете существо, способное поиздеваться над великим капитаном Кеннитом. Кеннитом Освободителем. Будущим королем Пиратских островов... – Талисман хмыкнул и добавил: – И все-таки скажи мне, о самый неустрашимый змеиный корм во всех водах Внутреннего прохода, чего тебе нужно от мальчишки-жреца? Ты что, возжелал его? Из-за него в твоих бредовых видениях воскресают такие картины из... хм... розового детства, что только держись. Может, ты вознамерился поступить с ним так же, как когда-то поступали с тобой?

– Нет! Я никогда не...

– Да прямо! – Талисман презрительно фыркнул. – Ты вправду воображаешь, будто можешь солгать мне? При нашей-то с тобой связи? Я же знаю о тебе все. ВСЕ!

– Я сделал тебя, чтобы ты мне помогал, а не жилы тянул... Почему ты так настроен против меня?

– Потому что ненавижу все с тобой связанное, – зло ответил талисман. – Потому что мне быть охота оттого, что я все больше становлюсь твоей частью. И помогаю тебе в том, что ты творишь!

Кеннит испустил судорожный вздох...

– Чего бы ты хотел от меня?.. – спросил он. Это была жалоба побежденного, просьба о милосердии и пощаде.

– Хороший вопрос... Жаль, он тебе никогда раньше в голову не приходил. Чего бы, значит, я от тебя хотел?.. – повторил талисман, словно пробуя на вкус эти слова и определенно наслаждаясь. – Возможно, я хотел бы заставить тебя пострадать. Возможно, я хотел бы поиздеваться. Возможно, я...

Тут за дверью прозвучали шаги. Стук башмачков Этты... и легкий шорох босых ног.

– Будь с Эттой добрее, – торопливо потребовал талисман. – И может быть, я...

Дверь открылась, и он тотчас умолк, превратившись в обыкновенную деревянную бусину на запястье больного. Вошел Уинтроу, и следом за ним – шлюха.

– Я привела его, Кеннит, – объявила Этта, прикрывая за собой дверь.

– Отлично. Оставь нас одних.

Если треклятый талисман полагал, будто сможет его силой к чему-либо принудить, – он здорово заблуждался...

– Кеннит... – замялась Этта. – Ты уверен, что это разумно?

– Нет, – сказал он. – Как раз напротив, я уверен, что это величайшая глупость. Люблю, знаешь ли, глупости делать. – Кеннит говорил негромко, вполглаза наблюдая за деревянным личиком у себя на запястье. Никакого движения – лишь глазки посверкивали. Должно быть, талисман обмозговывал страшную месть. «Ну и шут с ним. Пока я еще дышу, ничто не заставит меня расшаркиваться перед поганой деревяшкой...»

– Выйди, – повторил он. – Оставь нас с мальчиком наедине.

Этта вышла, держась неестественно прямо. Она плотно притворила дверь – это вместо того, чтобы как следует ею хлопнуть. Как только она скрылась, Кеннит кое-как сел в постели.

– Подойди, – велел он Уинтроу. Тот повиновался, и Кеннит, дотянувшись, откинул угол простыни, так что его изувеченная нога предстала во всей красе. – Вот, – сказал Кеннит. – Ну и что ты можешь для меня сделать?

Зрелище было такое, что мальчишка побледнел. Кеннит видел, какого внутреннего усилия тому стоило подойти к постели вплотную и рассмотреть его ногу вблизи. Ко всему прочему, от нее еще и воняло – Уинтроу помимо воли поморщился. Однако потом он прямо посмотрел на него своими темными глазами и ответил честно и просто:

– Не знаю, право. Выглядит очень скверно... – Вновь глянул на ногу и встретился глазами с пиратом. – Давай рассуждать так. Если мы не попытаемся отнять зараженную часть ноги, ты точно умрешь. Так что, пытаясь сделать операцию, мы, собственно, ничем не рискуем.

Кеннит растянул губы в деревянной улыбке:

– Я-то точно особо ничем не рискую. А ты – собственной жизнью и еще жизнью отца.

Уинтроу коротко, невесело рассмеялся:

– Я же знаю, что в случае твоей смерти мне головы не сносить – вне зависимости от того, сделаю я что-нибудь или нет... – И кивнул в сторону двери. – Она уж точно не позволит мне надолго тебя пережить...

– Боишься моей женщины, а? – Улыбка Кеннита стала пошире. – И правильно делаешь... Ладно. Так что ты делать-то предполагаешь?

Он пытался спрятать свой страх, говоря о нешуточной операции как о ничего не значившем пустяке.

Мальчик вновь уставился на его ногу... Он нахмурился, размышляя. Выражение крайнего сосредоточения лишь подчеркивало его юность.

Кеннит бросил один взгляд на свой разлагающийся обрубок... После чего предпочел следить за лицом Уинтроу. Он невольно содрогнулся, когда мальчик протянул руку...

– Я не буду касаться, – пообещал Уинтроу. Он говорил почти шепотом. – Мне просто нужно узнать, где кончается здоровая плоть и начинается пораженная.

Он сложил руки «лодочкой», словно собираясь удержать что-то под ними. Поднес ладони к самой ране, потом его руки медленно двинулись выше, скользя вдоль бедра. Уинтроу прикрыл глаза и склонил голову набок, точно к чему-то прислушиваясь. Кеннит молча следил, как двигались его руки... Что он ощущал? Тепло? Или нечто более тонкое – например, медленное действие яда?.. Руки мальчишки заметно огрубели от тяжелой работы, но изящество, присущее пальцам художника, никуда не исчезло.

– У тебя пальца недостает, – заметил он погодя. – Что произошло?

– Несчастный случай, – рассеянно отозвался Уинтроу. И велел: – Тише...

Кеннит недовольно нахмурился... но спорить не стал и умолк, как ему было сказано. Между тем он обнаружил, что чувствует присутствие и движение рук Уинтроу. Не прикасаясь, они оказывали некое неосоздаваемое давление... Кеннит прислушался к себе пристально и вновь оказался захвачен тупой, безжалостной пульсацией боли. Он стиснул зубы, тяжело сглотнул – и ухитрился еще раз отрешиться от боли, выкинув ее из своих мыслей.

Примерно на середине бедра капитана руки Уинтроу остановились. Морщины, прорезавшие его лоб, сделались глубже. Уинтроу задышал ровнее и глубже и совсем закрыл глаза. Ни дать ни взять – стоя уснул. Кеннит вглядывался в его лицо... Длинные темные ресницы опустились на щеки. Челюсть и скулы успели утратить ребяческую припухлость, но никаких признаков бороды и усов пока не было заметно. Возле носа виднелась маленькая зеленая наколка – знак того, что некогда он принадлежал сатрапу как невольник. Рядом красовалась татуировка побольше – грубо выполненное, но вполне узнаваемое изображение носовой фигуры «Проказницы». Первым чувством Кеннита было раздражение – ну кому могло прийти в голову так испортить красивое мальчишеское лицо?.. Потом он нашел, что самая грубость татуировки только подчеркивала детскую невинность Уинтроу. Ему подумалось, что Этта некогда выглядела почти так же. Когда он впервые увидел ее... девочку-подростка в гостинной веселого дома...

– Капитан Кеннит?.. Кэп?

Он открыл глаза. И когда это он успел их закрыть...

Уинтроу между тем чуть заметно кивал головой.

– Вот здесь, – сказал он, как только увидел, что пират на него смотрит. – Если будем резать вот здесь, то, я думаю, попадем как раз на чистое место.

Руки мальчишки указывали точку пугающе высоко на его бедре. Кеннит заставил себя перевести дух...

– Чистое место, говоришь? А почему не пониже того места, где здоровая плоть?

– Нам, – пояснил Уинтроу, – придется отнять немного здорового тела, потому что оно заживает быстрее отравленного. – И он обеими пятернями откинул с лица непослушные волосы. – К сожалению, в ноге уже не осталось такого места, где совсем не было бы яда. Но, я полагаю, наш лучший шанс – это сделать разрез именно здесь. – Уинтроу был по-прежнему очень сосредоточен. – А для начала я хотел бы приложить к низу ноги пиявки, чтобы они высосали отравленную кровь и уменьшили опухоль. Целители из нашего монастыря поступали по-разному: одни пускали кровь, другие предпочитали ставить пиявки. У каждого способа свои преимущества, но мне думается, что загустелую кровь, несущую воспаление, наилучшим образом уберут именно пиявки...

Кеннит не позволил себе поморщиться. Сосредоточенное, напряженное лицо Уинтроу заставило его вспомнить Соркора, сидящего над картой и планирующего морское сражение.

– Потом, – продолжал мальчик, – вот здесь мы наложим широкий жгут, который замедлит кровообращение. Он должен будет плотно перехватить тело, не сминая и не повреждая его при этом. Я буду резать несколько ниже. Я постараюсь выкроить лоскут кожи, чтобы потом прикрыть им рану. Мне понадобится остро отточенный нож и мелкозубая пила для кости. Лезвие ножа должно быть достаточно длинным, чтобы оставляло чистый разрез... – Уинтроу показал руками, какая именно длина лезвия ему требовалась. – Для зашивания раны некоторые используют нитки из рыбьих кишок, но у нас в монастыре говорили, что лучшие швы получаются, если взять волосы с головы самого больного. У тебя, господин мой, как раз подходящие волосы, хорошие, длинные. Они, правда, выются, но не очень мелко, и это не должно помешать ровным стежкам. Да, они отлично сгодятся...

Кеннит только гадал, пытался ли мальчишка вконец выбить его своими рассуждениями из колеи, или он просто напрочь забыл, что говорит о его, Кеннита, плоти, крови... и кости.

Он поинтересовался фальшиво-легкомысленным тоном:

– А чем ты собираешься меня опохмелить, чтобы я не чувствовал боли?

– Тут, господин мой, тебе лучше всего полагаться на свое собственное мужество. – Темные глаза юного лекаря прямо смотрели в его водянисто-голубые. – Не буду обещать, что все сделаю очень быстро, но лишних страданий постараюсь не причинять. Перед операцией ты выпьешь бренди или рому. Если бы это было возможно, я посоветовал бы запастись вытяжкой из плодов квези. Это снадобье замечательно лишает раны чувствительности. Оно, правда, действует только в сочетании со свежей кровью, так что его можно было бы применить лишь после всех разрезов... – Уинтроу задумчиво покачал головой. – Тебе следует тщательно выбрать матросов, которые станут держать тебя во время операции. Это должны быть сильные мужчины и притом достаточно рассудительные: чтобы не слушались, если ты потребуешь убрать руки, и не испугались, если ты начнешь им угрожать...

«Этого только мне еще не хватало!..» Кенниту даже думать тошно было о том унижении, которое, оказывается, ему предстояло перенести. Он попытался было сказать себе, что это неизбежно, но тут же прогнал эту мысль. Нет! Должен быть какой-то выход, какой-то способ обойти разверзшуюся перед ним бездну страдания и беспомощного срама. «Да как я буду их выбирать, зная, что, быть может, перенесу все это – и тем не менее потом сдохну? Вот уж глупо-то буду выглядеть...»

– ...И каждый должен быть чуточку вытянут наружу и стянут отдельным маленьким стежком. Либо двумя, – продолжал что-то объяснять Уинтроу. Помолчал и признался: – Хочу, чтобы ты знал: сам я еще никогда такого не делал. Только видел, как делали другие. Два раза. Один раз отнимали зараженную ногу. В другом случае у человека были непоправимо раздавлены вся ступня и лодыжка. Оба раза я помогал лекарям, подавал инструменты, держал ведерко...

Он замолчал, не договорив. Облизнул губы – и стал смотреть на Кеннита, широко раскрыв глаза.

– Что еще? – хмуро поинтересовался пират.

– Твоя жизнь будет у меня в руках, – проговорил Уинтроу благоговейно.

– А твоя – в руках у меня, – заметил пират. – И отца твоего – тоже.

– Да я не об этом, – отмахнулся Уинтроу. Его голос звучал словно издали. – Ты, несомненно, привык к подобной власти над жизнью и смертью... А я о ней никогда даже не помышлял!

Глава 3

Коронованный Петух

Торопливые шаги Янни Хупрус гулко разносились по пещерному коридору. Шагая вдоль стены, она все время касалась пальцами длинной полоски джидзина, вделанной в камень. Прикосновение порождало слабое свечение, двигавшееся вместе с нею по темному проходу, уводившему все глубже в подземный дворец-лабиринт, выстроенный Старшими. Дважды ей приходилось огибать лужи темной воды на полу. Оба раза она по давней привычке запоминала их местоположение. Каждый год во время весенних дождей повторялась одна и та же история. Толстый слой влажной земли наверху и в особенности корешки, стремившиеся проникнуть во всякую щель, постепенно одолевали древнее сооружение. Размеренный ритм падающих капель перекликался с ее собственными поспешными шагами.

Минувшей ночью случилось землетрясение. По меркам Дождевых чащоб – не бог весть что, и все же оно было сильнее и длилось дольше, чем обычное легкое колебание почвы. Янни, быстро идя сквозь потемки, старалась не думать о нем. Уж если этот дворец в свое время успешно противостоял великому катаклизму, сровнявшему с землей большую часть древнего города, – следует рассчитывать, что он и еще немножко продержится...

Наконец Янни добралась до каменной арки, перекрытой тяжелой металлической дверью. Она легонько пробежалась по ней руками, и Коронованный Петух – герб Хупрусов, выбитый на поверхности, – сейчас же засветился от прикосновения. Не первый год она здесь жила, а все не уставала удивляться ему. Она вполне понимала далекого предка, который впервые обнаружил его и тотчас сделал своим геральдическим символом. Боевой кочет на двери угрожающе поднимал лапу, увенчанную острой шпорой, его крылья были грозно развернуты. На вытянутой шее можно было различить каждое перышко. Черным блеском сиял драгоценный камень, вправленный в глаз. Какое изящество, какой самоуверенный вызов... Янни крепко уперлась ладонью в грудку металлической птицы и решительно нажала. Дверь распахнулась; за нею зияла крошечная темнота.

Дальше уже ничто не освещало ей путь, но Янни уверенно и привычно спустилась по невысоким ступеням в громадное помещение. Но, погрузившись в непроглядный мрак Палаты Коронованного Петуха, Янни недовольно нахмурилась. Что же это получается – Рэйна здесь нет?.. И она бежала сюда бесконечными коридорами только затем, чтобы убедиться в его отсутствии?.. Сойдя со ступеней, она остановилась возле стены... и даже вздрогнула, когда из темноты раздался голос сына:

– Пробовала ли ты представить, как выглядела эта Палата, когда ее только-только построили? Вообрази, мама! Весенний день вроде сегодняшнего, и яркое солнце вливается сквозь грани хрустального купола, зажигая всеми цветами фрески на стенах... Вот бы знать, чем они здесь занимались! На полу глубокие борозды, да и столы расположены в беспорядке... Вряд ли следует думать, что здесь было постоянное хранилище бревен диводрева. Нет... Скорее, следует предположить, что их затащили сюда в спешке, укрывая от катастрофы, грозившей похоронить город... Да, наверное, именно так и случилось. Но до тех пор – чему служил этот громадный зал с верхним светом и расписными стенами? Кое-где еще сохранились горшки с землей: может, тут выращивали растения? Был ли это крытый сад, чтобы в самые ненастные дни спокойно гулять среди цветов? Или здесь происходило нечто иное? Вот, например...

– Довольно, Рэйн, – перебила мать раздраженно. И нащупала на стене джидзиновую полоску. Крепко прижала ее рукой – и несколько искусно сработанных стенных панелей тотчас ответили на прикосновение, начав испускать слабое свечение. Янни нахмурилась... Во дни ее девичества они светились гораздо, гораздо ярче: каждый цветочный лепесток так и сверкал. А теперь?.. Свечение делалось все более тусклым едва ли не день ото дня. «Умирают...» Янни

отодвинула подальше страшную мысль. Ее голос прозвучал уже мягче, хотя раздражение в нем все еще слышалось. – Что ты делаешь там, в темноте? Я думала, ты в западном коридоре и наблюдаешь за рабочими! В седьмом чертоге обнаружены еще одни замурованные врата. Требуется твоя интуиция, чтобы открыть их...

– «Чтобы уничтожить», ты хотела сказать, – поправил ее Рэйн.

– Брось, Рэйн! – упрекнула мать. Как надоели ей эти бесконечные споры с младшим сыном! Иногда Янни начинало казаться, будто он, самый одаренный в том, что касалось раскрытия тайн жилищ Древних, всех неохотнее пользовался своими способностями. – А как бы ты хотел, чтобы мы поступали? Все бросили забытым и погребенным, как было до нас? Чтобы мы покинули Дождевые чащобы и перебрались в Удачный, к нашей родне?.. Недолго же прослужит нам такое убежище...

Она услышала легкий шорох шагов: Рэйн обходил последнее бревно диводрева, остававшееся в Палате. Он миновал его конец, двигаясь точно лунатик, бродящий во сне. У Янни так и упало сердце, когда она прислушалась к его шагам и поняла, что он вел пальцами по боку громадного ствола. Рэйн был в плаще с капюшоном – в Палате все время царили сырость и холод.

– Нет, – ответил он тихо. – Я люблю Дождевые чащобы не меньше, чем ты. Я совсем не хотел бы никуда отсюда перебираться. Но я не считаю, что мой народ должен по-прежнему прятаться и таиться ото всех. Как и продолжать грабить и уничтожать древние строения Старших просто ради того, чтобы расплачиваться за свою безопасность. Я полагаю, что вместо этого нам следовало бы восстановить и восславить все, что мы здесь открыли. Надо срыть долой землю и пепел, похоронившие город, и пусть солнце и луна снова освещают его. Надо выйти из-под руки джамелийского сатрапа, наплевать на его налоги и всякие запреты и начать самим свободно торговать по всему миру... – Сердитый взгляд матери заставил его понизить голос, но не замолчать. – Надо отбросить ложный стыд, открыть себя миру и объявить во весь голос, что мы живем там-то и так-то не из-за стыдливости, а просто затем, что так нам угодно... Вот что, на мой взгляд, нам следовало бы сделать.

Янни Хупрус вздохнула...

– Как ты еще молод, Рэйн, – просто сказала она.

– Если ты хочешь сказать «глуп», так и скажи, – предложил он без какой-либо подковерки.

– Я сказала именно то, что хотела, – отозвалась она ласково. – Я сказала «молод» и именно это имела в виду. Бремя Проклятых берегов не так тяжело для тебя или меня, как для других торговцев из Дождевых чащоб... Хотя в некотором смысле именно нам от этого хуже. Мы посещаем Удачный, оглядываемся вокруг из-за своих вуалей и говорим себе: «А я ведь не так уж и отличаюсь от обычных людей, которые здесь живут. Со временем они примут меня, и я смогу ходить среди них невозбранно...» А теперь вообрази, каково было бы Кис или Тилламон предстать без вуалей перед глазами непосвященных?

Услышав имена своих сестер, Рэйн немедленно потупился. Никому не было ведомо, почему телесные изменения, обыкновенно присущие всем уроженцам Дождевых чащоб, столь мало затронули его самого – и столь сильно поразили его сестер... Дома, среди соплеменников, это было еще терпимо. Чего ради шарахаться и бледнеть при виде физиономии ближнего, украшенной свисающими выростами и бугристыми уплотнениями кожи, когда сам каждый день видишь то же самое в собственном зеркале? Но вообразить, что меньшая единоутробная сестричка Кис скидывает вуаль посреди улицы Удачного... Жуть!

Янни Хупрус без труда читала мысли сына, явственно отражавшиеся на лице... Вот он нахмурился от сознания несправедливости. И проговорил с горечью:

– А ведь мы – богатый народ. Я не настолько мал или глуп, чтобы не понимать: мы способны заплатить за то, чтобы нас принимали как равных. Мы по праву заняли бы место среди первых богачей мира... если бы не ярмо сатрапа на нашей шее и не его рука, запущенная в

наш кошелек. Помяни мои слова, мама! Сумей только мы отделаться от его налогов и ограничений на свободную торговлю – и нам не пришлось бы уничтожать то, что мы открываем, то, что обогащает нас. Мы вправду смогли бы восстановить этот город и открыть его миру... вместо того чтобы обдирать его богатства и потихоньку продавать их на сторону. Люди сами приезжали бы сюда, платили за проезд на наших кораблях вверх по реке – и еще спасибо бы говорили. Они смотрели бы на нас, не отводя взглядов, – ибо люди имеют обыкновение любить всякого, у кого достаточно денег. А мы смогли бы спокойно подбирать истинные ключи к тем секретам, которые сейчас мы выколупываем молотком и зубилом... Если мы стали бы свободным народом, мы извлекли бы из-под земли все чудеса этого города. Солнце озарило бы этот чертог, как озаряло когда-то. И тогда королева, лежащая здесь запертой...

– Рэйн, – негромко предостерегла мать. – Сними руку с диводрева. Не касайся бревна.

– Это не бревно, – ответил он столь же тихо. – Не бревно, и нам обоим это известно.

– А еще нам обоим известно, что слова, которые ты сейчас произносишь, не сами собой пришли тебе в голову, Рэйн. Какая разница, как называть ЭТО! Мы оба знаем, что ты проводишь с НИМ слишком много времени. Ты рассматриваешь фрески, стараешься разгадать надписи на колоннах... А ОНО понемногу проникает в твои мысли и подчиняет тебя!

– Нет! – возразил он резко. – Истина состоит не в том, мама. Правильно, я часто прихожу сюда, изучая следы и отметины, оставленные здесь Старшими. А еще я изучал то, что мы вываливали из сердцевины других «бревен», лежавших некогда в этой Палате... – Он потрянул головой, глаза в потемках сверкнули медью. – Когда я был мал, ты говорила мне, что это гробы. Но это не гробы... а скорей колыбельки. И если, зная то, что мне удалось изучить, я хочу пробудить и выпустить на волю единственную оставшуюся, значит ли это, что она меня подчинила? Я просто понял, как по всей справедливости следует поступить!

Мать рассерженно возразила ему:

– Самое справедливое – это сохранять верность собственной родне! Прямо говорю тебе, Рэйн: ты столько времени общался с этим бревном, что сам уже не способен разобраться, где кончаются твои мысли и начинается то, что нашептывает тебе диводрево. Тобою движет не столько помышление о справедливости, сколько извращенное ребяческое любопытство! Взять хоть твои сегодняшние поступки. Тебе ведь отлично известно, где нуждаются в твоём присутствии. А где ты в действительности?

– Здесь. С той, что нуждается во мне гораздо больше других. Ведь, кроме меня, за нее больше никому заступиться.

– Да она давно мертва, скорее всего! – Мать решила, что прямота станет лучшим лекарством для сына. – Рэйн, хватит уже тешиться детскими сказками! Сколько оно уже провалялось здесь, это бревно? Я имею в виду – еще прежде, чем Палата была обнаружена? Что бы ни сохранялось там, внутри, оно давно скончалось и истлело, оставив в диводреве лишь эхо своей мечты о воздухе и солнечном свете. Ты же знаешь, каковы свойства диводрева. Будучи освобождено от начинки, оно принимается впитывать воспоминания и мысли тех, кто с ним ежедневно общается. Из чего, конечно, не следует, будто диводрево – живое. Когда ты прикладываешь к нему руку, ты воспринимаешь всего лишь отголоски воспоминаний умершего существа, принадлежащего давно прошедшей эпохе. Вот и все!

Рэйн не сдавался:

– Но если ты так уверена в том, что говоришь, почему бы нам не взять да не испытать твою правоту? Давай выставим это бревно на свежий воздух, на солнышко. Если королева-драконица так и не вылупится – что ж, я признаю, что ошибался. И больше не буду противиться тому, чтобы это бревно разделили на доски и построили для семьи Хупрусов огромный корабль...

Янни Хупрус испустила тяжкий вздох. Потом тихо проговорила:

– Ты можешь противиться или не противиться, Рэйн, никакой разницы нет. Ты мой младший сын, а не старший. И когда придет время, решать, как нам поступить с этим бревном,

будешь не ты... – Впрочем, поглядев на лицо сына, она сочла, что высказалась слишком резко. Рэйн был очень упрям, но вместе с тем необыкновенно чувствителен. «Это он в отца такой», – подумала она... и ей стало страшно. Лучше уж с ним разговаривать на языке убеждения. – Сделать то, что ты предлагаешь, – значит отвлечь работников от других дел, которые должны быть исполнены, если мы хотим, чтобы деньги по-прежнему стекались к нам в кошелек. Оно же громадное, это бревно! Вход, сквозь который его втащили, давным-давно обрушился и завален. А по коридорам его наружу не протолкнешь – слишком длинное. Значит, единственный выход – это вырубить лес и расчистить землю над крышей. Хрустальный купол придется разбить на части и вытаскивать наверх лебедками... Ты представляешь себе, какая это чудовищная работа?

– Если моя догадка верна – она оправдается.

– Ты так думаешь? Ладно, предположим, ты прав, мы выставили бревно на солнечный свет... и из него в самом деле что-то вылупилось. Ну и дальше что? С чего ты взял, будто это существо будет настроено к нам дружелюбно? Что мы вообще будем для него что-либо значить? Ты же прочитал больше табличек и свитков, оставленных Старшими, чем кто-либо из ныне живущих. И ты сам говорил, что драконы делили свои города с нахальными и бессовестными существами, имевшими обыкновение хватать все, что понравится. И ты хочешь, чтобы подобное создание среди нас поселилось? Или, еще не лучше, вдруг оно затаит зло, вдруг оно попросту возненавидит нас за то, что мы по чистому незнанию сотворили над его собратьями из других бревен? Ты посмотри, каких оно размеров, это бревно, Рэйн! Ради удовлетворения своего любопытства ты, похоже, готов на нас чудовище выпустить...

– Любопытство?! – фыркнул Рэйн возмущенно. – Ты говоришь, любопытство? Да мне, мама, просто до смерти жалко несчастное создание, запертое там, внутри! И меня гложет вина за всех тех, кого мы бездумно уничтожали многие годы. Раскаяние и желание искупить вину – вот что меня ведет, а вовсе не любопытство!

Янни сжала кулаки:

– Вот что, Рэйн. Я больше ничего не собираюсь с тобой обсуждать... по крайней мере, здесь, в этой промозглой пещере, в присутствии этого существа, влияющего на каждую твою мысль! Если захочешь поговорить об этом еще – разговор будет у меня в гостиной. И хватит!

Рэйн медленно выпрямился во весь рост и сложил на груди руки. Лица его не было видно, да Янни этого и не требовалось. Она и так знала, что его губы сжаты в твердую и упрямую линию. Ах, упрямец... И зачем только он родился таким норовистым?

Она отвела глаза и пошла на мировую:

– Сынок... Когда поможешь работникам в западном коридоре, приходи в мои комнаты. Мы сядем с тобой и обсудим твою поездку в Удачный. Хотя я и пообещала Вестритам, что ты не попытаешься вскружить Малте голову подарками, я думаю, захватить кое-какие гостинцы для ее матери и бабушки тебе все-таки следует. Вот мы с тобой их вместе и подберем. И еще надо подумать, во что тебе лучше одеться. Мы еще совсем не говорили о том, каким образом ты будешь представлен. Ты всегда одеваешься так строго и скромно... Но, отправляясь ухаживать за девушкой, молодой человек должен все же разок-другой развернуть перед нею павлиний хвост, как ты считаешь?.. То есть вуаль на лице придется оставить, но вот насколько плотную – решай сам...

Уловка вполне удалась; его поза перестала быть такой деревянной, и Янни почувствовала – сын улыбался.

– Я, – сказал он, – надену совершенно непроницаемую вуаль. Но не по той причине, о которой ты, должно быть, подумала. Я полагаю, Малта из тех женщин, которых хлебом не корми – только подавай интригу и тайну. Я думаю, именно благодаря моей таинственности она и внимание-то на меня обратила.

Янни медленно двинулась к выходу из Палаты; сын, как она и надеялась, пошел следом.

– Мать и бабушка, – сказала она, – похоже, считают ее еще совершенным ребенком. А ты ее иначе как женщиной не называешь.

– Так она и есть самая настоящая женщина. – Тон Рэйна не оставлял никакого места сомнениям. Он произнес это с гордостью, и Янни оставалось только изумляться переменам, случившимся с ним за последнее время.

Никогда прежде Рэйн не проявлял к женщинам ни малейшего интереса – хотя и немало их было кругом, оспаривавших друг у дружки его благосклонность. Правду сказать, ни одно из семейств, обитавших в Чащобах, не отказалось бы породниться с Хупрусами через дочь или сына. И как-то раз уже была сделана попытка заполучить Рэйна в женихи; его категорическое «нет» едва не стало причиной скандала. Были и аккуратные, чисто коммерческие заходы из Удачного, но у Рэйна они не вызвали ничего, кроме презрения. Хотя нет, «презрение» – в данном случае слишком резкое и сильное слово. Скажем так: ему делали намеки, но он предпочитал их не замечать...

«Может, Малта Вестрит излечит моего сына от навязчивых идей по поводу бревна и королевы-драконицы?..»

Янни улыбнулась Рэйну через плечо, увлекая его за порог.

– Честно признаться, – сказала она, – меня и саму уже разбирает любопытство по поводу этой женщины-девочки, Малты. Ее семья говорит о ней одно, ты – совершенно иное... Не чаю самолично с ней встретиться!

– Будем надеяться, это скоро произойдет. Я, мам, собираюсь пригласить ее и ее родню к нам в гости. Если ты не против, конечно.

– Да с какой бы стати мне возражать? Семейство Вестритов пользуется большим уважением среди наших торговцев, даже несмотря на то что они решили более не вести с нами дел... Впрочем, когда мы породнимся, это конечно же прекратится. У них есть живой корабль, дающий возможность торговать на реке... и после вашей свадьбы они будут полностью свободно распоряжаться им. Так что вы с Малтой без труда сумеете разбогатеть.

– Разбогатеть... – Рэйн проговорил это слово так, словно оно забавляло его. – Нет, мама, мы с Малтой намерены добиться большего, гораздо большего, уверяю тебя.

Они подошли к разветвлению коридора, и здесь Янни остановилась.

– Ступай, – сказала она, – в западный коридор и открой эту новую дверь.

Он хотел о чем-то спросить, но прислушался к ее тону – и промолчал.

– Хорошо, – сказал он почти рассеянно.

– Ну и отлично. Когда освободишься, приходи в мою гостиную. Я приготовлю подходящие подарки на выбор. Хочешь, я позову портных с новейшими тканями?

– Да... конечно. – Рэйн хмурился, думая о чем-то другом. Потом сказал: – Мама, ты пообещала им, что я ей не буду голову подарками кружить. Но можно мне взять с собой хоть какие-то вещественные знаки внимания, как положено на свидании? Ну там, фрукты, цветы, сладости...

Янни улыбнулась:

– Не думаю, чтобы они стали возражать против таких мелочей.

– Хорошо. – Рэйн кивнул. – Ты не приготовишь мне по корзинке на каждый день моего у них пребывания? – И он улыбнулся собственным мыслям. – Корзинки можно украсить ленточками и яркими шарфиками. Ну, еще сунуть в каждую по бутылочке-другой отменного вина... Они ведь не скажут, будто я захожу слишком далеко, как ты считаешь?

Мать ответила с лукавой улыбкой:

– Только умей соблюсти разумную осторожность, сынок. Если ты переступишь границы, назначенные Роникой Вестрит, она не замедлит тебе об этом объявить прямо и недвусмысленно! И послушай доброго совета: не торопись сталкиваться с нею лбами!

Рэйн уже удалялся в сторону западного коридора. Он оглянулся – два медных огонька сверкнули в потемках.

– Ни за что, мама. Но в случае чего и уворачиваться не буду! – И продолжал на ходу: – Я намерен всенепременно жениться на Малте. И чем скорее они привыкнут ко мне, тем лучше будет... для всех нас!

Янни осталась одна в темноте. «Говори-говори, – подумалось ей. – погоди, пока сам не повстречаешься с Роникой Вестрит!» Ей стало смешно. Что-то будет, когда упрямство ее сына натолкнется на волю этой женщины из семейства Вестритов! Ох, найдет коса на камень...

Рэйн остановился, прежде чем окончательно скрыться:

– Ты уже послала птицу? Сообщила Стербу о моем уходе?

Янни кивнула, очень довольная, что он задал этот вопрос. Рэйн не всегда хорошо ладил со своим отчимом.

– Он желает тебе всяческих успехов, – отозвалась она. – А маленькая Кис не велит тебе играть свадьбу прежде зимы, когда они вернутся в Трехог. Да, еще весточка от Мендо: с тебя ему вроде как причитается бутылочка дарьянского бренди. Я так поняла, вы с ним когда-то поспорили, что твои братья женятся прежде тебя...

Рэйн зашагал прочь.

– Спор, который я только рад проиграть! – крикнул он через плечо.

Янни улыбнулась ему вслед...

Глава 4

Узы

Ладони Брика лежали на рукоятках штурвала; он вел корабль с той вроде бы небрежностью, которая на самом деле свидетельствует о замечательном мастерстве. На лице пирата было выражение, которое Уинтроу определил для себя как «далекое»; чувствовалось, что штурвальный осознавал окружающий мир как бы сквозь корабль, сквозь его громадное тело, с журчанием рассекавшее волны. Уинтроу чуть помедлил, приглядываясь к Брику, перед тем как подойти. Пират был молод – лет двадцати пяти, вряд ли больше. Каштановые волосы повязаны ярко-желтым платком, украшенным знаком Ворона. Глаза серые. На щеке – старая рабская татуировка, позднее заколотая и почти скрытая темно-синим изображением все того же Ворона. А в целом вид у Брика был решительный и властный – такой, что другие моряки, даже превосходившие его возрастом, приказы Брика исполнять бросались бегом. Короче говоря, капитан Кеннит знал, что делал, когда ставил именно его управляться на «Проказнице» до своего выздоровления.

Уинтроу набрал полную грудь воздуха и подошел к молодому моряку, стараясь напустить на себя должную почтительность, но в то же время и достоинства не утратить. Надо, чтобы Брик относился к нему с определенным человеческим уважением. Уинтроу стоял и ждал, пока тот не обратил на него взгляд. Брик смотрел молча. И Уинтроу заговорил – негромко, но ясно и четко:

– Мне нужно спросить тебя кое о чем.

– В самом деле? – несколько свысока отозвался пират. И, отвернувшись от мальчика, глянул наверх, туда, где сидел вперёдсмотрящий.

– В самом деле, – твердым голосом ответил Уинтроу. – Нога твоего капитана не может ждать бесконечно. Как скоро мы придем в Бычье Устье?

– Дня через полтора, – что-то прикинув про себя, сказал Брик. – Или два.

Выражение его лица при этом несколько не изменилось.

Уинтроу кивнул:

– Пожалуй, будет еще не слишком поздно... Кроме того, прежде чем я попробую резать, мне нужно будет раздобыть кое-какие припасы, и надеюсь, что в Устье все это можно будет отыскать. Но и до тех пор я сумел бы лучше позаботиться о капитане, если бы меня кое-чем снабдили. Когда рабы устроили бунт против команды, они разграбили многие помещения корабля... С тех пор никто так и не видел лекарского сундучка. А мне бы он сейчас здорово пригодился.

– Так что, никто не сознается, что взял?

Уинтроу слегка пожал плечами:

– Я спрашивал, но никто мне не говорит. Со мной вообще многие из освобожденных рабов разговаривают неохотно. Кажется, Са'Адар их настраивает против меня. – Он спохватился и умолк: кажется, он начинал жаловаться. Ему требовалось уважение Брика, а нытьем можно добиться лишь противоположного. И он продолжал осмотрительнее: – Может статься, тот, кто завладел сундучком, сам не знает, что именно попало ему в руки. А может, в неразберихе восстания и морской бури кто-то схватил его и выбросил и сундучок вообще смыло за борт... – Уинтроу перевел дух и пояснил: – Там было кое-что, что облегчило бы страдания капитана.

Брик коротко глянул на него. На его лице по-прежнему мало что отражалось, но вдруг он совершенно неожиданно рявкнул:

– Кай!..

Уинтроу невольно напрягся, ожидая, что сейчас его сгребут под микитки и куда-то потащат... Но вот подбежал матрос, и Брик приказал ему:

– На этом корабле пропал лекарский сундучок. Перетряхни все и всех: если кто взял его, пусть отдаст. Либо найди мне того, кто касался его последним. Исполняй!

– Так точно! – И Кай умчался исполнять.

Уинтроу, однако, не спешил уходить, и Брик вздохнул:

– Еще что-то?

– Мой отец... – начал было Уинтроу, но договорить не пришлось.

– КОРАБЛЬ!!! – завопил с мачты впередсмотрящий. И добавил через мгновение: – Калсидийская галера, но под флагом сторожевого флота сатрапа! Идут быстро, под парусом и на веслах! Похоже, прятались в бухточке...

– Проклятье! – плюнул Брик. – Он это все-таки сделал! Позвал калсидийских наемников, шлюхин сын... – И взревел: – Очистить палубу, живо! Остаться только вахтенным! Остальные – живо вниз, и не путаться под ногами! И парусов добавить!

Уинтроу уже со всех ног мчался к носовому изваянию, ловко уворачиваясь от засуетившихся моряков. Палуба между тем превратилась в потревоженный муравейник. «Мариетта», шедшая впереди, уже поворачивала, меняя курс. Нос «Проказницы» живо покатился в другую сторону. Уинтроу взлетел на бак и сразу бросился к носовым поручням. Издалека доносились ослабленные расстоянием голоса: их окликали с калсидийской галеры. Брик не снизошел до ответа.

– Ничего не понимаю, – обернулась к Уинтроу Проказница. – Почему на калсидийской галере флаги сатрапа?..

– Это значит, – сказал он, – что слухи, которые я слышал еще в Джамелии, оказались верны. Сатрап Касго нанял калсидийцев патрулировать Внутренний проход. Предполагается, что они должны очистить его от пиратов. Это, впрочем, не объясняет, с какой стати бы им преследовать нас... Погоди-ка!

И, ухватившись за снасти, он живо забрался повыше, чтобы полнее видеть происходившее. Гнавшийся за ними калсидийский корабль был, без сомнения, чисто боевым, а не торговым. В добавление к парусу вдоль бортов виднелись два ряда весел, на которых, насколько было известно Уинтроу, трудились рабы. Корабль был длинный и узкий, а на палубах было полным-полно вооруженных людей. Весеннее солнце так и играло на шлемах и стали мечей... Флаг сатрапа – белые шпильи Джамелии на синем фоне – плохо гармонировал с кроваво-красным полотнищем паруса...

– Так он пригласил их боевые корабли в наши воды? – недоумевала Проказница. – У него что, не все дома? Калсидийцы – люди без чести! Это же все равно что лису приставить курятник стеречь!.. – И она со страхом оглянулась через плечо. – Они вправду преследуют нас?..

– Да, – коротко ответил Уинтроу. Его сердце гулко громыало о ребра... На что ему следовало надеяться? На то, что они сумеют уйти, – или на то, что калсидийский патруль сумеет навязать им бой?.. Он знал: без отчаянной резни пираты «Проказницу» не отдадут. А значит, прольется еще тьма-тьмущая крови. И если калсидийцы одержат верх, кто поручится, что они пожелают вернуть корабль его законным владельцам? Быть может, так они и поступят. Но скорее всего, «Проказницу» отведут обратно в Джамелию, чтобы решение принял сам сатрап. И тогда рабы, прятавшиеся сейчас под палубой, заново окажутся в неволе. И они знали об этом. Стало быть, они будут сражаться. Они превосходят числом воинство, плывущее на галере, однако оружия у них нет. И боевой выучки – тоже. Это значит – кровь, кровь, кровь...

Как же следовало Уинтроу поступить? Призвать Проказницу к быстрому бегству – или уговорить ее замедлить ход и дожидаться преследователей?..

Он уже собрался обсудить это с ней, но, прежде чем он успел вслух заявить о своей неуверенности, решение оказалось принято само собой, помимо его воли.

Узкое быстроходное судно, подгоняемое ветром и веслами, тем временем приближалось, и в какой-то момент Уинтроу сумел разглядеть внизу его форштевня острый, мощный таран. Потом с палубы галеры дали залп стрелки из луков. Уинтроу предостерегающе закричал, обращаясь к Проказнице: иные стрелы несли огонь – в воздухе за ними оставались дымные полосы.

По счастью, первый залп кончился большим недолетом. Однако намерения преследователей стали в полной мере ясны.

В это время «Мариетта» заложила поворот, говоривший о дерзости и величайшем мастерстве рулевого: там круто переложили руль и вознамерились пройти за кормой «Проказницы», подрезая нос галеры. Уинтроу показалось, он заметил на палубе «Мариетты» могучего Соркора, призывавшего своих людей в прямом смысле на подвиг. Одновременно над их головами во всю ширь развернулся флаг Ворона – прямой и открытый вызов калсидийцам.

Все это дало Уинтроу некоторую передышку, и он спросил себя: что же за капитан был этот Кеннит, если люди, ходившие под его началом, оказывались способны на такую самопожертвенную верность?..

Ибо Соркор, вне всякого сомнения, собирался отвлечь калсидийцев на себя и увести их от «Проказницы».

С того места, где сидел на снастях Уинтроу, было видно, как «Мариетта» неожиданно и резко качнулась: это сработали палубные катапульты. В сторону патрульного корабля полетел град камней, ранее служивших балластом. Какие-то из них попадали в воду, подняв из волн белые фонтаны брызг, но большая часть прогрохотала по палубам галеры. Размеренный ритм весел тотчас оказался нарушен: они забились вразнобой, словно многочисленные лапки подбитого насекомого. Расстояние между патрульным кораблем и «Проказницей» сразу же начало увеличиваться.

«Мариетта», впрочем, не собиралась задерживаться для рукопашной. Совершив свой наскок, она спешно добавляла парусов для бегства. Галера же, сумев восстановить ритм гребли, спешно пустилась следом. Уинтроу изо всех сил напрягал зрение... Но штурвальный поворачивал руль, направляя «Проказницу» за подветренную сторону острова, и скоро стало трудно что-либо рассмотреть. Ясно было только, что «Проказницу» со всей спешностью уводили с глаз долой, тогда как «Мариетта» собиралась огрызаться и петлять, огрызаться и петлять, запутывая погоню.

Уинтроу спустился вниз и легко спрыгнул на палубу.

– Ну вот... – с кривой улыбкой заметил он кораблю. – Это было кое-что интересное...

Он сразу понял, что Проказнице было не до его сообщения.

– Кеннит, – проговорила она встревоженно.

– Что с ним? – насторожился Уинтроу.

– Мальчик! – раздался окрик откуда-то сзади. Голос был женский. Он обернулся и встретил горящий взгляд Этты. – Капитан требует тебя к себе. Немедленно!

Тон у нее был властный, но теперь она смотрела не на него. Она скрестила взгляды с Проказницей, и с лица носового изваяния вдруг пропало всякое выражение.

– Уинтроу... Стой смирно, – велела она негромко. А потом возвысила голос, обращаясь к женщине капитана. – Его зовут Уинтроу Вестрит! – с самым аристократическим презрением сообщила она Этте. – Так что мальчиком ты его называть больше не будешь. – Проказница вновь перевела взгляд на Уинтроу, доброжелательно улыбнулась ему и вежливо заметила: – Я слышу, капитан Кеннит тебя зовет. Пожалуйста, Уинтроу, сходи к нему, хорошо?

– Обязательно! – пообещал он ей и пошел, на ходу гадая про себя, что именно хотела показать Проказница. Защищала его от Эт ты?.. Фи, глупость какая. Нет, это был поединок между двумя женщинами, поединок за власть. Проказница как бы сообщила Этте, что Уинтроу находится под ее покровительством, и была намерена добиться, чтобы та уважила ее право. А еще она получила немалое удовольствие, продемонстрировав женщине, что слышит и пони-

мает все происходящее в капитанской каюте. И если вспомнить судорогу ярости, исказившую черты Этты, выходило, что той это весьма не понравилось...

Он еще оглянулся через плечо на обеих соперниц. Этта так и не сдвинулась с места. Голосов более не было слышно, но, похоже, они разговаривали на пониженных тонах. Уинтроу заново поразила необычная внешность подружки пиратского капитана. Этта была рослой, с тонкими и длинными руками и ногами, лишенными всякой мясистости. И она носила шелковую рубашку, расшитую жилетку и штаны из какой-то дорогой ткани с такой небрежностью, как если бы то была самая обычная холстина. Гладкие черные волосы были острижены коротко – они даже не достигали плеч. И нигде никакой округлости или мягкости, вроде бы обозначающих женственность. Нет – у нее и глаза-то были как у опасной хищницы. И насколько Уинтроу вообще успел в ней разобраться, нрава она была весьма резкого и притом безжалостна, точно дикая кошка. Ни тебе какого милосердия, нежности, уступчивости, которыми вроде бы отличаются женщины... А вот поди ж ты – все эти тигриные качества, переплетаясь весьма причудливо и противоречиво, делали ее... безумно женственной. И Уинтроу чувствовал в ней волю, необыкновенную волю. Он даже засомневался, сумеет ли Проказница в этой сшибке одержать над ней верх...

Кеннит действительно звал его по имени. Совсем негромко, задыхаясь, но очень настойчиво. Уинтроу даже не стал стучаться – просто открыл дверь и вошел. Рослый, худощавый пират лежал плашмя на постели, но, увы, был весьма далек от отдыха и покоя. Его руки с побелевшими костяшками комкали простыни – ни дать ни взять роженица в схватках. Голова запрокинута назад, подушка выбилась. На голой груди бугрились напряженные мышцы. Кеннит отчаянно ловил ртом воздух, грудь вздымалась с усилием. Темные волосы и растерзанная рубашка промокли от пота – резкий запах его так и ударил в нос вошедшему Уинтроу.

– Уинтроу... – прохрипел пират, когда мальчик поспешно подошел ближе.

– Я здесь.

Инстинктивным движением Уинтроу взял в руки его покрытую мозолями ладонь. Пальцы пирата немедленно сомкнулись в такой хватке, что стало ясно – он с величайшим трудом удерживался от крика. Уинтроу ответил пожатием на пожатие, найдя и придавив определенную точку между большим пальцем и остальными. Другой рукой Уинтроу обхватил запястье капитана. Он хотел пощупать пульс, но ему помешал браслет, плотно пристегнутый как раз в нужном месте. Пришлось сдвинуть руку повыше. Уинтроу стал ритмично сжимать и разжимать пальцы успокаивающим, плавным движением, в то же время продолжая придавливать точку, которая, как он знал, помогала унимать боль. Он даже отважился присесть на краешек постели, склонившись над Кеннитом таким образом, чтобы заглянуть страдалицу прямо в глаза.

– Смотри на меня, – сказал он. – Дыши в такт моему дыханию. Вот так... – Уинтроу медленно вобрал в легкие воздух, задержал его ненадолго, потом столь же медленно выдохнул. Кеннит сделал слабую попытку подражать ему. Из этого мало что вышло, его дыхание по-прежнему оставалось частым и неглубоким, но Уинтроу счел за благо поддержать его: – Вот так, вот так, правильно... У тебя все получается, сейчас боль начнет утихать... Тебе нужно овладеть своим телом, ведь боль – всего лишь знак, который тело тебе подает. Стало быть, оно должно подчиниться тебе...

Он говорил и говорил, удерживая взгляд Кеннита. И с каждым вздохом старался перелить в Кеннита успокоение и уверенность. Уинтроу сосредоточился на собственном теле, найдя центр, повелевавший сердцем и легкими. Он расширил зрачки, чтобы завлечь взгляд Кеннита как можно глубже в себя, дать измученному болью пирату раствориться во всепоглощающем спокойствии, которое он себе сообщил. Он старался взглядом вытянуть из тела Кеннита боль и без следа растворить ее в воздухе...

Это были простейшие упражнения, освоенные Уинтроу в монастыре, и ему немедленно вспомнилась родная обитель. Он стал черпать в этих воспоминаниях глубокий внутренний мир и духовную силу, так необходимую ему в этот миг...

Но в результате всех своих усилий вдруг совсем неожиданно ощутил себя... шарлатаном.

Что он, спрашивается, вообще здесь делал? Пытался изобразить то, что совершал старый Са'Парте над страдающими больными?.. Он что, хотел внушить Кенниту, будто он настоящий жрец-целитель, а не обыкновенный мальчишка в коричневых одеждах послушника? Он не успел пройти должного обучения, достаточного даже для простого избавления от боли... какое там – для отнятия пораженной ноги!

Он попытался внушить себе: какая, мол, разница, он просто делает все, что в его силах, чтобы помочь Кенниту... Но тут же задался вопросом: а честно ли это хотя бы по отношению к себе самому? «Может, я просто-напросто шкуру свою пытаюсь спасти?..»

Между тем хватка Кеннита на его руке постепенно ослабевала. Судорожное напряжение покинуло мышцы его шеи и плеч – голова перекатилась на влажные от пота подушки. Дыхание капитана замедлилось. Теперь это было просто тяжелое дыхание предельно измученного человека. Уинтроу все не выпускал его руку... Са'Парте рассказывал ему о приемах, позволяющих поделиться со страдальцем толикой силы, но до того, чтобы самому ее попробовать, Уинтроу еще не дошел. И вообще – он собирался быть художником, творящим во имя Са, а не целителем, что лечит во славу его... Как бы то ни было, он сжал в ладонях потную руку Кеннита, распахнул Са свое сердце и принялся горячо молиться, призывая Всеотца вмешаться, прийти им обоим на помощь. «Да восполнит милость твоя те познания, которых мне сейчас так недостает...»

– Я этого больше не выдержу... – подал голос Кеннит.

Скажи подобное кто-то другой, эти слова прозвучали бы жалобно или, хуже того, умоляюще. Кеннит же выговорил их, просто констатируя факт. Боль постепенно уходила, а может, просто притупилась его способность на нее реагировать. Он прикрыл темные глаза веками, и Уинтроу вдруг ощутил одиночество. Кеннит же проговорил тихо, но ясно и твердо:

– Отрежь ее. Как можно скорее. Сегодня... Сейчас.

Уинтроу покачал головой, потом облек свой отказ в слова:

– Никак не могу. У меня нет под рукой и половины того, что для этого требуется. Брик сказал, до Бычьего Устья всего день-два ходу. Нам следует подождать.

Глаза Кеннита резко распахнулись.

– Ну а я ждать не могу, – заявил он со всей прямоотой.

– Это просто боль. Может, немного рома... – начал было Уинтроу, но Кеннит перебил:

– Боль вправду очень поганая, но не в ней дело. Страдает мой корабль... и моя власть. Они прислали юнгу сказать мне, что замечен сатрапский сторожевик. Я попытался встать... и не смог, упал. Рухнул прямо у него на глазах. А я должен был стоять на палубе через мгновение после того, как впередсмотрящий заметил их паруса! И нам следовало бы развернуться и перерезать глотки всем калсидийским свиньям на этой галере!.. А вместо этого мы спасались бегством. Я временно передал командование Брику... и вот мы уже удираем от врагов, а вместо меня сражается Соркор. И все мои люди видят это и понимают... Да еще и у каждого раба на борту имеется болтливый язык. Так что, где бы в итоге я ни ссадил их на берег, они не задумываясь растреплют налево и направо о том, как капитан Кеннит удирал от сторожевой галеры... Я не могу этого допустить. – И добавил задумчивым тоном: – Я мог бы их всех утопить...

Уинтроу молча слушал его. Перед ним был не тот обворожительно-учтивый пират, что очаровывал Проказницу незабываемыми словами. И не собранный, волевой капитан. Это был человек без маски – все напускное и внешнее стерли страдание и усталость. Уинтроу с внезапной остротой ощутил свою собственную незащищенность. Вряд ли Кеннит позволит долго жить кому-либо, видевшему его в его нынешнем состоянии... Правда, прямо теперь Кеннит,

кажется, сам не отдавал себе отчета в собственной откровенности. Уинтроу же чувствовал себя мышкой, встретившейся со взглядом змеи. Тут, как известно, выход один: сиди тихо – и тебя, может быть, не заметят. Рука пирата совсем обмякла в его ладонях. Кеннит перекатил голову по подушке, и его веки начали медленно смыкаться.

Уинтроу только успел робко надеяться, что ему удастся потихоньку выскользнуть вон, как дверь каюты открылась. Вошла Этта.

– Что ты с ним сделал? – быстро оглядевшись и подойдя к постели Кеннита, спросила она. – Почему он так затих?

Уинтроу поднес палец к губам, призывая ее к молчанию. Она нахмурилась, но потом кивнула. И, дернув головой, указала ему на дальний угол каюты: ступай, мол. Он повиновался, но, кажется, недостаточно торопливо – она опять сдвинула брови. Уинтроу же очень неспешно и осторожно опустил безвольную руку пирата на покрывало. И только тогда тихо-тихо соскользнул с края кровати, на которой сидел, не желая тревожить Кеннита ни малейшим движением.

Это не удалось ему. Только-только он двинулся прочь, как голос Кеннита догнал его:

– Ты сегодня же отрежешь мне ногу.

Этта в ужасе ахнула. Уинтроу медленно обернулся к пирату... Кеннит не открывал глаз, он лишь поднял руку, и длинный палец безошибочно указывал на мальчика.

– Собери инструменты, какие найдешь, и всякое прочее по лекарской части... и давай с этим покончим. Мало ли чего там недостает... давай уж как-нибудь обойдемся. Я хочу разделаться с этим делом. Так или иначе, но – разделаться.

– Слушаюсь, кэп, – кивнул Уинтроу. И вместо угла, куда направила его Этта, двинулся к двери наружу. Женщина немедленно встала у него на пути. Он поднял глаза и встретился с ее взглядом – темным и беспощадным, как у хищного ястреба. Он расправил плечи, полагая, что сейчас придется одолевать ее волю... но, к своему некоторому удивлению, заметил на ее лице нечто похожее на облегчение.

– Ты мне только скажи, чем и как я смогу помочь, – просто проговорила она.

Уинтроу лишь молча кивнул, до того потрясенный, что даже не нашел слов, – и выскользнул за дверь. Спустился на несколько ступенек по трапу... и остановился. Прислонился к стене, и его отчаянно затрясло. Уинтроу не пытался унять эту дрожь. Он лишь мысленно поражался собственной самонадеянной наглости, подвигнувшей его заключить с пиратом ту сделку. И вот теперь безрассудно-смелые слова, вырвавшиеся в минуту безысходности, грозили очень скоро стать делом... Делом грязным, кровавым и почти безнадежным. Уинтроу пообещал взять в руки нож, раскроить тело Кеннита, перепилить кость и отделить ногу. Жуть. Кошмар! «Я же не справлюсь!!!» Уинтроу что было сил замотал головой, не разрешая себе впасть в обессиляющее отчаяние.

– Вперед, – сказал он сам себе вслух. – Другой дороги нет!

И побежал дальше по трапу – разыскивать Брика. Еще несколько шагов, и он начал молиться на ходу, чтобы лекарский сундучок оказался уже отыскан.

Капитан Финни опустил кружку, облизал губы и усмехнулся, глядя на Брэшена.

– А у тебя неплохо получается, – сказал он. – Сам-то ты это понимаешь?

– Да вроде бы, – неохотно согласился Брэшен. Похвала подобного рода ему вовсе не льстила.

– Ага, – рассмеялся капитан-контрабандист. – Сам не рад собственному успеху, а?

Брэшен снова передернул плечами. Финни передразнил его движение и расхохотался хрипло и весело. Это был здоровяк с широкой физиономией, обросшей длинными бакенбардами, носом в красных прожилках и маленькими глазами, живыми и блестящими, как у хорька. Он подвигал кружку туда-сюда по столу, украшенному множеством круглых отметин от таких же мокрых донышек, но добавки не налил – решил, видно, что на сегодня ему пива уже хва-

тит. Он оставил кружку и потянулся к плотной деревянной коробочке, в каких держат циндин. Вытянул фигурную стеклянную пробку и встряхнул коробок. Из горлышка высунулось несколько толстых палочек зелья. Капитан отломил от одной из них порядочный кусочек. Потом протянул коробочку Брэшену.

Тот молча покачал головой и со значением тронул пальцем свою нижнюю губу. Там еще источала приятное жжение прежняя закладка. Отличный был циндин, густой, черный, смолистый. Благодатные токи так и разбегались по всему телу... К тому же Брэшен сохранял достаточно ясный рассудок и понимал: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Если тебе говорят комплименты и притом угощают – значит противоположная сторона от тебя уж чего-то да хочет. В голове, однако, вполне ощутимо шумело, и он спросил себя, хватит ли у него трезвости воли, чтобы заявить Финни твердое «нет», если это понадобится.

Тот спросил:

– Точно не хочешь кусочка?

– Нет... Благодарствую.

– Итак, ты сам не рад собственному успеху и не рвешься заниматься тем, что у тебя так хорошо получается, – продолжал Финни как ни в чем не бывало. Тяжеловесно откинулся на спинку стула и глубоко вдохнул открытым ртом, чтобы ускорить действие циндина. Потом выдохнул.

Некоторое время все было тихо, лишь волны плескали о корпус «Кануна весны». Команда была вся на берегу – люди наполняли бочки пресной водой из маленького источника, который Финни им указал. Брэшену как старпому полагалось присматривать за их работой, и так он и поступил бы, но капитан пригласил его к себе в каюту – пришлось остаться на корабле. Брэшен полагал, что у Финни есть к нему претензии, которые он хочет обсудить с ним наедине. Вместо этого дело кончилось выпивкой и циндином – и все это в середине дня, причем как раз когда Брэшен нес вахту. «Стыдобища, Брэшен Трелл! – сказал он сам себе с горькой улыбкой. – Что сказал бы тебе капитан Вестрит, если бы мог тебя сейчас видеть?..»

И он налил себе еще пива в кружку.

– Хочешь вернуться в Удачный, правильно? – Капитан Финни склонил голову набок и наставил толстый палец на Брэшена. – Была бы твоя воля, так бы ты и поступил. Вернулся бы к прежней жизни, которую оставил. Там-то ты был не из последних... И не спорь со мной, у тебя на лбу написано, что родился ты далеко не в портовой канаве!

– Какая разница, где и как я родился. Это было давно и неправда, а сейчас-то я здесь, – хмыкнул Брэшен. Циндин отлично делал свое дело: он уже расплывался до ушей, отвечая на улыбку капитана. Он знал: надо бы обеспокоиться тем, что Финни сумел вычислить его место рождения и происхождение. «Ничего, – сказал он себе. – Справлюсь».

– Именно это я и хотел тебе сказать. А ты, смотри, сам все правильно понимаешь. Умный ты. Многие ведь так и не могут смириться, если их куда-то не туда занесло. И либо хнычут о прошлом, либо распускают слюни насчет светлого будущего, которое вот уж когда-то наступит. Но мужики вроде нас с тобой... – И он гулко прихлопнул ладонью по столешнице. – Мужики вроде нас с тобой просто вцепляются в то, что есть здесь и сейчас, и на этом основывают свою будущность.

– Ага. – И Брэшен решил наудачу пустить пробный шар. – Хочешь мне кое-что предложить?

– Не совсем. По-моему, мы оба можем кое-что один другому предложить. Вот смотри. Мы ведь что делаем? Я вожу «Канун» туда и обратно вдоль побережья, заходя то в одну клопину дыру, то в другую. Что-то продаю, что-то покупаю. И никому не задаю лишних вопросов. У меня на продажу добрый товар, со мной хотят иметь дело. И несут на обмен вещишки отменного качества. Так? Сам знаешь, что так!

– Ага, – снова поддакнул Брэшен. Вряд ли к месту было бы прямо теперь напоминать капитану о более чем сомнительном происхождении большинства этих самых «вещичек отменного качества». На своем «Кануне весны» капитан Финни торговал у побережий пиратского архипелага, скупая награбленное, которое потом перепродавал посреднику в городе Свечном. Оттуда пиратские трофеи уже вполне легальным образом расходились по другим рынкам приморья. Это Брэшен давно уже понял, а в подробности вдаваться у него никакого желания не имелось. На «Кануне» он служил старшим помощником. За это (а также за исполнение время от времени обязанностей телохранителя при капитане) он имел отдельную каюту, кое-какое жалованье... и отличнейший циндин для улады души. Что еще надобно человеку?

– Вещички, – повторил Финни. – Вещички что надо. Отборный товар... Мы ведь головами рискуем, чтобы его доставать. Мы. Ты и я. А потом мы привозим это добро в Свечной... И что же мы за него получаем?

– Деньги?.. – предположил Брэшен.

– Слезы это, а не деньги. Мы им жирного пороса, а они нам обглоданные кости кидают. Но вместе, Брэшен, мы с тобой могли бы себя на черный день обеспечить...

– Ну и что ты предлагаешь?

Разговор все меньше нравился Брэшену. Финни имел долю в «Кануне», но владельцем его не являлся. Брэшен же совершенно не желал заниматься откровенным пиратством. Он успел уже нахлебаться этого в отрочестве. И решил, что с него хватит. Нет уж! Перепродавать награбленное – еще куда ни шло, но дальше – ни шагу. Может, он и перестал быть уважаемым старпомом с живого корабля «Проказница», каким был когда-то... Пускай он не был теперь и вторым помощником с промысловика «Жнец»... Но до пиратства он еще не опустился. Ни в коем случае!

– Я к тебе все время присматривался, – сказал Финни. – Ты точно родился в одном из старинных торговых семейств Удачного, так ведь? Младший сын или еще что-нибудь, я уж не знаю, но связи в Удачном у тебя есть точно. И ты запросто можешь ими воспользоваться, если захочешь. Мы могли бы отправиться туда, ты бы переговорил с кем надо, и мы продали бы отборный товар за те волшебные штучки, которые водятся у тамошнего купечества. Разные там поющие колокольчики, душистые драгоценности и все такое прочее, понимаешь?

– Не пойдет, – сказал Брэшен. И запоздало осознал, что выдал слишком прямой и грубый отказ. Следовало смягчить сказанное, что он немедля и сделал. – Мысль-то хорошая... Блестящая мысль, правду сказать. Вот только есть одна заковыка... – И в порыве правдолюбия, причиной коего был, вероятно, циндин, он вывалил Финни все, как оно было: – Ты не ошибся, я в самом деле из старинной семьи. Но если считать семью кораблем, то я давно уже стал запутавшейся снастью, так что меня решительно и бесповоротно отрезали. Если я буду помирать от жажды у своего папаша под дверью, мне и стакана воды никто не подаст... Да что там, гори я заживо – мой старик даже на огонь не пописает. Вот какого они там обо мне мнения. Что уж говорить о торговой сделке, которую я мог бы для тебя организовать!

Финни расхохотался, и Брэшен, криво улыбаясь, засмеялся тоже. При этом какой-то частью сознания он изумлялся, что за нелегкая дернула его рассказывать о подобных вещах... да еще и подтрунивать над своим положением. «Все лучше, чем пьяные слезы», – решил он наконец. Вот Финни отсмеялся и, посерьезнев, отхлебнул пива из кружки, а Брэшен подумал: «Интересно, жив ли еще его отец? И где он остался?..» Быть может, у Финни имелась и своя семья. Жена да детишки. Быть может... Брэшен на самом деле почти ничего не знал о нем. Да и знать не хотел. Потому что так оно было лучше.

По большому счету, имейся у него хоть капля здравого смысла, ему следовало бы прямо сейчас – пока разговор не зашел слишком далеко – подняться из-за стола, сказать, что надо бы проверить работу команды, и откланяться, не рассказывая Финни больше ничего о себе и своем прошлом... Если бы да кабы!

Вместо этого он выплюнул размокшие остатки циндина в поганое ведро под столом и потянулся к коробочке. Финни наблюдал, ухмыляясь, как Брэшен отламывает себе кусочек.

– А что нам до твоего старика? – спросил он затем. – У тебя ж наверняка осталось полно друзей-приятелей, так ведь? Да и город небось знаешь, наслышан, кто там чем занимается. Хоть слухи какие, кто не брезгует краденое по дешевке толкнуть... В любом городе всяко найдется пара-тройка любителей горстку денежек потихоньку себе в кошелек ссыпать! Мы бы и заходили туда один-два раза в год... с наилучшим товаром, о котором наши обычные перекупщики и знать-то не будут. Отложим немножко, зато самое добротное, и сбавим налево. И все шито-крыто!

Брэшен кивнул – не столько Финни, сколько собственным мыслям. Вот она, воровская честь. Финни собирался погреть руки за спиной у партнеров. И собирался без шума ввести Брэшена в дело, если Брэшен поможет ему в налаживании связей. Тьфу, низость какая... Неужели, наблюдая за ним день за днем, Финни решил, будто он на такое способен?

«А как долго я буду притворяться, будто действительно не способен? И вообще, какой смысл?...»

– Подумаю, – сказал Брэшен капитану.

– Вот и отлично, – улыбнулся Финни удовлетворенно. – Ты уж подумай.

Дело шло к вечеру...

Уинтроу сидел на корточках подле Кеннита. Дело происходило на баке.

– Снимайте его с одеяла, только осторожно, – велел он матросам, вынесшим капитана на палубу. – Он должен лежать прямо на досках... Чтобы между ним и диводремом по возможности ничего не было.

Неподалеку, скрестив на груди руки, стояла Этта. На ее лице не отражалось никаких чувств, и в сторону Проказницы она старательно не смотрела. Уинтроу, в свою очередь, силился не смотреть на пиратку. Заметил ли еще кто-нибудь, как она сжала кулаки и плотно стиснула зубы?.. Этта изо всех сил сопротивлялась решению Уинтроу проводить операцию именно здесь. Она хотела, чтобы это болезненное и грязное дело совершилось за стенами каюты, подальше от посторонних глаз. Тогда Уинтроу привел ее сюда и показал на палубе кровавый отпечаток своей собственной пятерни. Он пообещал Этте, что Проказница поможет Кенниту одолеть боль, как помогала тогда, когда ему самому резали палец. И Этта в конце концов уступила.

В действительности ни Уинтроу, ни Проказница не были так уж уверены, сумеет ли она толком помочь. Но поскольку лекарский сундучок так до сих пор и не нашелся, даже самая малость, которую она сумеет ради Кеннита сделать, придется более чем кстати...

Корабль стоял на якоре в безымянной бухточке какого-то острова, не фигурировавшего ни на одной карте. Уинтроу еще раз подходил к Брику с теми же двумя вопросами, что и ранее: найден ли лекарский сундучок и когда они могут прибыть в Бычье Устье. Ни тот ни другой ответ особой радости не принес. Лекарские принадлежности так и не отыскались. Что же до Бычьего Устья – Брик вообще не знал, как туда возвратиться в отсутствие Соркора и без водительства «Мариетты».

Это последнее известие очень разочаровало Уинтроу, но не слишком удивило его. В самом деле, временное командование «Проказницей» было для Брика колоссальным и неожиданным повышением. Всего несколько дней молодой пират был обыкновенным матросом. Он не владел искусством навигации и не умел читать карты. Поэтому он собирался найти спокойное место, бросить там якорь и ждать, пока их найдет Соркор на «Мариетте»... либо пока сам Кеннит не поправится в достаточной мере, чтобы вести корабль.

Когда Уинтроу, не слишком веря собственным ушам, спросил: «Так мы что, совершенно заблудились?» – Брик ответил: «Знать, где мы находимся, – это одно, а вот что касается без-

опасного курса куда-либо – это совсем другое». Сдержанный гнев, прозвучавший в голосе молодого моряка, заставил Уинтроу сейчас же прикусить язык. И еще он подумал, что в особенности бывшим рабам не следует знать, в какое положение они угодили. Уж очень хорошую возможность это предоставило бы Са'Адару для решительных действий!

Странствующий жрец даже и теперь маячил на краю небольшой толпы, собравшейся на носовой палубе. Помощи своей Са'Адар не предлагал, а Уинтроу не стал и просить о ней. Он знал: странствующие жрецы в своих путешествиях выступают чаще как судьи и мастера переговоров, а не как целители или ученые. Уинтроу же, относясь с величайшим почтением к мудрости жрецов этого ордена, вечно чувствовал себя не в своей тарелке, когда размышлял о праве одного человека судить других. И сейчас пристальное внимание Са'Адара не прибавляло ему ни спокойствия, ни уверенности в своих силах. Он чувствовал на себе взгляд жреца, и по коже пробегал мороз: он нутром знал, что этот человек считает его недостойным священнического звания. Са'Адар о чем-то тихо разговаривал с двоими «расписными», по обыкновению сопровождавшими его... Уинтроу попытался не думать о них, выкинув из головы мысли о близком присутствии Са'Адара. «Помогать не желаешь, так хоть не мешай. Не позволю тебе меня отвлекать!»

Поднявшись, Уинтроу прошел к самому форштевню корабля. Проказница взволнованно оглянулась навстречу.

– Я буду стараться изо всех сил, – сказала она еще прежде, чем Уинтроу успел к ней обратиться. – Ты только помни, что кровной связи у меня с ним нет. Он нам не родственник... И он на борту слишком недавно, я даже не успела как следует с ним познакомиться... привыкнуть к нему... – И она опустила глаза, тихо добавив: – Боюсь, толку от меня будет не много...

Уинтроу перегнулся через поручни, его ладонь нашла ее руку.

– Тогда, – сказал он, – поделись своей силой со мной. И это уже будет величайшая помощь.

Их ладони соприкоснулись, заново утверждая связывавшие их странные узы. И Уинтроу в самом деле ощутил, как переливается в него сила корабля. Осознав это, он увидел ответную улыбку на лице изваяния. Была она не знаком радости, даже не выражением того, что между ними двоими все в полном порядке, – нет, это было свидетельство их общей решимости. Что бы им ни грозило извне, как бы ни приходилось им обоим сомневаться друг в друге – но здесь и сейчас, в этом великом деле, они будут вместе. Уинтроу подставил морскому ветру лицо и вознес молитву Всеотцу Са, испрашивая водительства и вразумления. Потом обернулся к распростертому на палубе Кенниту и тому, что его ожидало. Набрал полную грудь воздуха... Проказница была вместе с ним, неразделимо.

Кеннит лежал очень тихо, и обоняния Уинтроу даже на расстоянии достиг запах бренди. За это следовало благодарить Этту. Она долго сидела у постели пирата, уговорами вынудив его выпить гораздо больше, чем он поначалу намеревался. Вот только Кеннит оказался удивительно крепок на спиртное. Пьяный в стельку, он все же не потерял соображения. И опять-таки Этта выбрала матросов, которым предстояло держать его. К большому изумлению Уинтроу, трое этих избранных были освобожденными невольниками, причем один – даже из «расписных». Им было явно не по себе, но они с самым решительным видом стояли под взглядами многочисленных зевак...

Вот этих последних Уинтроу и счел своей неотложной заботой. Он проговорил без истерик, но повелительно:

– Пусть останутся только те, кто назначен в помощники. Все прочие пусть разойдутся и освободят место.

Он не стал ждать, станут ли ему повиноваться. Если не станут – это будет дополнительное унижение, которое ему было совсем ни к чему. К тому же он был уверен: посмей люди перечить – тотчас вмешается Этта.

Он опустился подле Кеннита на колени... Не слишком удобно будет резать его лежащим на палубе, но Уинтроу знал: пока у Проказницы есть хоть какая-то возможность придать ему сил – дело того стоит...

Он еще раз оглядел разноперые инструменты, которые удалось раздобыть. Все было аккуратно разложено на куске чистой холстины, и настоящий лекарь воистину пришел бы в ужас от такого набора. Ножи, заново отточенные и блестящие, были с камбуза. Две пилы были позаимствованы из имущества корабельного плотника. Иглы, толстые, грубые, предназначались для шитья парусов. Несколько иголок потоньше – обыкновенных швейных – предоставила Этта. Этта же приготовила ровные полоски чистой ткани для повязок – льняные и шелковые...

Только подумать – чтобы на корабле да не подобрать ничего более подходящего!.. Ведь у каждого матроса из команды были и нитки, и иголки, да и инструмент кое-какой водился. Но все принадлежавшее убитым морякам, до последней вещи, точно в воздухе растворилось. Уинтроу про себя был уверен, что бывшие рабы, захватив корабль, быстренько все прикарманили. И то, что ни один из них не пожелал чем-либо поделиться, очень ясно говорило об их чувствах в отношении Кеннита, присвоившего корабль. Уинтроу вполне мог их понять... Вот только легче от этого ему не становилось. Он смотрел на грубые инструменты, очень мало подходившие для операции на живом человеческом теле, и все яснее понимал, что обречен потерпеть неудачу. Чем кромсать ногу Кеннита этими ножами, он с таким же успехом мог бы просто отхватить ее топором...

Он поднял глаза и нашел взглядом Этту.

– Нужны инструменты получше, – сказал он ей тихо. – Этими я просто не смею начать...

Она поразмыслила о чем-то... Мысли ее явно унеслись далеко.

– Вот бы нам лекарский припас с «Мариетты», – проговорила она с досадой. На краткий миг была сброшена маска, и она показалась Уинтроу совсем девчонкой. Она тронула волосы Кеннита, пропустила сквозь пальцы черный выющийся локон... Сколько нежности было в ее взгляде, обращенном на дремлющего капитана!

– Меня бы устроил и тот, что имелся на «Проказнице», – так же тихо и серьезно ответил Уинтроу. – До восстания его всегда держали в каюте старпома. И там было многое, что сейчас очень бы нам пригодилось. И лекарства, и инструменты. Будь все это здесь, Кенниту намного легче пришлось бы. Вот только никто не знает, куда сундучок подевался...

Глаза Этты тотчас потемнели, брови сошлись в одну черту.

– Уж так прямо и никто? – холодно спросила она. – Кто-нибудь всегда что-то да знает. Надо только уметь правильно спрашивать...

Она поднялась резким движением. И двинулась через палубу, доставая нож из ножен при бедре. Уинтроу тотчас угадал, куда она направлялась... Са'Адар с двоими телохранителями хотя и отступил прочь, как было велено в самом начале, однако носовой палубы не покинул. Вот странствующий жрец заметил Этту и обернулся навстречу... Слишком поздно! Его презрительный вид мгновенно сменился выражением потрясения и испуга, ибо Этта без лишних слов чиркнула его бритвенно-острым лезвием по груди. Жрец с криком шарахнулся прочь, потом устоял на распоротый передок своей рубахи. По волосатой груди пролегла тонкая линия; вот она расширилась, налилась красным... потекла кровь. Здоровенные «расписные», охранявшие Са'Адара, во все глаза смотрели на нож, который Этта держала в опущенной руке – наготове. А за плечами у нее уже стоял Брик с каким-то пиратом.

Некоторое время никто не двигался и не говорил. Уинтроу явственно слышал мысли Са'Адара, взвешивавшего, как поступить. Нож Этты всего лишь рассек ему кожу – очень болезненная рана, но для жизни совсем не опасная. А могла ведь прямо на месте кишки ему выпустить... Что ей было нужно, этой ведьме?

Для начала Са'Адар напустил на себя выражение поруганной добродетели.

– За что?.. – спросил он, точно актер на подмостках. И широко развел руки, показывая всем длинный порез на груди. Он даже чуть повернулся в сторону, обращаясь не к одной только Этте, но и к столпившимся на шкафуте⁹ бывшим рабам: – За что ты избрала меня мишенью своего гнева? Какое зло причинил я тебе? Я всего лишь вышел вперед, дабы предложить свою помощь...

– Мне нужен корабельный лекарский сундучок, – отрезала Этта. – И немедленно!

– Но у меня его нет! – сердито воскликнул Са'Адар.

Женщина обладала способностью двигаться быстрее, чем кошка, когда полосуется когтями. Во второй раз блеснул ее нож – и первую кровавую линию пересекла вторая. Са'Адар стиснул зубы, но не вскрикнул и не отшатнулся. Уинтроу, впрочем, видел, какого усилия это ему стоило.

– Так найди, – предложила Этта. – Ты, помнится, хвастался, что подготовил и возглавил восстание, сбросившее прежнего капитана. Значит, сумеешь поговорить со своими людьми и напомнить им, кто настоящий вожак, кого следует слушать. И если ты вправду таков, то сможешь узнать, кто из них грабил каюту старпома. Эти люди взяли лекарский сундучок. Он нужен мне. Прямо сейчас!

Еще мгновение длилось шаткое равновесие... Показалось ли Уинтроу – или в самом деле был подан некий знак, брошен некий взгляд, которым обменялись Са'Адар и его люди? Сказать наверняка было невозможно. Но вот Са'Адар заговорил, и, странное дело, его речь показалась Уинтроу чистым актерством.

– Ты могла, – заявил жрец, – просто спросить у меня, не прибегая к насилию. Я ведь человек тихий, я всего лишь смиренный служитель Са и ничего не ищу для себя лично, радея лишь об умножении в человеках добра... Этот сундучок, который ты разыскиваешь... как он хоть выглядел?

Вопрошающий взгляд жреца обратился на Уинтроу, губы растянула искусственная улыбка.

– Просто деревянный сундучок. Вот... примерно таких размеров. – Уинтроу показал руками в воздухе. – Он был закрыт на замок, а на крышке выжжено изображение Проказницы. Внутри хранились лекарства, врачебные инструменты, иглы, материал для перевязок. – И добавил: – Всякий открывший его немедленно понял бы, что это такое.

Са'Адар повернулся к собравшимся на шкафуте:

– Слыхали, народ мой? Видел ли кто-нибудь из вас такой сундучок? Если да – прошу вас, принесите его сюда без промедления. Не ради меня, конечно, – ради избавителя нашего, капитана Кеннита. Покажем ему, как мы являем доброту к тем, кто был к нам милосерден!

«Все шито белыми нитками, – подумал Уинтроу. – Этта же его прирежет на месте...»

Он ошибся: на ее лицо снизошло удивительно долготерпеливое выражение. А с палубных досок вдруг подал голос сам Кеннит.

– Она знает, что времени у нее сколько угодно, – сказал он очень тихо. – К тому же она любит убивать медленно. Да еще где-нибудь в укромном уголке...

Все внимание Уинтроу тотчас переключилось на пирата, но в том, казалось, сознание едва-едва теплилось. Длинные ресницы расстелились по щекам, лицевые мышцы были расслаблены, лишь губы кривились в слабой улыбке. Уинтроу аккуратно приложил два пальца к горлу Кеннита. Пульс бился по-прежнему ровно и сильно, но кожу обметала лихорадка.

– Капитан Кеннит, – вполголоса окликнул Уинтроу.

– Может, это он? – прозвучал звонкий голос женщины.

Рабы расступились – она широким шагом вышла вперед. Уинтроу торопливо вскочил на ноги. Бывшая невольница несла лекарский сундучок. Крышка была расколочена, но Уинтроу

⁹ Шкафут – на парусных кораблях палубный настил вдоль бортов в средней части корпуса.

все равно узнал его. Он не побежал навстречу, предпочтя терпеливо дожидаться, пока женщина передаст сундучок Этте. «Пусть сама разбирается с Са'Адаром... Это их стычка. А я и без того, кажется, с ним уже на ножах».

Этта же окинула беглым взглядом поставленный к ее ногам сундучок. Она даже не наклонилась порыться в его разворошенном содержимом. Она вновь посмотрела на Са'Адара и негромко презрительно фыркнула.

– Не люблю, когда со мной в игры начинают играть, – сказала она очень тихо. – Но коли уж вынуждают, я не я буду, если не выиграю!

Их взгляды встретились. Ни он, ни она не желали отвести глаз. Кожу на худых щеках Этты свело, улыбка превратилась в угрожающий оскал.

– Ты! – проговорила она. – Убери своих ублюдков прочь с палубы! Все вниз, в трюмы – и люки за собою закрыть! Не желаю вас ни видеть, ни слышать... ни запах ваш чувствовать, пока все это не кончится! И если ты не совсем выжил из ума, будешь впредь пореже попадаться мне на глаза. Дошло?

И вот тут, на глазах у наблюдавшего за ними Уинтроу, Са'Адар совершил серьезнейший просчет. Он выпрямился во весь свой рост (впрочем, Этта все равно была выше) и поинтересовался с этакой спокойной насмешкой:

– Надо ли так понимать, что это ты командуешь здесь, а вовсе не Брик?

Можно было бы сказать, что он сделал очень тонкий ход... если бы между молодым пиратом и Эттой существовала хоть какая-то ревность. Но Брик лишь откинул голову и от души расхохотался, между тем как нож Этты украсил грудь Са'Адара еще одной красной насечкой, и на сей раз жрец не удержался ни от крика, ни от судорожного шага назад: Этта неплохо владела клинком – рана оказалась поглубже двух первых.

Священнослужитель скомкал в кулаке пропитанные кровью клочья рубашки, а женщина зловеще улыбнулась ему:

– Думаю, мы сходимся на том, что уж я-то всяко повыше рангом, чем ты...

Один из «расписных», с лицом, потемневшим от ярости, устремился было вперед... Вооруженная рука Этты коротко метнулась туда и обратно – и «расписной» свалился, прижимая ладони к животу. Проказница сдавленно вскрикнула – на ее палубу снова пролилась кровь. Бывшие рабы откликнулись точно эхо целым хором ахов, вскриков и стонов. Уинтроу всем существом ощутил болезненное содрогание, прокатившееся по всему кораблю при этом новом насилии, но отвести глаз от происходившего не мог. Са'Адар кинулся за спину уцелевшему телохранителю, но этот здоровяк и сам уже пятился перед ледяной яростью женщины с ножом. И больше никто не поспешил на защиту жреца. Даже наоборот: люди отступили от него несколько прочь. Связываться никому не хотелось.

– Так что запомните хорошенько! – Голос Этты звенел, точно молоток по наковальне. Она подняла окровавленный нож и обвела им в воздухе круг, захватив весь корабль и все обращенные к ней лица – с татуировками или без. – Я не буду цацкаться ни с кем, кто нанесет урон здоровью и благополучию капитана Кеннита. Никто из вас более не позволит себе никоим образом, прямо или косвенно, задеть или обидеть его – или в полной мере познаете мой гнев! – И она чуть понизила голос: – Вот видите, все проще простого. А теперь – все вон с палубы!!!

На сей раз столпившийся народ просто исчез, словно вода, убегающая в шпигаты¹⁰. Спустились какие-то мгновения на палубе остались только пираты и несколько рабов, назначенных Эттой держать Кеннита. Эти трое смотрели на нее со странной смесью ужаса и почтения. Уинтроу про себя заподозрил, что они успели полностью переменить свои привязанности и с этой минуты были готовы следовать за Эттой куда угодно...

¹⁰ Шпигаты – отверстия в палубе для слива за борт попавшей на нее воды.

А вот сколь могущественного врага нажила она себе в лице Са'Адара – это должно было показать время...

Когда Этта подошла к Уинтроу, их глаза встретились, и он понял: ее столкновение с Са'Адаром предназначалось и для его внимания тоже. Если Кеннит умрет у него на руках – месть Этты будет скоро (в лучшем случае...), страшна и неотвратима. Вот она подошла к нему, неся лекарский сундучок... Уинтроу взял его, не проронив ни слова. Поставил на палубу и быстро просмотрел содержимое. Кое-что, конечно, успело бесследно пропасть, но многое, по счастью, сохранилось. У юного целителя вырвался вздох искреннего облегчения, когда он обнаружил склянку с кожурой плодов квези, заспиртованной в бренди. Бутылочка, впрочем, оказалась крохотной... Промелькнула горькая мысль, что его отец не счел нужным применить это снадобье, когда самому Уинтроу резали палец... Хотя, с другой стороны, будь это сделано, вряд ли что-то осталось бы для Кеннита в его гораздо более серьезной нужде. Уинтроу лишь отметил про себя столь странную причуду судьбы и принялся аккуратно раскладывать обнаруженные инструменты. Он отпихнул в сторону за ненадобностью позаимствованные у кока ножи и заменил их тонкими клинками из сундучка. Нашлась там и специальная пила по кости, снабженная изогнутой рукоятью. Уинтроу выбрал три иголки и вдел в них волоски из шевелюры Кеннита. Когда он выложил их на холстину, волоски свернулись крупными кольцами.

А еще в коробке сыскался кусок кожаного ремня с двумя кольцами на одном конце – жгут, который он наложит на ногу, прежде чем резать.

Ну вот, собственно, и все... Уинтроу бросил последний взгляд на приготовленные инструменты. И обернулся к Этте:

– Я хотел бы вознести молитву... Несколько мгновений медитации смогут лучше подготовить всех нас к...

– Давай, только не тяни, – буркнула она без лишней учтивости. Ее губы сошлись в одну черту, кожа туго натянулась на скулах...

– Итак, крепко прижмите его к палубе и держите, – распорядился Уинтроу. Его голос прозвучал так же хрипло, как и у Этты. Интересно, был ли он так же бледен, как и она?... Глубоко внутри разгорелась искорка гнева, вызванная ее презрением. Уинтроу не стал ее гасить, напротив, постарался раздуть в себе – и перековать в решимость.

Этта опустила на колени возле головы Кеннита, но не стала касаться его. Двое мужчин наложили руки на его здоровую ногу, пригвозждая ее к палубе. Брик хотел было поддержать голову своему капитану, но Кеннит высвободился из его слишком осторожной хватки и, оторвав голову от палубы, вытаращил глаза на Уинтроу.

– Ну что... Сейчас? – спросил он задиристо и сердито. – Сейчас?!

– Да, сейчас, – ответил Уинтроу. – Наберись мужества. – И обратился к Брику: – Держи его голову, да покрепче. Положи ладони ему на лоб и наваливайся всем весом. Чем меньше он сможет биться, тем для него же и лучше.

И Кеннит сам, не противясь, откинул голову и зажмурил глаза. Уинтроу снял одеяло, прикрывавшее обрубок ноги... За несколько часов со времени предыдущего осмотра дело стало явно хуже. Опухоль туго натянула кожу, и она очень скверно блестела, отливая синевато-серым.

«Надо начинать, пока я вконец мужества не лишился...» О том, что от успеха зависела его собственная жизнь, Уинтроу старался не думать. Он осторожно приподнял обрубок ноги и подвел под него жгут, запретив себе думать о боли, которую причиняет Кенниту каждое движение. «Надо сосредоточиться на том, чтобы резать аккуратно и по возможности быстро. А о боли забыть. Боль значения не имеет!»

Когда Уинтроу последний раз присутствовал при отнятии пораженной ноги, это происходило в славной, теплой комнате. Горели свечи, курились благовония, а Са'Парте готовился исполнять свой долг, воспевая молитвы... Уинтроу же довелось вознести всего одну, да и ту – молча. Зато такую, которую можно было повторять с каждым вздохом. «О Са, милостив буди,

силы подай...» *Милостив буди* – это на вдохе. *Силы подай* – на выдохе. Бешено колотившееся сердце начало самым замечательным образом успокаиваться. Сознание очистилось, и даже зрение, кажется, обострилось... Тут Уинтроу понял, что в эти мгновения Проказница была с ним – и гораздо ближе, интимнее, чем когда-либо прежде. Он даже Кеннита смутно ощущал сквозь ее восприятие. Поддавшись любопытству, Уинтроу попробовал испытать эту новую и едва ощутимую связь. Впечатление было такое, словно Проказница старалась докричаться до Кеннита сквозь неизмеримое расстояние, призывая его явить силу и мужество и обещая, что она будет с ним, поможет ему и поддержит... Уинтроу ощутил укол ревности, и его сосредоточение было нарушено.

Милостив буди – силы подай, – неслышно напомнил ему корабль. «Милостив буди... силы подай!» – выдохнул он в ответ. Прodel свободный конец жгута в кольца и надежно затянул его на бедре Кеннита.

Кеннит немедленно взревел сквозь зубы – боль, надобно полагать, была адская. Как ни удерживали его матросы, его спина выгнулась дугой, отрываясь от палубы. Он бился, точно сильная рыба, выброшенная на берег. Сквозь потревоженные струпы на конце обрубка брызнула жидкость и загадила палубу. Разлился омерзительный запах. Этта, вскрикнув, навалилась Кенниту на грудь, помогая удержать его. И был момент жуткой тишины, когда его дыхание вдруг прервалось.

– Будь ты проклят, режь же его! – пронзительно крикнула она, обращаясь к Уинтроу. – Не тяни!

Ибо Уинтроу буквально застыл, стоя на коленях, – мука, испытываемая Кеннитом, парализовала его, обдав ледяной, отнимающей силы волной. Передавшись от Кеннита кораблю, невыносимое страдание перелилось от Проказницы Уинтроу. Да так, что на какое-то время он собственное имя забыл. И лишь молча смотрел на говорившую с ним женщину, не в состоянии сообразить, кто она такая и за что она ЭТО причиняет ему.

Тут Кеннит наконец вообрал в себя воздух, и у него вырвался пронзительный вопль. Уинтроу же показалось, будто он сам разлетелся на части, как кусок замороженного стекла, ошпаренный кипятком. Он был никем и ничем... потом превратился в Проказницу... и как бы толчком снова стал Уинтроу. Его мотнуло вперед, он почти упал ладонями на палубу, жадно вбирая собственную личность из диводрева. «Я Вестрит, я Вестрит... Я – Уинтроу Вестрит... мальчик, который должен был стать жрецом...»

Кеннит страшно содрогнулся и потерял сознание. Страдание прекратилось, и Уинтроу смог в полной мере ощутить себя – собой. Он отчаянно уцепился за это ощущение. *Милостив буди – силы подай...* – где-то вовне продолжалась молитва. Это говорила Проказница, подсказывая ему правильный дыхательный ритм. Молитва помогла. Уинтроу окончательно обрел себя и услышал, как ругается и плачет Этта. Она так и лежала у Кеннита на груди, держа и в то же время обнимая его. Уинтроу отметил это – и перестал обращать на нее внимание.

– Держите крепче, – приказал он сквозь сжатые зубы. Взял в руки первый попавшийся нож... И вдруг со всей очевидностью понял, что единственный путь к спасению – скорость. Резать надо по возможности быстро – вот в чем вся штука. Потому что подобная боль может запросто человека убить. Итак, скорость. Хорошо бы еще закончить прежде, чем Кеннит очнется...

Он приложил блестящее лезвие к уродливо распухшему телу и повел поперек ноги, вглубь. И сразу понял, что опыт всей его предыдущей жизни плохо подготовил его к тому, чем он теперь занимался. В монастыре он помогал разделять туши во время забоя скота. Занятие было не из приятных, просто он делал дело, которое должно быть сделано. Но тогда он резал остывшую плоть, лишённую движения и жизни, плотную и окоченевшую через сутки после забоя... Нынче все было по-другому. Воспаленное тело Кеннита было живым. Оно мягко уступало острому лезвию – и смыкалось за ним. Изливалась кровь, и он не мог рассмот-

реть, что делается внутри раны. Пришлось схватиться за ногу Кеннита ниже того места, где проходил разрез. Там тело было очень горячим, и пальцы Уинтроу буквально погружались в него. Он очень старался резать побыстрее. Под ножом что-то двигалось, рассекаемые мышцы подергивались и сокращались. И кровь, кровь, бесконечно лившаяся ярко-алыми струйками... Рукоятка ножа мгновенно сделалась липкой и скользкой. Кровь собралась на палубе лужицей под ногой Кеннита, потом лужица растеклась, и кровь стала впитываться в одеяние Уинтроу. Несколько раз он замечал сухожилия – блестящие белые веревки, которые, будучи перерезаны, втягивались внутрь культи и пропадали из виду. Ему казалось, прошла вечность, но вот нож ударился в кость.

Уинтроу бросил нож на палубу, торопливо вытер руки о передок рубашки и крикнул:
– Пилу!

Кто-то сунул ее ему в руку. Пилу пришлось запихивать прямо в кровавую рану – Уинтроу взмок, но все-таки сделал это. И начал пилить. Раздался жуткий звук – этаким влажным скрежет...

Ему все-таки не повезло – Кеннит очнулся. Он издал какое-то тьяканье и принялся биться затылком о палубу, его торс выгибался, преодолевая вес и усилие державших людей. Уинтроу отчаянно напрягся, полагая, что боль пирата сейчас снова затопит его сводящей с ума волной... Однако этого не произошло – Проказница приняла боль на себя и удержала ее, не допустив до Уинтроу. Он не позволил себе терять время, гадая, чего это ей стоило. Ему некогда было даже ощутить благодарность... Он крепче нажал на пилу, работая изо всех сил. Кровь из-под зубьев разлеталась по палубе, пятная его руки и грудь. Он ощущал на своих губах ее вкус... Кость подалась так неожиданно, что он не сумел вовремя удержать руку, и пила врезалась в плоть. Уинтроу с усилием вытащил ее из раны и отшвырнул в сторону. Нашарил чистый нож...

– А!.. А!.. А!.. – короткими лающими вскриками вырывалось у Кеннита. Это были даже не вопли, а нечто вообще запредельное...

Потом раздалось бульканье, и что-то, шлепая, полилось на палубу. Уинтроу ощутил кислый запах блевотины.

– Проследите, чтобы не задохнулся! – велел он, не глядя. Оказалось, однако, что вывернуло не Кеннита, а одного из матросов. На это тоже не было времени...

– Держи его, мать твою! – обложил Уинтроу провинившегося моряка. И продолжал резать, пока не подобрался к самой коже с нижней стороны культи. Тут он повернул нож под углом и выкроил кожный лоскут, чтобы потом покрыть рану. Последнее движение лезвия – и гниющие остатки ноги, ничем более не удерживаемые, откатились по палубе прочь.

Только тут Уинтроу смог как следует разглядеть плоды своей работы, и ему, как выражались в портовых кабаках, *поплохело*. Да... Это вам не запеченный по случаю праздника окорок, от которого умелая хозяйка аккуратно отрезает тоненькие ломтики. Это было живое тело – и мышцы, помещавшиеся под кожей, будучи лишены привычного прикрепления, обмякли либо сократились, каждая на свой лад. Блестящий спил кости казался глазом, укоризненно глядевшим на неумелого лекаря... И кровь – всюду кровь...

Уинтроу с непоколебимой уверенностью ощутил, что зарезал пирата.

Не думай так! – тотчас предостерегла его Проказница. И чуть погода добавила почти умоляюще: – *Не навязывай ему своих мыслей о неудаче! Мы же все связаны, и он не может не верить в то, что мы ему вольно или невольно внушаем. Ему просто деваться некуда...*

Окровавленными руками Уинтроу подхватил скляночку с кожурой плодов квези. Он немало слышал о могуществе этого снадобья, но могло ли содержимое крохотной бутылочки остановить такую беспредельную боль?... Он вытащил пробку... Он пытался расходовать лекарство по возможности бережливо, чтобы оставить хоть что-нибудь против завтрашней боли... Куски кожи то и дело застревали в узком горлышке склянки, Уинтроу встряхивал ее, и бледно-зеленая жидкость расплескивалась где густо, где пусто. Но там, где она попадала на

обнаженную плоть, боль немедленно прекращалась. *Умолкала* – именно такое ощущение передавала ему Проказница. Уинтроу вернул пробку на место, когда в бутылочке оставалось чуть менее половины изначального содержимого. Стиснув зубы и заставив себя прикоснуться к телу, которое только что резал, он принялся равномерно размазывать густое зеленое снадобье. Отступление боли было таким внезапным и повсеместным, как будто отхлынула волна.

Только теперь, когда все прекратилось, Уинтроу в полной мере осознал, какой силы напор достигал его, перехлестывая воздвигнутую Проказницей плотину. Но вот наводнение прекратилось – и он разделил безмерное облегчение, которое испытал корабль.

Оставалось по возможности подробно припомнить, что и в каком порядке делал Са'Парте после того, как с отрезанием ноги было покончено... Для начала он перевязывал концы кровоточивших артерий. Уинтроу попробовал поступить так же, но сосредоточение опять стало изменять ему. Сколько хоть было этих артерий?.. Навалилась усталость, и все, чего Уинтроу на самом деле хотелось, – это сбежать подальше от кровавого ужаса, который породили его собственные руки. Сбежать, свернуться калачиком в каком-нибудь тихом уголке и сказать: «Ничего этого не было!» Он сделал усилие и принудил себя продолжать. Он завернул выкроенный кожный лоскут и приложил его к обнаженному концу Кеннитовой культы. Потом попытался Этту выдернуть у капитана еще несколько волосков и продеть их в тонкие иглы. Кеннит лежал совсем тихо, лишь чуть заметно двигались губы: он дышал. Матросы, державшие его, начали понемногу ослаблять хватку. Уинтроу прикрикнул на них:

– Держите, держите! Если он шевельнется, пока я буду сшивать, вся работа может насмарку пойти!

Кожный лоскут ложился на место не очень-то аккуратно... Уинтроу изо всех сил старался пришить его по возможности ровно, натягивая кожу, где приходилось. Обложив культю корпией¹¹, он обмотал ее полосой шелка. Кровь немедленно пропитала повязку и липко выступила на поверхности... Уинтроу накладывал слой за слоем, теряя им счет... Когда все было вроде бы завершено, он заново вытер руки о свое одеяние и потянулся к жгуту. Распустил его – и чистая белая повязка вмиг покраснела. Уинтроу захотелось громко завопить от ужаса и отчаяния. Сколько вообще крови помещается в жилах человека? Как может он потерять подобное количество ее – и продолжать цепляться за жизнь?.. Сердце снова заколотилось о ребра... Уинтроу заново обмотал ногу пирата и, поддерживая ладонями культю, глухо выговорил:

– Я кончил. Можно уносить его.

Этта подняла голову, оторвавшись от груди Кеннита. Лицо у нее было совсем белое. Вот на глаза ей попался откромсанный кусок его ноги, валявшийся на палубе, и черты женщины судорожно исказились. Она сделала видимое усилие, стирая с лица выражение погибельного отчаяния. Лишь глаза блестели от слез. Она хрипло приказала матросам:

– Носилки сюда!

Путешествие до капитанской каюты оказалось совсем не простым... Для начала носилки пришлось спускать с бака на главную палубу. Пересекли ее – и начались узкие, извилистые коридоры кормовой части, где обитали начальствующие. Морякам пришлось проявить недюжинную сноровку. Да еще Этта рычала на них всякий раз, когда длинные ручки носилок задевали за стены или углы. Когда же капитанская каюта была благополучно достигнута и Кеннита перекладывали с носилок на постель, его глаза ненадолго открылись.

– Ну пожалуйста, пожалуйста!.. – пролепетал он в бреду. – Я буду хорошим, я обещаю... Я буду слушаться, я обязательно буду...

¹¹ *Корпия* – ныне вышедший из употребления перевязочный материал, нитки, нащипанные вручную из хлопчатобумажной или льняной ветоши. Это слово часто встречается в старинных приключенческих произведениях, например у Жюль Верна. Современные авторы остросюжетных книг о минувших веках обычно обходятся просто «тряпицами для повязок».

Тут Этта так ощерилась на моряков, что все немедленно потупились, а Уинтроу подумал, что вряд ли хоть одна живая душа когда-либо спросит капитана об этих его словах.

Оказавшись в постели, Кеннит опустил ресницы – и лежал неподвижно, как прежде. Матросы же мигом убрались вон из каюты.

Уинтроу ненадолго задержался. Этта хмурилась, глядя, как он трогает сперва запястье Кеннита, потом его горло. Пульс был скверный – частый и неглубокий. Уинтроу низко склонился над капитаном, силясь передать ему уверенность в выздоровлении. Коснулся пальцами, все еще липкими от крови, его лица и висков и тихо помолился Са, испрашивая для больного силу одолеть смерть. Этта не обращала на него внимания. Расправив чистую тряпицу, она ловко подсунула ее Кенниту под забинтованную культю...

– И что теперь?.. – глухо спросила она, когда Уинтроу выпрямился.

– Теперь – ждать и молиться, – отвечал мальчик. – Больше мы все равно ничего сделать не можем.

Она тихо, презрительно хмыкнула. И указала ему на дверь.

Уинтроу вышел...

На ее палубе царила кровавая жуть. То место, куда впиталась кровь, было ощутимо тяжелым. Полуприкрыв веками глаза, Проказница смотрела на клонившееся к западу солнце. Она чувствовала дыхание Кеннита, лежавшего в капитанской каюте, она осязала медленное истечение его крови. Лекарство похоронило боль, но где-то там, за порогом восприятия, слышалось ее угрожающее биение. И с каждой пульсацией эта угроза делалась ближе и ощутимей... Проказница ощущала приближение неимоверного страдания и заранее содрогалась.

Уинтроу возился на баке, прибираясь после операции. Вот он обмакнул оставшийся кусок повязки в ведро с водой, один за другим протер все ножи и отложил их в сторонку. Тщательно вычистил пилу и иголки... Уложил все в лекарский сундучок, и там заново воцарился порядок. Он уже вымыл руки по локоть и утер кровь с лица, но весь перед его одеяния, постепенно высыхая, делался заскорузлым и жестким. Обтерев бутылочку с заспиртованной кожей плодов квези, Уинтроу посмотрел ее на свет, оценивая, много ли осталось.

– Маловато, – негромко сообщил он Проказнице. – А впрочем, разница-то... Вряд ли Кеннит проживет столько, чтобы ему это потребовалось. Ты взгляни только на всю эту кровь... – Он убрал склянку в сундучок и посмотрел на отрезанный кусок ноги. Стиснул зубы и поднял с палубы жуткое нечто. Лохмотья по обоим концам, а посерединке – колено. Утратив связь с остальным телом, кусок показался ему неестественно легким. Уинтроу понес его к борту. – Как-то неправильно это, – сказал он Проказнице. Но все-таки выкинул свою ношу в море.

...И отшатнулся, негромко вскрикнув от испуга, ибо из воды тотчас высунулась голова белого змея и подхватила обрубок еще в воздухе, прежде чем тот успел даже коснуться воды. Высунулась и тотчас исчезла, словав кусок человечины.

Уинтроу кинулся обратно к поручням. Схватился за них и стал смотреть вниз, в зеленую глубину, – не мелькнет ли там белая тень морского чудовища.

– Каким образом оно поняло? – хрипло вырвалось у него. И продолжал, не дожидаясь ответа Проказницы: – Я думал, змей уплыл... Думал, мы его отогнали. Зачем он следует за нами? Чего он хочет?..

– Он слышит нас. Тебя и меня. – Проказница говорила тихо, чтобы не разобрал никто, кроме Уинтроу. Ей было стыдно. Трюмные люки понемногу начали открываться, люди выбирались на палубу, правда, на бак никто не совался. Змей же появился и исчез до того бесшумно и быстро, что его, похоже, никто и не заметил. – Я не знаю, как и в какой мере он нас слышит, я не думаю, что он способен полностью уразуметь наши мысли... Но понимает он вполне

достаточно. А надо ему... примерно то, что он сейчас получил. Он хочет, чтобы его кормили. Вот и все.

– Может, – сказал Уинтроу, – мне стоило бы броситься к нему в пасть? Чтобы Эйте потом не пришлось возиться со мной...

Он обронил это вроде бы в шутку, но за шуткой крылась бездна отчаяния.

– Ты, – проговорила Проказница, – высказал сейчас не свою мысль, а его. Он дотянулся к тебе, требуя пищи. Он полагает, что мы обязаны его кормить. И без зазрения совести внушает тебе вескую причину подарить ему свою собственную плоть. Не слушай его!

– А ты-то откуда знаешь, о чем он думает и чего хочет?..

Уинтроу позабыл о том, чем только что занимался, и перегнулся через поручни, беседуя с носовым изваянием. Проказница оглянулась на него через плечо... Уинтроу был до того измотан, что выглядел постаревшим. Проказница поразмыслила, стоит ли ему говорить, но потом решила: нет смысла оберегать его – все равно рано или поздно он дознается сам.

– Мы с ним родичи, – просто пояснила она. У мальчика буквально отпала челюсть, и она дернула обнаженным плечиком. – Так он чувствует, по крайней мере. И я ощущаю... нечто сходное. Не такую сильную связь, как у нас с тобой сейчас... Но она есть, и отрицать ее невозможно.

– Бессмыслица какая-то, – пробормотал Уинтроу ошарашенно.

Она вновь пожала плечами... и переменяла тему разговора.

– Ты должен искоренить в себе уверенность, что Кеннит непременно умрет.

– Почему? Или ты хочешь мне сказать, что он тоже «родич» и слышит мои мысли?..

В его голосе определенно слышалась горечь. «Э, да никак он ревнует?..» Проказница попыталась было прогнать удовольствие, которое принесло ей это открытие, но не удержалась и решила еще чуть-чуть его подколоть.

– Твои мысли? – переспросила она. – Нет, твоих мыслей он не слышит. Он чувствует только меня. Он соприкасается со мной, а я – с ним. Мы ощущаем друг друга. Конечно, это еще не связь, а только намек на нее... Я же совсем недавно с ним познакомилась. Но его кровь впиталась в мою палубу и создала между нами нечто такое, что я даже объяснить затрудняюсь. Кровь – это память... Так вот, твои мысли соприкасаются с моими и через меня влияют на мысли Кеннита. Я всячески стараюсь не допустить к нему твои страхи, но, признаться, это требует от меня определенных усилий!

– Значит, – медленно выговорил Уинтроу, – ты теперь связана с ним?

Он был недоволен, и Проказницу это возмутило.

– Ты же сам попросил меня помочь ему. Попросил поделиться с ним силой, так? И что же ты думал – каким образом я могу это проделать, не породив связи?

Пришлось неохотно признать:

– Об этом я не подумал... А сейчас ты его чувствуешь?

Проказница задумалась... и обнаружила, что тихо улыбается.

– Да, – сказала она. – Чувствую. И даже яснее, чем прежде. – Тут улыбка погасла. – Возможно, это оттого, что он слабеет. Сдается мне, у него больше нет сил *удерживаться*, кроме как в единении со мною... – И все ее внимание тотчас переключилось на Уинтроу. – Твоя уверенность, что ему не выжить, висит над ним точно проклятие! Ты должен каким угодно образом переубедить себя самого. Представляй его только живущим! Его тело очень зависит от состояния духа. Ты должен его поддерживать, а не топить!

– Постараюсь, – проворчал он. – Правда, непросто убеждать себя в чем-то таком, что отнюдь не является правдой...

– Уинтроу!..

– Ладно, – сказал он примирительно. Положил обе руки на носовой поручень, поднял глаза и сосредоточил взгляд на далеком горизонте. Весенний день угасал, сгущались сумерки.

Голубое небо медленно меркло, начиная сливаться с более темной синевой моря. Уинтроу стал медленно возвращать свое восприятие из далекой точки у горизонта вовнутрь себя самого – пока его веки не опустились сами собой. Его дыхание стало глубоким и ровным, почти как во сне. Ощувив любопытство, Проказница обратилась к их связи, чтобы, не навязываясь и не отвлекая Уинтроу, попробовать прочесть его мысли.

Тихого проникновения не получилось: Уинтроу мгновенно почувствовал ее присутствие. Но не стал недовольно отстраняться – напротив, охотно открыл ей свой разум, и она окунулась в размеренный поток его мыслей. *Са присутствует во всякой жизни. Всякая жизнь есть Са...* Самое простое утверждение. Проказница сообразила: он выбрал словесную формулу, в которую веровал, что называется, абсолютно. Уинтроу более не сосредоточивался на телесном здоровье пиратского капитана. Он зашел с другой стороны: покуда жив Кеннит, его жизнь – частица Са, а значит, разделяет его вечность. «Конца нет, – как бы обещала Проказнице их общая мысль. – Жизнь не прерывается никогда». И она поймала себя на том, что разделяет это его убеждение. Нет никакой окончательной тьмы, которой следовало бы страшиться. Никакого внезапного прекращения бытия. Изменение – да. Но ведь нас и каждый новый вздох изменяет... Пока происходят изменения, происходит и жизнь. Перемен не стоит страшиться...

И Проказница распахнула себя Кенниту, чтобы поделиться с ним этим откровением. *Жизнь продолжается. Утрата ноги – не конец, а всего лишь... небольшая поправка курса. Пока бьется сердце, не перечисль новых возможностей. А значит, тебе нечего страшиться, Кеннит. Отдохни, расслабься. Все будет хорошо! Ты отдохнешь, просто отдохнешь немного...*

Она ощутила теплый ток его благодарности. Напряженные мышцы вдоль позвоночника и на лице стали разглаживаться. Кеннит глубоко вдохнул и медленно выдохнул...

А нового вдоха и не последовало.

Глава 5

Живой корабль «Офелия»

Вахта Альтии кончилась. Началось свободное время. Она порядком устала, но усталость была приятной. Весенний вечер стоял теплый почти по-летнему. Подобные вечера редко приключаются в это время года, и Альтия попросту наслаждалась. Сама Офелия, живой корабль, и та нынче весь день была настроена добросердечно. Она как могла облегчала морякам их работу, охотно идя под парусами на север – домой. Была она неповоротливым старым когом¹², да притом отягощенным товарами, добытыми в удачном плавании. Вечерний ветерок еле дышал, но паруса «Офелии» умудрялись ловить и использовать даже эти слабые вздохи. Она легко скользила по волнам. Альтия облокотилась на носовой поручень, следя за солнцем, готовым вот-вот погрузиться в море по левому борту. Еще несколько дней – и она будет дома...

– Что, сложные чувства испытываем? – хихикнув, поинтересовалась Офелия. И пышно-телое изваяние наградило Альтию понимающим взглядом через плечо.

– Что верно, то верно, – кивнула девушка. – Причем обо всем сразу. И что у меня за жизнь? Куда ни ткни – всюду сложности... – И она принялась загибать пальцы. – Вот она я тут, служу старпомом на живом корабле... Чуть не высший пост, о котором может мечтать мореплаватель. И капитан Тенира мне рекомендацию обещал... Как свидетельство того, что я умелый моряк. С этой рекомендацией я вполне могу вернуться домой и как следует прижать Кайла, чтобы он сдержал слово и вернул мне мой корабль... Но, поди ж ты, как об этом подумая, так чувствую себя виноватой. А почему? Потому, что ты до такой степени облегчила мне жизнь. Я ведь в три раза больше вкалывала, когда ходила юнгой на «Жнеце»... Так и кажется, что не по заслугам награда!

– Ну, если хочешь, я таки заставлю тебя попотеть, – поддразнила ее Офелия. – Могу начать не по делу крениться, могу организовать небольшую течь в трюме... Выбирай!

– Да ладно, не станешь ты этого делать, – заявила Альтия с уверенностью. – Ты слишком гордишься своими мореходными качествами. Да и я не то чтобы лишних сложностей на свою голову добиваюсь... И о месяцах, проведенных на «Жнеце», не жалею. Я сначала думала, что они даром пропали, но это не так. Там я поняла, что МОГУ. Плавание на том корыте и моряком каким следует меня сделало, и показало такую сторону матросской жизни, с которой я раньше не соприкасалась... Нет, потерянным временем такое не назовешь. Это было... просто время в отрыве от Проказницы. И вот его-то уже назад не вернешь. Вот в чем загвоздка-то...

И она со вздохом умолкла.

– Ох, душенька, до чего ж ты переживаешь! – Голос Офелии был полон сочувствия. Однако еще мгновение – и носовая фигура предпочла насмешливый тон: – Хочешь, чтобы стало еще хуже, – продолжай ныть по этому поводу. Верное средство... Слышишь, Альтия? Как-то даже на тебя не похоже! Смотри вперед по курсу, а не за корму! Переложил руль – и полный вперед! Все равно вчерашней волны не вернешь!

– Знаю, – с не очень-то веселым смешком откликнулась Альтия. – И еще я знаю, что то, что я сейчас делаю, – со всех сторон правильно. Просто... странно немножко, что все уж так здорово и приятно. Замечательный корабль, проворная команда, славный капитан...

– И очень симпатичный старпом, – немедленно вставила Офелия, имея в виду Грэйга Тениру, сына капитана.

– Совершенно верно, – просто кивнула Альтия. – И я очень ценю все, что Грэйг для меня сделал. Я знаю, что, сказавшись больным, он вроде бы радуется случаю отдохнуть и почи-

¹² Ког – тип одномачтового парусного судна с выпуклыми бортами и высокой надстройкой на корме.

тать книжки, но... притворяться хворым, чтобы дать мне шанс показать себя в его должности... странное, должно быть, ощущение! Не придумаю даже, как его по достоинству отблагодарить...

– Вот святые слова. Ты его и вправду нимало не отблагодарила.

В самый первый раз в голосе корабля прозвучала некоторая прохладца.

– Ох, Офелия!.. – простонала Альтия. – Ну пожалуйста, давай не будем снова об этом!.. Ты же не хочешь, чтобы я притворялась, будто питаю к Грэйгу чувства, которых на самом деле нет, а?..

– Я просто не в силах понять, почему эти самые чувства у тебя до сих пор не образовались, вот и все! Сама-то ты так ли уверена, что ничуть не обманываешься? Ты посмотри только как следует на моего Грэйга. Красивый, обаятельный, остроумный, добрый и со всех сторон благородный! Я уж вовсе молчу о том, что он урожденный сын славной фамилии старых торговцев Удачного и первейший наследник очень даже немалого состояния. Могу лишь скромно добавить – состояния, включающего в себя величественный, несравненный живой корабль... Чего еще тебе нужно от мужика, я тебя прямо спрашиваю?!

– Грэйг заслуживает всех этих превосходных степеней – и еще множества. На этом мы с тобой давным-давно согласились. Я не усматриваю в Грэйге Тенире ровным счетом никаких недостатков. Равно как и, – Альтия улыбнулась, – в величественном, несравненном живом корабле.

– Стало быть, это с тобою самой что-то не в порядке, – проговорила Офелия. – Почему в таком случае тебя не тянет к нему?

Альтия хотела что-то сказать, но прикусила язык и некоторое время молчала. Потом заговорила, стараясь апеллировать к доводам разума:

– Тянет, Офелия, а как же иначе. В некотором смысле... Как бы тебе объяснить? Видишь ли, есть в моей жизни и всякие иные течения... Такие, что я попросту не могу позволить себе... Мне просто некогда подумать о подобных привязанностях. Ты же сама знаешь, с чем я столкнулась, когда мы прибудем в Удачный. Мне надо будет примириться со своей матерью... если вообще это возможно. А кроме того, есть еще один... величественный живой корабль, который занимает мои мысли. Мне придется убедить мать высказаться в мою пользу, когда я предприму попытку отвоевать «Проказницу» у Кайла. Она ведь слышала, как он поклялся именем Са, что отдаст мне корабль, если я предоставлю доказательства своих моряцких умений. Он, конечно, брякнул это не подумавши и во гневе, но слово есть слово, и я намерена заставить его это слово сдержать. Я знаю, это будет не судебное разбирательство, а склока, грязная и противная... и все-таки я намерена на это пойти. Вот о чем мне следует все время думать... а не о любовных интрижках.

– Но не находишь ли ты, что Грэйг стал бы могущественным союзником в такого рода борьбе?

– А ты не находишь, что с моей стороны было бы бесчестно уступить его ухаживаниям только ради того, чтобы вернуть себе корабль?

Теперь прохладца появилась уже в голосе Альтии.

Офелия негромко рассмеялась:

– Вот как!.. Значит, уже имели место знаки внимания? А я-то волновалась за нашего скромного паренька... Ну же, ну же, Альтия!.. Подробности, скорее подробности!..

Она заломила бровь, глаза так и сверкали.

– О чем ты, кораблик?.. – одернула было ее Альтия, но спустя мгновение и сама неудержимо расхохоталась. – Да хватит мне вкручивать! Будто ты и без меня не знаешь во всех подробностях, что где происходит у тебя на борту!..

– Ну-у-у... – задумалась Офелия. – Может, я и знаю в общих чертах, что творится на нижней палубе и в каютах начальствующих... Но не все! – Она помолчала, потом ее глаза

заново вспыхнули любопытством. – Вчера в его каюте уж очень долго царила подозрительная тишина!.. Скажи скорее, он пытался поцеловать тебя?

Альтия вздохнула.

– Нет. Конечно же нет, – сказала она. – Грэйг, знаешь ли, слишком хорошо воспитан для этого.

– Я знаю... Поэтому-то мне так жалко его, – покачала головой Офелия. И добавила, словно бы позабыв, с кем говорит: – Вот чего мальчику не хватает, так это... искры. Огня! Утонченность манер, ясно, дело хорошее... Но парень, вправду желающий получить, что он хочет, иногда должен быть немножко нахалом. – И склонила голову набок, глядя на Альтию. – Вот как Брэшен Трелл, например...

Альтия опять застонала. Корабль вымучил у нее его имя этак с неделю назад, и с тех пор Альтия готова была удавиться. Офелия либо изводила ее расспросами, отчего да почему она не прыгала в объятия Грэйга, либо скипидарила выпытыванием интимных подробностей ее мимолетной близости с Брэшеном. Альтия же и вовсе вспоминать не хотела про этого человека... Ибо испытывала на сей счет уже вовсе запутанные и противоречивые чувства. Чем окончательней она решала: «Все! С ним покончено!» – тем настойчивей он вторгался в ее мысли. Она успела изобрести тьму-тьмушую остроумных замечаний, которые ей следовало бы отпустить при их последнем свидании. Как он нагрубил ей за то, что не явилась на то дурацкое свидание, дурацкое от начала и до конца! Брэшен слишком много возомнил, хотя по-настоящему у него не было на то никаких оснований. По всей справедливости, он одной-то ее мысли не стоил, не говоря уже о размышлениях – каждодневных и ежечасных. Если она фыркала, вспоминая его наяву, – он снился ей ночью. И в этих сновидениях его ласковая сила казалась безопасным прибежищем, достичь которого было бы величайшей удачей. «Только во сне!» – напоминала себе Альтия. И стискивала зубы. Наяву-то она отлично знала: никакое он не прибежище, скорее, водоворот глупых эмоций... в котором недолго и вовсе потонуть, растеряв все, к чему стремилась.

...Похоже, девушка слишком долго молчала. Офелия не спускала с нее глаз. «Все-то я про тебя знаю!» – было написано у нее на лице.

Наконец Альтия поднялась и чуть улыбнулась.

– Пойду Грэйга навещу, прежде чем спать укладываться, – сказала она. – Надо расспросить его кое о чем.

– Вот как, – промурлыкала Офелия, явно обрадованная. – Расспрашивай, золотко, только, ради всего святого, не торопись. Мужчины из рода Тенира всегда долго думают, прежде чем приступить к делу, но коли уж приступают... – И она с самым мечтательным видом закатила глаза. Потом предупредила: – Может кончиться тем, что ты потом и не упомнишь, как Трелла этого звать!

– Честно тебе сказать, – ответила Альтия, – я это имя и так уже изо всех сил забываю...

И с некоторым облегчением покинула носовое изваяние. Иногда это было сущее наслаждение – сидеть вот так, вечером, и разговаривать с кораблем о том и о сем. Носовая фигура, изваянная из диводрева, хранила личностные черты множества моряков из семейства Тенира, но первыми были женщины, и, видимо, они оставили самый глубокий и значительный след. Оттого Офелия смотрела на жизнь сквозь призму женственности. Да не той хрупкой беспомощности, которая была нынче в такой моде у женщин Удачного, – отнюдь, отнюдь! В ней говорила вся мощь независимости и решимости, что отличала прародительниц старинных торговых фамилий. Оттого она порою давала Альтии советы самого парадоксального свойства, но часто оказывалось и так, что высказываемые ею взгляды полностью совпадали с теми убеждениями, которые Альтия потихоньку носила в себе долгие годы. Так получилось, что у Альтии было очень мало друзей одного с нею пола; и только теперь, слушая рассказы Офелии, она убеждалась: терзавшие ее сомнения не были присущи ей одной, как порою казалось. А уж

манера Офелии без обиняков вдаваться в рассуждения о самом интимном и ужасала Альтию, и приводила в восторг.

И, кажется, корабль полностью поддерживал стремление Альтии к независимости. Офелия полагала, что новая подруга имеет полное право следовать велениям своего сердца, но и вменяла ей в ответственность все, что может произойти от подобных решений.

Как славно, что они подружились!

Альтия немного замешкалась перед дверью каюты Грэйга. Одернула одежду, поправила волосы... Она больше не притворялась мальчишкой, как некогда на «Жнеце», и это было величайшее облегчение. Здесь, на этом корабле, команда знала ее настоящее имя. Она снова звалась Альтией Вестрит, и на ней лежала ответственность за честь ее рода. И хотя она продолжала одеваться, скорее, из соображений практичности, то есть в платье из толстой хлопковой ткани, ее брюки больше напоминали разделенную юбку. Она по-прежнему убирала волосы так, чтобы не мешались и не лезли в лицо, но больше не увязывала в косицу и подавно не смазывала смолой. А шнурованная рубашка, опрятно заправленная в штаны, была даже кое-где украшена вышивкой...

Ей предстояло увидеть Грэйга, и она ждала этого с удовольствием. Ей очень нравилось сидеть и разговаривать с ним. Конечно, между ними существовало некое легкое напряжение, но даже и оно было приятно. Грэйг находил ее привлекательной, и его не пугал ни ее ум, ни морские познания. Наоборот, он ценил и уважал эти достоинства – что для Альтии было ново и лестно.

Вот бы ей еще уверенность, что тем и исчерпывались ее чувства...

Хоть и было у нее «кое-что» с Брэшеном, хоть и жила она годами на корабле среди мужчин, во многом Альтия по-прежнему оставалась еще очень неопытной. Оттого она и не могла решить, тянет ее к Грэйгу из-за его собственных качеств или же потому, что она явно нравилась ему и это не оставляло ее равнодушной?..

Но вот в чем она не сомневалась, так это в том, что происходившее между ними было всего лишь безобидным маленьким флиртом. Да и могло ли тут зародиться нечто большее? Они были двумя незнакомцами, которых ненадолго свела вместе судьба. Вот и все...

Она постучала в дверь.

– Кто там? – приглушенно донесся голос Грэйга.

Альтия вошла. Он сидел на своей койке, половина лица пряталась под толстой повязкой. Густо пахло гвоздикой. Вот он узнал Альтию, и синие глаза приветливо засияли. Она прикрыла за собой дверь, и он тотчас стащил повязку, с удовольствием отложив ее прочь. При этом волосы у него взъерошились совсем по-мальчишески, и Альтия улыбнулась.

– Ну как зуб? – спросила она. – Болит?

– Терплю пока. – Он потянулся так, что на широких плечах вздулись мышцы, и картинно откинулся на койке. – Припомнить не могу, когда у меня последний раз было столько времени побездельничать!

Грэйг закинул ноги на койку и скрестил их в лодыжках.

– Скука не заела?

– Ни в коем случае. Мы, моряки, всегда придумаем, как скоротать свободное время.

Грэйг пошарил на койке подле себя и вытащил нечто изготовленное из веревки. Он расправил это на коленях, и Альтия увидела узорный, искусно сплетенный половичок. Настоящее кружево, пускай и сработанное из толстой, прочной веревки. Даже странно, что такую тонкую работу породили вот эти сильные, покрытые шрамами пальцы.

Альтия взяла в руки край половичка, погладила затейливый узор.

– Прелесть какая, – похвалила она. – Мой отец на досуге, бывало, брал пустую бутылку из-под вина, моточек веревки – и так оплетал ее, что глаз было не отвести. То цветочками, то снежинками... Он все обещал научить меня, как это делается, да так и не собрался...

Невозвратность потери, к которой, как ей казалось, она успела худо-бедно притерпеться, вновь отозвалась в душе болезненной пустотой. Альтия даже отвернулась от Грэйга и некоторое время отрешенно смотрела в стену каюты.

Грэйг тоже помолчал некоторое время. Потом негромко предложил:

– Я бы мог научить тебя... Если хочешь, конечно.

– Спасибо, но... Это будет совсем не то же самое для меня. – Отказ прозвучал слишком бесцеремонно, она сама это почувствовала, но тут, в довершение всех бед, к глазам подхлынули внезапные слезы, и Альтия, застеснявшись, потупилась. Еще не хватало, чтобы Грэйг заметил ее слабость. Он и его отец и так слишком много сделали для нее. И она вовсе не собиралась выглядеть в их глазах какой-то бедненькой и нуждающейся, с глазами вечно на мокром месте – нет, они должны видеть перед собой сильного человека, готового оправдать доверие и наилучшим образом использовать предоставленную возможность!.. Альтия с усилием перевела дух и расправила плечи. – Все в порядке, – ответила она на его невысказанный вопрос. – Просто... иногда мне страшно не хватает его. Какая-то часть меня по-прежнему не может смириться с тем, что он умер, что больше я никогда его не увижу...

– Альтия, – проговорил он. – Извини, я, наверное, задам тебе бестактный вопрос... но я тут все раздумывал... Почему?

– Почему он взял и завещал корабль, где я столько лет вкалывала, не мне, а моей сестре? – Альтия глянула через плечо на Грэйга и увидела его короткий кивок. И пожала плечами: – Он мне так и не сказал почему. Самое близкое к разумному объяснению, что я успела от него услышать, было что-то такое насчет хлеба насущного для моей сестры и ее детей. И теперь, когда я в хорошем настроении, я говорю себе: он имел в виду, что я способна сама о себе позаботиться и можно не бояться, что я пропаду без наследства. А когда на душе скверно, я себя спрашиваю: может, он, наоборот, не верил в меня? Считал меня законченной эгоисткой, которая приберет к рукам «Проказницу» и думать забудет о благополучии остального семейства... Почему теперь знать!

И она вновь передернула плечами. Слезы были по-прежнему недалеко.

Тут она случайно увидела себя в небольшом зеркале, которое Грэйг использовал во время бритья. И был странный и несколько жутковатый момент, когда вместо собственного лица перед Альтией предстало отцовское. А что? Ей достались от него и темные глаза, и густые жесткие черные волосы. Она только ростом не вышла. Она была невысокая – в мать. И все равно сходство оставалось разительным. Тот же твердый рот, та же манера сводить брови, сердясь или волнуясь.

– Моя мать сказала, – продолжала Альтия, – что мысль о таком распределении наследства принадлежала именно ей и что она уговорила отца уступить ей. Она рассудила, что семейные владения должны остаться неделимым целым и что живой корабль должен попасть в те же руки, что и земельный надел. Это с тем чтобы доходы от одного поддерживали другое, и так далее, пока не будут выплачены все наши долги. – Альтия потерла рукой лоб. – И я полагаю, что определенный смысл в ее рассуждениях был... Когда отец решил прекратить торговлю в верховьях Дождевой реки, он ведь тем самым здорово урезал наши доходы. Он ходил в южные страны и привозил оттуда массу всяких диковин, но, конечно, они не шли ни в какое сравнение с волшебными вещичками из Дождевых чащоб. А наши земли всегда приносили отменные урожаи, но наши фрукты и зерно не могут состязаться на рынке с привозными из Калсиды – там все дешево, ведь у них на полях рабы трудятся. Поэтому за корабль нам еще платить и платить... Ко всему прочему, мы за него еще и нашими землями отвечаем. Так что, если вдруг не сможем расплатиться, потеряем и корабль, и наследные земли...

– Притом что ты сама заложницей являешься, – заметил Грэйг негромко. Он сам был из старинной торговой семьи, обладавшей живым кораблем, и ему не надо было объяснять, как обыкновенно составлялся подобный договор. Живые корабли были редкостным и очень

дорогим приобретением... Мало того что непременно условием пробуждения такого корабля была смена трех поколений мореплавателей, умиравших на его палубе, – за него и деньги выплачивали многими поколениями. Ибо только торговые семьи из Чащоб знали источник диводрева, из которого делали корпуса живых кораблей и их носовые фигуры. Только такой корабль мог без вреда для себя подниматься по Дождевой реке, давая возможность владельцам покупать непростые тамошние товары. Эти товары потом перепродавались с выгодой прямо-таки невероятной, вот почему, зная это, ради живых кораблей семейства готовы были прозакладывать самую свою будущность. – «Звонкое золото или живая жизнь – долг платежом красен», – вполголоса процитировал Грэйг. Если ко времени очередной выплаты Вестриты не соберут достаточно денег, их партнеры из Чащоб будут вправе забрать у них неженатого сына. Или незамужнюю дочь.

Альтия медленно кивнула. Как странно... Условия договора были ей известны с тех самых пор, как она превратилась из девочки в девушку, но некоторым образом она никогда не применяла их к себе лично. Ее отец всегда был удачливым и умелым купцом; при нем в доме всегда водилось достаточно денег, чтобы долги выплачивались как-то сами собой, без больших затруднений. Но вот теперь всем хозяйством, и в том числе живым кораблем, заправлял Кайл, ее зять. И кто мог сказать, как-то пойдут у него дела?.. Альтия знала только, что мужек сестры ее весьма недолюбливал. А в последний раз, когда им довелось сойтись в пределах одной комнаты – да-да, во время той последней громкой и окончательной ссоры, – он заявил ей, что-де ее долг состоит в замужестве, причем по возможности выгодном – таком, чтобы она перестала быть для семьи обузой.

И теперь Альтия гадала: а может, Кайл намекал тогда как раз на то, о чем сейчас сказал Грэйг? Хотел, чтобы она добровольно пошла замуж в Чащобы и тем помогла семье скостить ошутимую часть долга?..

«Честь семьи – превыше всего!» – внушали ей с малолетства. Торговец из Удачного всегда выплачивал долги и держал данное слово. А еще, когда извне грозила опасность, старинные семьи откладывали взаимные распри и смыкали ряды, чтобы выстоять. Таковы были понятия чести и родственных уз, связывавшие представителей всех семейств, поселившихся когда-то за Дождевой рекой. И хотя между городом Удачным и Чащобами лежали расстояние и немалые годы, те и другие торговые семьи по-прежнему считали себя родственниками. Давным-давно заключенные сделки исполнялись и поныне, к семейным обязательствам отношение было святое...

И удивительно ли, что, коли зашла о том речь, Альтия ощутила внутри себя холодок непреклонной решимости. Если по возвращении домой она обнаружит, что Кайл пустил семейные дела на дно, ее первейшей обязанностью будет предложить в уплату себя. Детородная способность была сокровищем, которого жаждали и в котором нуждались богатейшие семьи торговцев из Чащоб. Что ж, она отправится в Чащобы, возьмет там себе мужа и родит ему детей. Она сделает это во исполнение слова, данного когда-то ее праотцами. Отказаться?.. Немыслимый грех. Но вот если она будет вынуждена так поступить из-за Кайла, из-за его прямого умысла или неспособности управиться с делами... С такой мыслью поистине трудно было смириться!

– Альтия... Так у тебя точно все в порядке?

Голос Грэйга прервал ее тягостные размышления, и Альтия, точно очнувшись, обнаружила, что свирепо смотрит на переборку. Она досадливо мотнула головой и повернулась к собеседнику.

– На самом-то деле, – сказала она, – я шла совета у тебя попросить. У меня, понимаешь ли, затруднения с одним из матросов, и я не знаю, как мне с ним поступать.

Грэйг, и без того обеспокоенный, совсем помрачнел:

– С которым?

– Это Фефф. – И Альтия возвела глаза к небесам. – Представляешь, то он меня слушается с полуслова и опрометью кидается исполнять любую команду. А в следующий момент смотрит мне прямо в лицо и с места не двигается, только улыбается по-дурацки. Никак в толк не возьму, дразнит он меня или...

– Фефф. – Грэйг с облегчением заулыбался. – Да он просто глухой. На левое ухо. Хотя сам это изо всех сил отрицает... Это с ним с тех пор, как он с мачты свалился два года тому назад. Здорово расшибся, бедняга, пару дней, помнится, мы вообще сомневались, будет ли жить. А он – ничего, выкарабкался. Только стал менее проворным, чем раньше, ну и наверх я его без крайней необходимости стараюсь не посылать. Чувство равновесия у него сделалось не то, что было когда-то. И слышит далеко не все, что ему говорят, особенно если ты со стороны больного уха стоишь. А когда сильный ветер дует, Фефф, кажется, вообще начисто глохнет. Так что никаким неподчинением тут даже близко не пахнет... это что касается глупой улыбочки, и вообще. Он, я тебе скажу, если не считать глухоты, – славный малый и добрый матрос. Он давно плавает на корабле. Ты уж на него не сердись, хорошо?

– Ага. – Альтия кивнула, словно беря на заметку. И сердито добавила: – Могли бы и раньше предупредить...

– Да понимаешь, мы-то с отцом уже настолько привыкли, что даже как-то не думаем... Просто есть такое дело на корабле, и все. Не то чтобы тебе кто-то палки в колеса совал...

– Да я совсем так и не думаю, – поспешно заверила его Альтия. – Наоборот, все только тем и заняты, что мне жизнь облегчают. Я же вижу... Знаешь, это такое счастье – снова оказаться на живом корабле! И еще большее счастье – понять, что я не просто на этой должности состою, а в самом деле справляюсь! А то сперва папино завещание, потом эта стычка с Кайлом, когда он сказал, что я не моряк, а дурочка избалованная... и Брэшен всякого разного наговорил... я уж вправду усомнилась, может, думаю, я действительно ноль без палочки...

– И Брэшен всякого разного наговорил? – негромко подсказал Грэйг.

«Ну вот. Ляпнула. Каким местом, спрашивается, я думаю?»

– Брэшен Трелл, – сказала она вслух, – был при моем отце первым помощником на «Проказнице». Когда я записалась на «Жнец», я скоро обнаружила, что туда же нанялся и Брэшен. И вот когда он выяснил, что я на борту в должности юнги, закосив под мальчишку... Ох! Он ведь еще в Удачном успел мне наговорить всякого разного, убеждая, что своим горбом я ни за что не пробьюсь...

Молчание затягивалось, и Грэйг сдержанно поинтересовался:

– Так что он все-таки сделал? Выдал тебя капитану?

– Нет, что ты. Ни в коем случае! Он просто стал... присматривать за мной. Да, так, наверное, следует выразиться... А мне и так нелегко приходилось на том корабле. Я крутилась как белка в колесе, просто чтобы выжить... Так вот еще при этом чувствовать на себе его недреманное око... Это было так унижительно...

– Он не имел никакого права так с тобой поступать, – заметил Грэйг вполголоса, и глухо на дне зрачков разгорелись искорки гнева. – Твой отец взял его к себе, когда его все другие пинками гоняли. На нем должок перед вашей семьей. Да он в лепешку должен был расшибиться, всячески поддерживая тебя, а не смеяться над твоими усилиями!

– Да нет же, нет, все было не так! – Альтия с изумлением поймала себя на том, что защищает Брэшена. – И совсем даже он надо мной не смеялся! Он вообще большей частью поверх моей головы смотрел... – Выражение лица Грэйга стало совсем уж негодующим, и она торопливо пояснила: – ...Потому что я сама того пожелала. Я совсем не хотела, чтобы меня как-либо выделяли! Я хотела проложить себе дорогу САМА... И на самом деле мне это удалось... Меня больше раздражало, что он видит, как я корячусь... Слушай, а какого шута мы вообще об этом заговорили?

Грэйг пожал плечами:

– Ты сама стала рассказывать, я тебя за язык не тянул... Между прочим, все до некоторой степени терялись в догадках, с какой стати твоему папе понадобилось брать к себе Брэшена Трелла, после того как от него отреклась собственная семья. За несколько лет перед этим он успел наворотить дел, так что, когда Трелл-старший в конце концов вышвырнул его за дверь, никто особо не удивился...

– Наворотить дел... это как? – спросила Альтия. Расслышала в собственном голосе жадный, болезненный интерес и тут же постаралась замаскировать его: – Когда все это происходило, я была еще маленькой девочкой и городскими сплетнями не интересовалась... А потом, годы спустя, когда он пришел к нам на «Проказницу», папа никогда не упоминал о его прошлом... Он говорил: человека следует судить по тому, кто он есть, а не по тому, кем он был когда-то.

– Да шумного скандала, в общем, как бы и не было, – стал рассказывать Грэйг. – Я узнал о случившемся, потому что мы с ним вместе учились. Началось, как водится, с малого. С дурацких мальчишеских выходок... Он всегда был любителем улизнуть, пока учитель в другую сторону смотрит. Сначала просто сбегал с уроков. На базар, там, сладостей прикупить... А потом он первым среди нас, мальчишек, стал со знанием дела рассуждать о девочках, циндине и игре в кости. Папа мой, правда, до сих пор говорит: старый Трелл, мол, сам виноват, что сынок свернул на кривую дорожку. У Брэшена всегда было вдосталь карманных денег и полным-полно времени для развлечений. И никто всерьез не пытался осадить его. Бывало, он проиграется, наделает долгов или напьется до чертиков где-нибудь в людном месте... И что? Является его папаша, тащит сынка домой и грозит ему пальчиком... – Грэйг покачал головой. – А что толку грозить, если все равно не наказываешь? Помнится, проходит денек-другой – и Брэшен снова на воле и опять всю безобразничает. Старый Трелл все обещал, что вот уж лишит его доступа к семейному кошельку, или палкой отлупит, или заставит самолично свои долги отрабатывать... Но в итоге ему все сходило с рук, пока в один прекрасный день Брэшен не явился домой и не натолкнулся на закрытую дверь. Вот и все... Поначалу мы все, и сам Брэшен в том числе, были уверены, что это всего лишь очередной блеф. Думали, на завтра же гроза отгремит и все станет как прежде. Но нет... Через несколько дней Трелл-старший объявил, что передает все права наследования своему младшему сыну, а от Брэшена окончательно и полностью отрекается. Вот так-то... А если чему и следовало удивляться, так это тому, что старик все-таки принял решение и встал насмерть... Некоторое время Брэшен еще болтался в городе, ночуя то у одного приятеля, то у другого, но довольно скоро его перестали где-либо принимать, да и денежки кончились. За ним, знаешь ли, потянулась слава, что он не только сам законченный вертопрах, но еще и мальчишек помладше с пути истинного сбивает. – Грэйг усмехнулся. – И мне, и моему меньшому братишке было настрого запрещено с ним встречаться. Никто не хотел иметь с ним ничего общего... А потом он просто исчез. И очень долго никто не знал, что с ним случилось... – Грэйг скривился. – Правду сказать, никого его судьба особенно и не волновала. Брэшен оставил после себя уйму долгов, и люди успели понять, что расплачиваться он не намерен. Так что, когда он подевался неизвестно куда, многим показалось, что в Удачном воздух стал чище. – Тут Грэйг отвел глаза. – А еще, когда он уехал, прошел слух, будто одна девушка из числа поселенцев с Трех Кораблей от него беременна... Ребенок, правда, родился мертвым. Хотя в этом девушке повезло, но репутация ее была подорвана безвозвратно...

Альтия ощутила отдаленный позыв дурноты. Ей тяжело было слушать весьма нелестный рассказ Грэйга о Брэшене. Ей хотелось кричать «нет!» и опровергать все услышанное от него... беда только, Грэйг говорил как очевидец событий, знающий правду не понаслышке. А это значило, что Брэшен оказывался отнюдь не безвинно оклеветанной жертвой. Он был избалованным старшим сыном, наследником богатой семьи, не обремененным нравственными устоями, привыкшим жить без руля и без ветрил... Прошли годы, и ее отец взял его под свое крыло, и тогда-то, под присмотром капитана Вестрита, он превратился в порядочного человека. А потом

отца не стало... и Брэшен Трелл очень быстро вернулся к прежним повадкам. Альтия была вынуждена признать, что так оно и случилось в действительности. Пьянство... циндин... «И распутство!» – беспощадно добавила она про себя.

Вот так однажды и слетают яркие обертки, оставляя неприглядную правду... Она-то навоображала себе, будто ах как вскружила ему голову, когда они оказались в постели. Тогда как истина состояла в том, что она вела себя как последняя потаскуха... ну и получила партнера по постельным делам, какого заслуживала. Доказательства? Достаточно вспомнить, как они с ним в итоге расстались. Стоило ему уразуметь, что она вернулась к здравому смыслу и более не намерена допускать его до своего тела, – и тут-то он показал свое истинное отношение к ней... Альтию обожгло запоздалым стыдом. Простительно быть душой, но не до такой же степени! Да если он когда-нибудь придет в Удачный... и примется болтать о том, что между ними случилось... ее доброе имя вылетит в трубу – как у той девушки с Трех Кораблей, чью судьбу этот человек уже успел втоптать в грязь!

Грэйг, по счастью, не заметил ее состояния. Приподнявшись, он склонился над сундучком в изножье своей койки и что-то искал там.

– Есть хочется. Зверски, – сказал он Альтии. – С тех пор как у меня якобы заболел зуб, кок мне таскает только жидкий суп да хлеб, чтобы в нем размачивать... Хочешь сушеных фруктов? У меня тут финики и джамелийские абрикосы...

– Спасибо, – отозвалась Альтия. – Что-то не хочется.

Грэйг оставил сундук и повернулся к ней, ухмыляясь.

– Ага! – сказал он. – В первый раз за все плавание ты начала выражаться, как подобает приличной девице из старинной семьи. Аж прямо не знаю, обрадоваться или разочароваться?

Альтия, со своей стороны, не могла понять, расценивать эти слова как лесть или как обиду. Она спросила напрямик:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... В общем... – Он наконец выудил кулечек с сушеными фруктами и уселся, положив его себе на колени. Похлопал по койке рядом с собой, приглашая Альтию сесть, и она приняла приглашение. – Вот видишь! Я именно про то и толкую, – пояснил Грэйг с торжеством. – Мало того что мы с тобой тут одни, за закрытой дверью и без всякого присмотра, так ты еще и без всякого страха садишься рядом со мной на постель. А когда я рассказывал, как Брэшен заделал девушке ребенка и смылся, ты не стала бледнеть, ахать и ужасаться, как это я в открытую говорю о подобных вещах. Ты просто задумалась... – И он сам в задумчивости покачал головой. – Когда ты на палубе, ты завязываешь волосы, чтобы не мешали работать. Я видел, как ты вытирала руки о рубашку... Ты бегала в мужских штанах и босиком, пока изображала из себя мальчика-юнга. И тем не менее я отлично помню, как в моих объятиях когда-то была очень женственная девушка, благоухавшая фиалками и танцевавшая грациозно, как... ну... в общем, примерно с той же грацией, с какой ты носишься по снастям. И как это у тебя получается, Альтия? – Грэйг откинулся к переборке, но его взгляд не отпускал ее. – Как ты умудряешься так замечательно управляться в обоих мирах? И которому из них ты на самом деле принадлежишь?..

– А с чего это я должна непременно выбирать либо один, либо другой? – возразила она. – Вот ты, например, отменный мореплаватель и в то же время наследник старой торговой семьи. Так почему у меня не может быть обоих умений?

Грэйг откинул голову и рассмеялся:

– Кто бы мог ожидать подобного ответа от девушки из торговой фамилии! Уж всяко не от кого-то из нашего поколения... Правильная сегодняшняя девушка вся разомлела бы от моего комплимента по поводу ее умения танцевать, а подтверждения ее моряцких достоинств ей бы вовсе не понадобилось... ввиду отсутствия таковых. Знаешь, глядя на тебя, я поневоле вспо-

минаю рассказы нашей Офелии. Послушать ее – были же времена, когда женщины занимались всяким ремеслом наравне с мужчинами, порою даже превосходя их!

Альтия ответила:

– Всякий, кто мало-мальски знаком с историей Удачного, знает: когда наши предки высадились на Проклятых берегах, от каждого, будь то мужчина или женщина, требовались все силы и способности, просто чтобы выжить... И ты не хуже меня знаешь об этом!

Она чувствовала легкое раздражение: он что, решил, будто у нее память отшибло?

– Знаю, конечно, – согласился он негромко. – Просто нынче в Удачном полным-полно женщин, которые нипочем не хотят в это верить.

– В основном потому, что это более не в моде. Потому, что их отцам и братьям не очень понравится, если они будут на этом настаивать.

– Совершенно верно. Наблюдая за тобой, я убедился, что эти женщины... как бы сказать... предают не только нашу историю, но и саму жизнь. Альтия... ты знаешь... последнее время мои родители совсем прохожу мне не дают, говорят – мне надо жениться. Видишь ли, я у них поздний ребенок... И они хотели бы успеть понянчиться с внуками, порадоваться им, прежде чем старость окончательно их одолеет.

Альтия выслушала его в некотором ошеломлении. Последние слова Грэйга ее попросту ошарашили. Куда это он поворачивал разговор, интересно бы знать?..

А он продолжал:

– Когда я приезжаю в Удачный, моя мама приглашает в гости мамаш со взрослыми дочками из других старых семей, и они просиживают у нас за чаем все вечера. Я, как послушный сын, таскаюсь по балам и собраниям... Даже танцевал с некоторыми девицами. – И Грэйг тепло улыбнулся ей. – Кое-кто из них ажно проявлял ко мне интерес... Я начинал было помаленьку ухаживать, но все неизменно кончалось большим разочарованием. Каждый раз одна и та же история. Мой папа смотрел на девушку, с которой я вроде бы встречался, и задавал один-единственный вопрос: «Ну что, сынок, – говорил он, – сумеет она как следует позаботиться о себе, о хозяйстве и о ваших детях, пока ты плаваешь по далеким морям?» Тут я начинал присматриваться к своей подружке, имея это в виду... И приходил к выводу, что какой бы хорошенькой, остроумной и со всех сторон очаровательной она ни была, а все же чего-то недоставало. Силы, как я понимаю. Надежности...

Альтия решила предположить:

– Может, ты им просто возможности не давал себя как следует проявить?

Грэйг с сожалением покачал головой:

– Нет... Двух я просто в лоб об этом спросил. Напомнил, что настанет день, когда я сделаюсь капитаном «Офелии». «Так вот, – говорил я девушке, – подумай, каково будет тебе делить меня с кораблем? Причем с кораблем требовательным и порой достаточно властным... – добавлял я ради правды. – Учти, я буду ходить в море на долгие месяцы. Меня, может, и дома не будет, когда тебе придет время рожать, а крыша в доме как раз протечет, да еще и сезон уборки начнется...» – Грэйг вздохнул и весьма красноречиво пожал плечами. – Увы, все девицы в один голос заявляли, что я должен уж как-нибудь исхитриться и подольше бывать дома после того, как мы поженимся. Я говорил, что это невозможно, и очень скоро мне отказывали от дома. Только одна, Джинвер, соизволила нанести визит кораблю и даже заявила, что после свадьбы могла бы плавать со мной... если я этак втрое расширю капитанскую каюту. Но и то – сугубо пока мы не обзаведемся детьми. А когда пойдут дети, я обязательно должен буду находиться по большей части дома, а в море ходить – от случая к случаю...

– А ты не пробовал ухаживать за кем-нибудь из такой семьи, где есть свой живой корабль? За девушкой, которая была бы способна понять, что значит для тебя твое судно?

– Я, – сказал Грэйг, – как-то раз с одной такой танцевал.

Наступило молчание... Вероятно, следовало отвечать, но Альтия никак не могла придумать, что сказать. Грэйг же шевельнулся – очень медленно и осторожно, так, словно боялся, что она испугается и упорхнет. Он коснулся ее руки, опиравшейся на край койки... бережно, всего одним пальцем. Но от этого прикосновения вся рука Альтии до плеча покрылась мурашками, а в сердце вселилось величайшее смущение. Грэйг нравился ей. Она находила его вполне привлекательным. Но... с какой стати подобное? Она что, сделала или сказала что-то такое, что было понято как приглашение?.. И как ей теперь поступать? Может, сейчас он попытается поцеловать ее? И если да, то позволит ли она?..

Ох, она крепко подозревала, что – да...

Но Грэйг не придвинулся ближе, только голос стал еще тише, а синие глаза смотрели с бесхитростной нежностью.

– Вот ты... в тебе я вижу очень сильную женщину. Такую, которая смогла бы плавать со мной. Или твердой рукой вести дом и хозяйство, пока я в море. И ты не станешь ревновать меня к Офелии... – Он призадумался и улыбнулся с веселым отчаянием. – Если уж на то пошло, это я начал слегка ревновать, видя, как мгновенно она тебя полюбила. Честно, Альтия... О лучшей супруге, чем ты, я не смею даже мечтать.

Она, в общем, уже предвидела эти слова. И все же они ошеломили ее.

– Но... – начала было она.

Грэйг поднял палец, призывая ее к молчанию:

– Сперва выслушай меня до конца... Я очень много думал об этом, и мне кажется, что не я один был бы заинтересован в подобном союзе. То, что у Вестритов последнее время туговато с деньгами, – секрет небольшой... За «Проказницу» еще не выплачен долг, и это превращает тебя в заложницу семейной платежеспособности. Известно, однако, и то, что жители Чащоб никогда не потребуют к себе женщину, уже состоящую в замужестве либо просватанную. Так что стоит тебе просто принять мое предложение, и ты окажешься вне их досягаемости. – Он внимательно следил за выражением ее лица. – Мы, Тенира, семья достаточно состоятельная... Я мог бы поднести твоей матери неплохой подарок в честь нашей свадьбы, такой, чтобы она до конца своих дней ни в чем не нуждалась. Тем более что ты сама говоришь – навряд ли придется ждать, чтобы Кайл как следует о ней позаботился...

Альтии понадобилось некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

– Не знаю даже, что и ответить, – сказала она наконец. – Мы с тобой успели здорово подружиться... ну, может, чуточку флиртовали... Но я никакого понятия не имела, что ты питаешь сколько-нибудь серьезное чувство... А ты взял да и о свадьбе заговорил!

Грэйг слегка пожал плечами:

– Просто я человек осмотрительный... Да, есть люди, у кого чувства на неделю вперед головы, но я не такой. И отношения у нас с тобой покамест такого рода, что начинать нам, как мне кажется, надо не со страстных объятий, а с разумного рассуждения, что и как у нас может получиться. Надо честно все обсудить и разобраться, насколько совпадают наши жизненные устремления. – Он не отрывал глаз от ее лица и, как бы подтверждая сказанное, снова коснулся пальцем ее руки. – Только не думай, пожалуйста, будто я сижу тут и рассуждаю этак холодно и по-деловому, а в сердечном смысле меня к тебе совсем и не тянет! Очень даже тянет, и я хочу, чтобы ты это знала... Просто я не из тех, у кого «ах!» – и все решено, а думать начинают потом...

Он был так ужасно серьезен. Альтия попробовала выдавить улыбку:

– А я-то боялась, кабы ты не попытался меня поцеловать...

Грэйг ответил на улыбку, но покачал головой:

– Я не взбалмошный мальчишка, которому только бы целоваться, и не грубый матрос, у которого где глаза, там сразу и руки. Я не стану целовать женщину, которая еще не дала мне на это позволения. А кроме того, зачем дразнить себя тем, на что у меня пока еще нет никаких

прав! – Видимо, на лице Альтии отразилось изрядное изумление, и он отвел взгляд. – Я, – сказал он, – наверное, очень неуклюже выразился... Просто, хотя ты и живешь на корабле, среди заскоружлых мужиков, ты по-прежнему порядочная женщина из уважаемой торговой семьи. И относиться к тебе надо соответственно...

Выслушивая эту речь, Альтия испытала очень сложные чувства. Причем такие, поделиться которыми с Грэйгом ну никакой возможности не просматривалось. И самым первейшим и важным ощущением было отсутствие какого бы то ни было желания целоваться с человеком, которому для этого сперва требовалось разрешение. «Разрешите подняться на борт?» – неслышно хихикала какая-то насмешливая часть ее существа, и Альтии потребовалось усилие, чтобы не расплыться в улыбке. «А может, – подумала она вдруг, – дело в том, что Брэшен *уже испортил* меня? Хотя и не в общепринятом смысле?..» В самом деле – после того как она столкнулась с открытым и откровенным проявлением страсти, сдержанное и вежливое ухаживание Грэйга выглядело в ее глазах... попросту глупо. Она не солгала ему: он ей нравился. Но... одна беда: его осторожное и сугубо разумное раскладывание взаимных выгод по полочкам оставило ее глубоко равнодушной.

В общем, еще через мгновение ситуация стала казаться нелепой и невозможной. И Са, Великая Мать Сущего, словно бы поняла, что деваться Альтии некуда: как водится в таких случаях, в дело самолично вмешалась судьба.

– Все наверх!!! – повелительно взревел наверху чей-то голос, в котором смешались негодование и испуг.

Не медля ни мгновения, Альтия ринулась в дверь, и за нею Грэйг, даже не потрудившийся накинуть снятую ранее повязку от зубной боли. Все наверх – значит воистину ВСЕ!!!

Изрядная часть команды «Офелии» уже стояла на баке у поручней, глядя вниз. Присоединившись к матросам, Альтия сперва отказалась верить собственным глазам. Ибо «Офелии» загораживала проход калсидийская боевая галера под флагом государя-сатрапа!

Сравнительные размеры двух кораблей делали бы противостояние смехотворным, если бы палуба галеры не щетинилась оружием выстроенных там солдат. К тому же если галера была меньше и легче, значит она оказывалась и маневренней пузатого кога. И если принять в расчет все ее весла, скорее всего, превосходила парусник в скорости. По крайней мере, легкий вечерний бриз не давал «Офелии» никаких шансов уйти. Галера вдобавок подходила с наветренного борта, всюю используя ветерок, стремившийся навалить корабли один на другой. В общем, по всему получалось, что выбора нет: хочешь не хочешь, а придется вступать в переговоры.

Сама Офелия, носовое изваяние, в немом ошеломлении смотрела на лошадиную голову, венчавшую форштевень галеры. Тем не менее руки Офелии были упрямо скрещены на груди.

Альтия торопливо вскинула глаза, оглядывая горизонт... Похоже, калсидийский капитан действовал в одиночку.

– По какому праву вы нам не даете пройти? – крикнул капитан Тенира.

– Кидайте легкость!¹³ Мы взойдем к вам на борт для досмотра! – властно приказал бородатый воитель, стоявший на баке галеры. Его светлые волосы были увязаны в хвост, разметавшийся пониже лопаток, а грудь кожаного жилета украшали боевые трофеи – косточки человеческих пальцев с пучками волос. Во рту недоставало многих зубов, что делало оскал еще более зловещим.

– На каком основании? – поинтересовалась Альтия вполголоса. Обращалась она в основном к тем, кто стоял с ней рядом. Капитан Тенира, однако, в вопросы морского права вдаваться не стал.

¹³ *Легкость* – оплетенный грузик на тонком конце, служащий для перекидывания между двумя судами или между судном и берегом. С помощью тонкого тросика в дальнейшем протягивается тяжелый прочный канат, например, для швартовки.

– Нет! – прокричал он. – Никакой высадки я не потерплю! У вас нет права приказывать мне, а посему – прочь с дороги!

Торговец из города Удачный намерен был стоять на своем до конца, и его голос был ровен и тверд.

– Именем сатрапа – живо кидайте легкость и готовьтесь к досмотру! – хищно улыбнулся калсидиец, показывая все остатки зубов. – Не вынуждайте нас брать вас на абордаж!

– А ты попробуй, – с мрачной решимостью предложил капитан Тенира.

Капитан галеры протянул руку, и его старпом тотчас вложил в нее пачку каких-то бумаг. Калсидиец потряс свитками в воздухе, предъявляя Тенире. Их связывала красная ленточка, отягощенная порядочной блямбой – печатью, выдавленной на металле.

– Вот наше право! Вот оно! Мы взойдем к вам на борт и покажем бумаги, чтобы вы могли их прочесть. Если вы честные купцы, то бояться вам нечего. Государь-сатрап заключил союз с Калсидой, дабы искоренить из Внутреннего прохода пиратов. А потому нам дадено право останавливать всякое подозрительное судно и проверять, не везет ли оно краденые товары или еще что, имеющее отношение к пиратскому промыслу!

Пока он говорил, несколько вооруженных людей выступили вперед с мотками веревки и абордажными крючьями наготове.

– Я – добропорядочный торговец из Удачного, – прозвучал голос Тениры. – У вас нет повода меня останавливать, и я не потерплю обыска. С дороги!

Абордажные крючья уже вращались, готовясь к полету, и, как только Тенира сказал свое слово, три из них просвистели в воздухе, целясь «Офелии» в борт. Один не долетел, ибо живой корабль умудрился отпрянуть. Второй полновесно гроыхнул о палубу, но вцепиться не успел: команда корабля тотчас подхватила его и вышвырнула вон.

А третий крюк поймала сама Офелия. Быстрым и точным движением сцапала его прямо в полете и, с возмущенным криком схватив тянувшуюся за ним веревку, рванула ее на себя. Калсидиец, метнувший крюк, взлетел в воздух, вопя и испуганно матерясь. Офелия презрительно отшвырнула крюк, веревку и моряка подальше в воду и подбоченилась, уперев кулаки туда, где у настоящей женщины могли быть бедра.

– Вот только еще раз попробуйте! – грозно предупредила она калсидийцев. – А ну прочь, пока я вас не утопила!

С галеры раздались беспорядочные крики изумления и суеверного ужаса. Хотя, вне всякого сомнения, о живых кораблях Удачного слышали очень многие, мало кто из моряков Калсиды видал «живьем» хотя бы один. А уж разгневанным – и подавно! Живые корабли редко посещали калсидийские гавани. Их обычные торговые пути пролегали много южнее...

С галеры бросили спасательный конец моряку, барахтавшемуся в воде.

– Офелия, не вмешивайся! – во весь голос прокричал капитан Тенира.

А калсидийский капитан, придя в ярость, потребовал приготовить к бою метательные горшки с огнем.

Офелия пропустила мимо ушей приказ своего капитана. Услышав упоминание об огненных горшках, она сперва ахнула, а потом, увидев дымящиеся глиняные сосуды со смолой, завизжала от ярости. Она понимала: раз уж они появились по первому слову и уже разогретыми – значит их собирались применить с самого начала!

– Во имя Са!.. Нет!.. – закричала Альтия, видя, что горшки вот-вот будут пущены в ход. В них уже совали наконечники стрел со свисающими фитильками; перед тем как спускать тетивы, эти фитильки подожгут и дадут время смоле разгореться как следует. Стрелы полетят, унося с собой каждая по горшочку, и, когда они будут ударяться о корпус «Офелии», горшки разобьются и липкий горючий состав вспыхнет жарко и страшно. От каких-то из них «Офелия» увернется, но не от всех, а огонь – одно из немногих бедствий, которых по-настоящему боится

живой корабль. При этом Альтия страшилась не за палубу или снасти, а за саму Офелию. Она знала: единственный живой корабль, который по-настоящему умер, сгинул в огне...

«Офелия» была когом, судном, сугубо предназначенным для перевозки товаров, а не для каких-либо боевых действий. Ей ведь не приходилось опасаться даже пиратского нападения. Пираты, люди весьма практичные, редко беспокоили живые корабли. Им было отлично известно: живой корабль, если захочет, всегда уйдет от обычного. Альтия весьма сомневалась, что «Офелии» когда-либо раньше загораживали дорогу, тем более угрожали высадкой и досмотром! У нее на борту не было никакого боевого оружия, да и команда не имела ни малейшего опыта по части отражения нападений...

Капитан Тенира тотчас начал выкрикивать команды, долженствовавшие увести «Офелию» в сторону, матросы со всех ног ринулись исполнять...

– Ничего не получится, – вполголоса заметила Альтия Грэйгу, по-прежнему державшемуся с нею рядом. – Они нас подожгут...

– Принести масло из трюма! Мы и сами метательные горшки можем устроить! – распорядился Грэйг гневно.

– И приготовить воду – пожар тушить! – приказала Альтия. – И еще, Грэйг! Пусть Офелии дадут что угодно – запасной рей¹⁴ или хоть весло, чтобы ей было чем от них отбиваться! – И закричала: – Смотри! Она не намерена отступить!..

Офелия, на палубах которой происходила лихорадочная суэта, снова принялась действовать самостоятельно. Все усилия штурвального пропали впустую – нос корабля покатился не прочь от калсидийской галеры, а прямехонько на нее. Она протянула вперед обе руки... и, как раз когда смоляные горшочки были уже подожжены, а луки натянуты, тут-то Офелия принялась колошматить по галере, точно взбеленившаяся школьница.

– Ах вы, свинтусы калсидийские! – вот самое пристойное, что она выкрикивала при этом. – Вы что это себе вообразили? Останавливать нас вздумали в наших же водах? Я вам покажу, шлюхины вы дети! Вы и есть пираты самые настоящие! Ах вы, работоторговцы вонючие, паразиты бесстыжие...

Одна из ее размашистых оплеух попала точно в цель: огромная ладонь, сработанная из твердого диводрева, угодила по деревянной конской голове на носу галеры. Пальцы Офелии тотчас сомкнулись, и она навалилась на врага всем своим весом – движение, резко накренившее оба корабля разом. И тут и там закричали сбитые с ног матросы, но галера была меньше и оттого пострадала сильнее. Так же внезапно, как схватила, Офелия выпустила ее – и галера буквально встала на дыбы, точно детская лошадка-качалка, запрокинутая слишком смелым наездником. Понятное дело, все натянутые тетивы были спущены во время переполоха, пылающие горшки полетели какой куда. Один разлетелся и жадно вспыхнул на палубе самой же галеры. Еще два пересекли палубу «Офелии» и шлепнулись в воду, чтобы загаснуть в жирных облаках дыма и пара...

Но последний все-таки ударил живой корабль в правую скулу¹⁵. Мгновенным движением Офелия прихлопнула обожженное место... Отдернула руку – и прилипшая смола тотчас же вновь запылала. Офелия завизжала опять – ее пальцы охватил огонь.

– Сбивай огонь!!! – закричала Альтия что было мочи, между тем как моряки уже всюю поливали водой борт. Но Офелия вряд ли даже слышала девушку. Вновь, игнорируя действие собственного руля, она навалилась на вражескую галеру и горящими руками ухватила ее за бока! Встряхнула ее, точно наскучившую игрушку, а потом презрительно отшвырнула прочь! При этом большая часть горючей смолы осталась на обшивке галеры. Выпустив ее, Офелия

¹⁴ Рей – на парусном судне горизонтальная поперечина на мачте, служащая для крепления и натяжения парусов.

¹⁵ Скула – место перехода от днища к борту корабля. Обычно имеют в виду соответствующее место в носовой части судна, возле форштевня.

стиснула руки одну в другой. Яростно оскалила зубы и как можно плотней сжала огромные кулаки, удушая огонь, посмевавший ее обжечь. А потом – ни дать ни взять оскорбленная дама, стремительно удаляющаяся, подхватив юбки, из комнаты, – Офелия внезапно подчинилась требованию парусов и руля, и полоса воды между нею и калсидийской галерой стала быстро расти. Офелия лишь волосами тряхнула, проходя мимо...

Калсидийцам же было отнюдь не до преследования. От их корабля валил густой черный дым, на палубе ревел огонь и слышались вопли вояк, которым особо некуда было деться с горящего корабля. У кого-то там еще хватало духу и сил выкрикивать вслед «Офелии» проклятия и угрозы, но ветер и треск огня заглушали все голоса.

«Офелия» шла прочь прежним курсом...

Глава 6

Сатрап Касго

Мне скучно. У меня болит голова. Отвлеки меня от боли! Развлеки меня!

Серилла даже не отложила пера, которым писала.

– Государь-сатрап, это не входит в мои обязанности, – заметила она негромко. – Ты вызвал меня сюда, чтобы посоветоваться, что делать с Удачным. – И она указала на стол, заваленный свитками и раскрытыми книгами. – И, как видишь, именно этим я и собиралась заняться.

– Могу ли я обращать какое следует внимание на твои советы, когда у меня голова от боли раскалывается? И глаза не смотрят...

Серилла неохотно отложила страницу, которую просматривала. И обернулась к молодому человеку, распростертому лицом вниз на мягком диване. Его было почти не видеть за ворохом шелковых подушек. Серилла с трудом удержалась от раздраженного ответа.

– А я, – сказала она, – не могу обещать, что тебя так уж развлечет мой совет. Впрочем, если ты сядешь к столу рядом со мной, я с удовольствием введу тебя во все тонкости тяжбы, затеянной торговцами Удачного.

Сатрап застонал:

– Серилла, ты усугубляешь мою головную боль... Да еще и получаешь от этого удовольствие. Я вижу, в тебе нет ни капли сочувствия. Поди прочь и пришли сюда Вери... Или эту новую Подругу, приехавшую с острова Клячи... Как бишь ее звали? Имя такое... вроде как название пряности напоминало... мак, не мак... а-а. Мег! Да, пришли сюда Мег!

– Слушаю и радостно повинуюсь, государь-сатрап.

Серилла отпихнула бумаги и собралась подняться из-за стола. Она была оскорблена и даже не пыталась этого скрыть.

Юноша перекатился в подушках и протянул бледную руку:

– Нет! Я передумал. Я знаю, я должен выслушать твое премудрое мнение об Удачном. Ибо все мои советники говорят, что положение дел грозит немалой бедой. Но... как я могу размышлять, если боль сводит меня с ума? Ну пожалуйста, помассируй мне голову, Серилла. Хоть немножко...

Она выбралась из-за стола, сделав еще одно усилие, и ее лицо приняло выражение безмятежной приятности. «Дело торговцев Удачного должно быть разрешено», – напомнила она себе. Решение, кстати, могло оказаться таким, что и она сама не осталась бы внакладе.

– Государь Касго, я отнюдь не намеревалась тебе досаждать... Если у тебя болит голова, я сейчас изгоню боль массажем... А потом мы поговорим об Удачном. Как ты совершенно верно заметил, положение дел угрожающее. И если желаешь знать мое мнение, нынешней позиции сатрапу не удержать.

Серилла пересекла комнату, стащила на пол груды подушек и устроилась на них возле дивана. Касго тотчас подполз ближе и уложил голову ей на колени. Закрыв глаза и потерев щекой о ее бедро. Ну ни дать ни взять ягненок при мамке – тычется носом в поисках молока... Серилла только стиснула зубы.

– Не иначе это проклятие... – застонал Касго. – Эти бесконечные головные боли... ослабление желудка... скопление газов... Какая-нибудь ведьма напустила на меня порчу... Что еще может быть причиной подобных страданий?

И одна его ладонь оказалась у женщины на бедре.

Она между тем коснулась пальцами основания его черепа и стала осторожно разминать все места, где чувствовала напряжение. Похоже, он и в самом деле ощущал боль. Некоторую.

– Немного свежего воздуха пошло бы тебе на пользу, мой государь. Да и для слабого желудка нет ничего лучше физических упражнений. В садах с южной стороны храма сейчас чудо как хорошо... Если бы мы подошли к зарослям тимьяна, его аромат мигом унес бы всю твою боль...

– Гораздо проще послать слугу, чтобы он срезал ветки и принес прямо сюда. Не люблю солнечных дней вроде сегодняшнего! Яркое солнце так болезненно режет глаза... Да и как ты можешь говорить о прогулке, когда я так измучен? – Его пальцы как бы случайно приподняли краешек ее юбки. Стали изучать гладкую кожу... – И потом, – продолжал он, – когда последний раз я посещал храмовые сады, дорожка оказалась неровно вымощена и я споткнулся! Я упал! Прямо на колени, словно какой-нибудь раб!.. Мои руки перепачкались в земле... А тебе хорошо известно, как я ненавижу всяческую грязь, – довершил он капризно.

Серилла взялась за мышцы возле основания его шеи и принялась основательно разминать их – так, что он то и дело вздрагивал от глубоких щипков.

– Ты в тот день был пьян, государь, – напомнила она ему. – Поэтому и упал. А грязь на руках была твоей собственной блевотиной... в которой ты и поскользнулся.

Он вывернул шею, чтобы посмотреть на нее.

– Хочешь сказать, что я сам был во всем виноват? – осведомился он язвительно. – Я-то думал, дорожки мостят не с какой иной целью, а только затем, чтобы по ним было удобно и безопасно ходить. А это падение так встряхнуло мое несчастное больное нутро, что оно до сих пор еще не прошло! Вот я и не смог удержать внутри то, что съел перед прогулкой. Три лекаря согласились со мной в этом. Но, конечно, моя Сердечная Подруга, как всегда, все знает лучше, нежели государь-сатрап Касго и его лекари...

Тут Серилла резко вскочила, нимало не обеспокоясь тем, что сбросила с колен его голову. Перехватив его руку, забравшуюся слишком уж далеко, она с негодованием сунула ее в пах ему самому.

– Довольно! Я ухожу. Я – Сердечная Подруга сатрапа, а это значит, что меня никто не принудит терпеть столь пошлые вольности!

Касго сел на диване:

– Не забывайся! Никто вот так не поворачивается спиной к государю-сатрапу! Вернись! Уйдешь, когда я позволю!

Серилла выпрямилась во весь рост – на голову с лишком повыше этого бледного изнеженного юнца. Она смерила его взглядом, зеленые глаза метали молнии.

– Нет, это ты забываешься, Касго. Забываешь, кто ты такой! Ты – не так называемый калсидийский вельможа, окруженный целым гаремом шлюх, готовых с головы до пяток облизать тебя по первому слову! Ты – джамелийский сатрап! А я – Сердечная Подруга. Не какая-нибудь расфуфыренная и напмаженная подстилка для удовлетворения прихотей тела! Верно, ты можешь разрешить мне уйти. Но и я не обязана оставаться, если ты внушаешь мне отвращение! – Это она произносила уже через плечо, идя к двери. – Когда надумаешь выяснить, каких именно бед тебе следует ждать от торговцев Удачного, дай мне знать. Ибо я неплохо разбираюсь именно в этой области. А если у тебя между ног чешется – ищи других знатоков!

– Серилла!.. – воззвал он в отчаянии. – Неужели ты вот так уйдешь и бросишь меня наедине с ужасными болями!.. Ты же знаешь, я именно от боли забылся... Неужели ты рассердилась?

Она помедлила возле двери. Ее брови хмуро сошлись, на лбу залегла складка.

– Сержусь, и еще как! – сказала она. – Твой отец – вот кто в самом деле страдал, когда у него под старость опухли суставы. Но он никогда не унижал меня неподобающим обращением. И даже пальцем не касался меня без приглашения!

– Мой отец, мой отец... – заныл Касго. – Только и знаешь, что талдычишь мне об отце и о том, что я в подметки ему не гожусь. А меня тошнит от одной мысли о том, как этот

сморщенный старикан к тебе прикасался! Не понимаю, как твои родители могли отдать юную красавицу старому пердуну! Отвратительно...

Она медленно пошла на него, сжав кулаки:

– Отвратителен ты сам и то, что ты себе напридумывал! Мои родители вовсе не отдавали меня. Я сама приехала в Джамелию, дабы продолжать обучение. Твой отец однажды посетил Книгохранилище Северных Стран и случайно услышал, как я читаю наизусть своему наставнику. Мои знания произвели впечатление на государя, и он пригласил меня стать его Сердечной Подругой, советницей по всему, что касается вышеозначенных стран! И я целых три дня размышляла над его предложением и только потом дала согласие и приняла его кольцо! Я дала обет всегда быть рядом с сатрапом и помогать ему советом и делом. Там ничего не было сказано насчет его ложа. Твой отец был благороднейшим из мужчин! Он предоставил мне возможность и далее совершенствовать мои знания и всегда прислушивался к советам, которые я давала ему. Бывало, мы расходились во мнениях, но он никогда не ссылался на головную боль! – И Серилла добавила тоном пониже: – Я до сих пор оплакиваю его.

Открыла дверь и вышла из комнаты. Снаружи стояли двое каменнолицых охранников, притворявшихся, будто слухом не слышали яростной перепалки в сатрапских покоях. Серилла прошла между ними и направилась прочь по широкому коридору. Но не успела удалиться и на дюжину шагов, когда дверь у нее за спиной вновь распахнулась.

– Серилла! Вернись!

Она пропустила его повелительный тон мимо ушей.

– Пожалуйста! – через силу выдавил Касго.

Она продолжала идти, только сандалии тихонько шуршали по мрамору пола.

– Государь-сатрап Касго почтительно просит свою Подругу Сериллу вернуться в его чертоги и дать совет по делу Удачного!..

Это он уже прокричал изо всех сил – коридор был длинный. Серилла замедлила шаг, потом обернулась. Выражение ее лица было заученно-вежливым. Вот это входило в ее обеты. Она не имела права отказывать ему в своем обществе, если он испрашивал ее помощи в той области, где она числилась знатоком.

Совет – вот и все, что она ему обязывалась *давать*.

– Почту за честь, государь.

И она повернула обратно. Касго стоял в дверях, прислонясь к косяку, обычно бледные щеки раскраснелись. Темные волосы в беспорядке падали на глаза, все в кровавых прожилках от слишком обильной выпивки. Оставалось лишь восхищаться невозмутимостью стражников... Серилла вновь вошла в покои сатрапа и не вздрогнула, когда он с треском захлопнул дверь у нее за спиной. Пройдя на другой конец комнаты, она отдернула тяжелые занавеси, так что помещение залил щедрый свет предвечернего солнца. Серилла уселась за стол, потянулась вперед и задула лампу, которой перед тем пользовалась: стоило открыть окно, и оказалось, что света более чем достаточно. Касго неохотно подошел и сел рядом с нею. Серилла нарочно пошире отвела локоть, чтобы не дать ему прижаться вплотную. Касго сел так, чтобы оказаться как можно ближе к ней – впрочем, не прикасаясь. Его темные глаза были полны упрека.

Она выбрала одну из бумаг, разложенных на столе:

– Вот список¹⁶ с первоначальной Удачинской хартии. А это – перечень жалоб, который они нам предъявляют. К хартии прилагается целая пачка списков с грамот о новых земельных пожалованиях, сделанных тобой в окрестностях города. – И она повернулась к Касго. – В отношении самой первой и главной их жалобы я нахожу, что положения первоначальной хартии нарушены нами самым недвусмысленным образом. Все эти новые пожалования сделаны наперекор старой договоренности. Ты не имел никакого права раздавать земли рядом с Удачным,

¹⁶ Список – здесь: копия, выполненная вручную, «нечто списанное».

даже не посоветовавшись для начала с тамошними торговцами. А их воля в первоначальной хартии прописана четко и однозначно.

Молодой сатрап нахмурился, но промолчал. Палец Сериллы быстро пробежал сверху вниз по свитку.

– Далее они протестуют против введения новых поборов, равно как и против повышения старых. Этот пункт, я думаю, удастся отстоять, хотя притязания, вероятно, придется уменьшить – проценты, я имею в виду... – Она продолжала просматривать перечень жалоб. – Еще они недовольны так называемыми «новыми купчиками», которые всю торговлю рабами и применяют их труд... А в конце вот еще что. Они не хотят ни бесплатно снабжать калсидийские сторожевики, ни пускать их на стоянку в гавань Удачного. Как мне представляется, в этом плане переговоры позволят нам достичь компромисса...

– Компромисса! – едва не плюнул Касго. – Да сатрап я или не сатрап? Почему это я должен идти с кем-то на компромисс?

Она подперла рукой подбородок и задумчиво уставилась в сад:

– Потому, что ты переступил через слово, данное твоим пращуром. Удачный же – далекая провинция, и с этим приходится считаться. Там у людей мозги устроены иначе, чем в столице. Провинциалы очень консервативны. Они еще придерживаются многих старых традиций. Заключив сделку, они будут до последней буквы ее выполнять, а если кто дает слово, то его не отменяет даже смерть: обязательства переходят к наследникам. И от других они ждут такого же отношения... Их представители прибыли сюда очень рассерженными. Они проделали долгое путешествие, по ходу которого делились друг с дружкой своими горестями, высказывали и поддерживали мнения – и пришли к убеждению, что дело их правое и законным образом подкапаться к их позиции невозможно. И уж конечно, за тридевять земель отправились только те, кого хуже прочих достали наши последние постановления. Эти люди были настроены непримиримо... Но, полагаю, их удалось бы кое в чем отчасти смягчить, если бы ты согласился принять их лично...

Он обиженно поджал губы:

– Всю ту неделю я проболел. У меня сил еле-еле хватило только на то, чтобы встретиться с торговыми посланниками из Калсиды. Да еще на рукоположении жрецов пришлось торчать, ты разве не помнишь?

– Помню. Отлично помню, что большую часть недели ты провалялся бревно бревном, не в состоянии оторваться от новых одурманивающих зелий, которые привезли тебе калсидийцы. Ты дважды обещал мне, что вот-вот выступишь с посланниками Удачного. И оба раза ты заставлял их ждать несколько часов и только потом извещал, что неважно себя чувствуешь. Я должна была как-то разговаривать с ними, заглаживая неловкость... В итоге они уехали, глубоко оскорбленные таким пренебрежительным отношением. И уж конечно, теперь они еще больше, чем раньше, убеждены в своей правоте.

Добавлять, что лично она была полностью с ними согласна, Серилла не стала. Ее обязанностью было предоставлять сатрапу факты, а не свои чувства по тому или иному поводу... Во всяком случае – ее *нынешней* обязанностью. Если все пойдет как надо, этих самых обязанностей у нее скоро должно было прибавиться.

– Уж эти мне чопорные потомки каторжников и ссыльных! – фыркнул сатрап. – Надо бы поступить с ними так, как мой друг герцог Йадфин давеча присоветовал. Взять да назначить его губернатором Удачного, и пусть правит от моего имени. Разогнать к такой-то матери все их Советы, дерзающие выдвигать какие-то дурацкие требования. Старинные семейства, «новые купчики»... да в гробу я их всех видел! Ввести калсидийскую дисциплину – и небось вся эта шваль живо уймется!

У Сериллы так и отвисла челюсть, и она ничего не могла с собою поделать, глядя, как юный сатрап небрежно потирает нос.

– Не можешь же ты в самом деле всерьез предлагать такое! – выговорила она наконец. И даже приготовилась посмеяться шутке, хотя та была безвкусной. Калсидийского вельможу? Губернатором Удачного? Вот уж воистину глупее ничего не придумаешь!

– А что? – ответствовал Касго. – Калсида – мой добрый союзник. Эти, из Удачного, возвели было на них гнусную клевету, но она оказалась несостоятельной... И потом, Удачный гораздо ближе к Калсиде, чем к нашей столице. Губернатору-калсидийцу легче будет управлять тамошним народом. И пока я получаю свои налоги оттуда, какая мне разница, кто именно...

– Но тогда будь готов, что в Удачном вспыхнет восстание против тебя. Они и без того уже поговаривают о том, чтобы с оружием в руках выйти из-под твоей власти. Они ни в коем случае не потерпят над собой калсидийца – скорее уж отпадут от Джамелии и установят собственное правление!

– Отпадут от Джамелии? Да без Джамелии – кто они такие? Удачный – захолустный торговый городишко, пограничное поселение без всякого будущего, кроме того что моя столица ему обеспечит! Они никогда не посмеют выйти из подчинения мне!

– Боюсь, – сказала Серилла, – что ты, государь, сильно недооцениваешь нравы тамошнего люда. Этот народ слишком долго сам пробивал себе дорогу. Им не доставалось от тебя никакого внимания. И теперь они начали задаваться вопросом: с какой стати платить весьма ощутимые налоги за «защиту и поддержку», которой они на самом деле в глаза не видели вот уже пять лет?

– Ну да. Конечно. Со времени кончины моего отца, ты хотела сказать. На сей раз ты обвиняешь меня в мятежных настроениях этой черни, не так ли?

– Нет. Не вполне. – Она говорила ровным голосом, подчеркнуто бесстрастно. – Еще до смерти твой отец начал... утрачивать остроту разума. Он... перестал так дотошно вникать во все мелочи своей деятельности, как было присуще ему в дни молодости. Он начал до некоторой степени пренебрегать делами Удачного. А ты – ты просто ничего не сделал, чтобы это поправить, и теперь все грозит зайти слишком далеко.

– Тем больше причин поставить там губернатора. Вот видишь? Все твои умствования только подтверждают правильность моей мысли.

И он откинулся в кресле, с довольным видом обмахиваясь веером.

Серилла молчала до тех пор, пока не уверилась, что сможет говорить, не срываясь на крик.

– Мысль эта принадлежит не тебе, государь. Эта затея – часть большого плана герцога Йадфина ободрать тебя как липку, пока ты бездумно улыбаешься, наслаждаясь дымком его зелий, дарующих удовольствие. Согласно закону, ты не можешь поставить в Удачном своего губернатора... не говоря уже о калсидийце на этом посту. Краеугольный камень Удачного – его изначальная хартия, а этого не потерпела бы ни буква ее, ни сам дух.

– Так разорвать к шутам собачьим эту идиотскую хартию! – рявкнул сатрап Касго. – И с какой стати я без конца слышу: я им должен то, я им должен это? Они сами сбежали на Проклятые берега – преступники, изгнанники и непокорные молодые вельможи! А потом годами жили там в свое удовольствие, наслаждаясь всеми выгодами джамелийского гражданства и в то же время не делая ничего ради укрепления наших границ...

– Они отсылают тебе ровно пятьдесят процентов от всех своих доходов, мой государь. Какое еще сообщество твоих граждан платит тебе столько же? Прислушайся к их требованиям, они справедливы. Их привилегии и так немногочисленны, да и те ты намерен отнять. Они сами платят за все усовершенствования в своем порту. А между тем пиратов во Внутреннем проходе расплодилось не в пример больше, нежели во времена...

– И тем не менее они изо всех сил сопротивляются моим усилиям покончить с пиратами. Как, по-твоему, я должен их защищать, если они не желают даже, чтобы мои сторожевые корабли у них в гавани укрывались?

Серилла быстро пролистала страницы:

– Вот. Взгляни, государь. Они предлагают: вместо того чтобы использовать калсидийских наемников, пусть им позволят оставить у себя соответствующую долю налогов – и они сами изыщут корабли для охраны вод и торговых путей. Их доводы: они лучше, чем кто-либо, знакомы с проливами и островами, с характером приливов и морских течений. И соответственно, сами лучше всех смогут охранять свои родные места. А вот и смета: получается, что их силами это будет еще и выгодней для казны.

– А справятся? – требовательно спросил Касго.

Серилла вздохнула:

– Они сами весьма заинтересованы справиться. – Она перевернула еще несколько листов толстой бумаги. – На мой взгляд, это предложение, на которое ты мог бы с легкостью согласиться. Да еще и немалую поддержку при этом себе среди них получить.

– Ладно. Шут с ними... – Касго с омерзением отпихнул выложенные перед ним документы. – Так и быть, встречусь с ними и соглашусь... но только на это. Однако придется им...

– Слишком поздно, государь Касго, – заметила она несколько нетерпеливо. – Их представители отбыли уже несколько недель тому назад. Они вернулись домой, в Удачный.

– Тогда какого рожна мы себе этими делами головы забиваем?! – возмутился сатрап. И поднялся: – Пойдем, проводишь меня на паровые пруды. Может, хоть это головную боль уймет...

Серилла не двинулась с места.

– Дело в том, что ты пообещал рассмотреть все их жалобы и на каждую дать ответ. И пообещал прислать свое решение как можно скорее... – Она взвесила про себя какие-то возможности и решила рискнуть сразу всем. – Я просила бы тебя позволить мне записать твои решения и самолично отвезти их в Удачный на корабле. Ибо чем скорее я отвезу этим людям твои декреты, тем скорее и легче мы преодолеем нынешний кризис. – И она вновь передвинула бумаги, выравнивая их почти с болезненной аккуратностью. – Я уже подготовила документы, наделяющие меня полномочиями вести переговоры от твоего имени, государь. Если ты пожелаешь, ты можешь просто поставить свою подпись. Я отправилась бы в плавание прямо назавтра... и больше не беспокоила бы тебя делами Удачного.

Она всячески старалась не выказать своих надежд ни взглядом, ни голосом.

Касго же склонился над столом, разглядывая верительную грамоту, заполненную ее ровным почерком. Сердце Сериллы забилося чаще... очень хотелось пододвинуть ему перо и чернильницу, но она воздержалась. Не стоило прежде времени себя выдавать.

– Тут сказано, что я наделяю тебя правом принимать от моего имени все необходимые решения, касающиеся проблем с Удачинской хартией! – В голосе сатрапа прозвучало возмущение. – Такого рода властью я не облакал еще никого!

Сердце у нее упало. Значит, не все получится так гладко, как она было понадеялась. Сдаваться, однако, Серилла не собиралась.

– Верно, такого рода властью ты не облакал еще никого. *Прежде* не облакал. Но ты сам буквально только что рассуждал о том, чтобы назначить в Удачный губернатора-калсидийца. И тут, согласись, речь идет о власти гораздо большей, чем могла быть предоставлена мне. Ведь в этой грамоте идет речь о сугубо временных полномочиях. – Серилла перевела дух и постаралась придать своему голосу убедительные интонации. – Последнее время ты в самом деле не так крепок здоровьем, как был когда-то. А это весьма утомительное дело – переговоры вести. Так зачем подвергать опасности всю сатрапию, рискуя твоим здоровьем, государь? А для меня Удачный – сфера моих излюбленных интересов, и я сочла бы за счастье тебе послужить именно там, где я действительно лучше всех разбираюсь. Вот я и сочла своим долгом предложить тебе это.

– Своим долгом? Вот новости. Разве для тебя это не блистательная возможность?

Касго всегда оказывался гораздо хитрей, чем можно было предположить по его виду. Серилла старательно изобразила искреннее недоумение:

– Для меня, государь, исполнение долга перед троном и было всегда самой блистательной возможностью в жизни... Так вот. Видишь, внизу листа я оставила достаточно свободного места: мы можем вписать туда любые ограничения моих полномочий, какие ты сочтешь необходимыми. Например, срок, после которого они истекают. – Она пожала плечами. – Мне просто показалось, что таким образом мы разделаемся с нашими затруднениями быстрее и легче...

– Так ты хочешь отправиться в Удачный? Да еще и одна? А ты помнишь, что Сердечные Подруги не покидают пределов дворца? Никогда и ни под каким видом?

Итак, свобода ускользала у нее из рук... Она не позволила отразиться на своем лице ни единому намеку на чувство.

– Как я уже сказала, я всего лишь искала наиболее быстрый и легкий способ решить эту проблему, притом не надсаживая твоё здоровье. Я полностью осведомлена в истории возникших вопросов. Я полагала, что ты сообщишь мне свои пожелания, а я в свою очередь передам их торговцам Удачного. Таким образом, почтив их визитом одной из своих Сердечных Подруг, ты проявил бы к ним определенное уважение и убедил их в искренности своих намерений. Я же... ты говорил о возможностях – вот я и получила бы возможность собственными глазами посмотреть город, составлявший предмет моих исследований в течение нескольких лет.

«Легендарный Удачный... Пограничный город волшебства... и *возможностей*. Единственное поселение, которому удалось закрепиться и выжить на Проклятых берегах. И не просто выжить – но расцвести и разбогатеть! Как бы я хотела увидеть его...»

В разговоре с сатрапом она намеренно ни словом не упоминала о торговцах из Дождевых чащоб с их баснословными городами в верховьях реки. Не упоминала, ибо они были всего лишь смутной легендой. А любой намек на сокровища, покамест не ведомые ему, лишь вызвал бы у него новый приступ алчности.

– Умирая, твой отец пообещал мне, – сказала она, – что когда-нибудь я смогу побывать в этом городе. Так что блистательная возможность есть и у тебя – возможность исполнить его обещание...

Еще не договорив, она поняла, что совершила ошибку.

– Он что, сказал, что отпустит тебя в Удачный? Какой абсурд! С чего бы ему давать подобное обещание? – И его глаза сузились от внезапного подозрения. – Может, ты это вытребовала у него в обмен на свою благосклонность? Ну и как, удалось ему переспать с тобой хоть разок?

С год назад, когда он впервые осмелился задать ей этот вопрос, она была глубоко потрясена и попросту промолчала. С тех пор он так часто ее об этом спрашивал, что ответное молчание успело войти в привычку. И это была, пожалуй, вся власть, которая у нее по-настоящему была над ним. Он не знал. Не знал, досталось ли его отцу то, в чем она отказывала ему самому. И это не давало ему покоя.

Серилла вспомнила, как в самый первый раз увидела Касго. Ему тогда было пятнадцать лет, а ей – девятнадцать. Она была очень молода для должности Сердечной Подруги. При дворе даже удивлялись, что на склоне лет сатрап завел еще одну Подругу. Когда ее представили Касго как новую советницу его отца, юноша долго смотрел то на своего родителя, то на нее, и его взгляд был более чем откровенен. Она тогда, помнится, покраснела, а старый сатрап наградил сына пощечиной. И юный Касго, по-видимому, сразу расценил отцовскую оплеуху как прямое подтверждение самых низменных своих подозрений.

Когда отец умер, Касго сместил всех его Сердечных Подруг. Грубо нарушив традиции, он отослал их всех прочь, не предоставив им на старости лет убежища и не дав никакого содержания. Он оставил при себе одну только Сериллу, хотя она-то как раз была бы рада покинуть дворец, сменивший хозяина. Но не могла. Доколе она носила кольцо сатрапа, она обязана была

при нем состоять. И вот сатрапом стал Касго, но от этого ничего не менялось: произнесенный ею обет требовал, чтобы она оставалась подле него, покуда такова будет его воля. Он же имел право потребовать от нее совета – и более ничего. Однако он с самого начала дал ясно понять, что хотел бы большей полноты отношений. Другие женщины, избранные им в Сердечные Подруги, гораздо более искушены были в плотских забавах, нежели в дипломатии и науках. И уж конечно, ни одна из них ни в чем ему не отказывала.

На самом деле, согласно традиции, Сердечные Подруги отнюдь не являлись наложницами сатрапа. Просто подразумевалось, что эти женщины не связывают себя иными обетами верности, нежели обет служения трону. И по идее, они должны были быть такими, какой была Серилла: способными прямо и резко говорить сатрапу нелицеприятную правду и ни в коем случае не компрометировать его в нравственном отношении. Они должны были быть совестью государя, а совесть, как известно, не утешает и не льстит – она требует. Иногда Серилла спрашивала себя: неужели на весь дворец она осталась единственной Подругой, еще помнившей эти старинные истины?..

И вдобавок она крепко подозревала: стоит хоть раз допустить его до своего ложа – и о ее единственном источнике власти над ним придется забыть. Он будет желать ее только до тех пор, пока она будет в его глазах, скажем так, единственным отцовским владением, на которое он никак не мог наложить руку. Он будет желать ее, и притворяться, будто слушает, что она ему говорит, и даже иногда в самом деле следовать ее советам просто для того, чтобы ее к себе расположить...

И вот теперь Серилла гадала, как бы употребить свою ничтожную власть ради завоевания свободы.

...Выслушав в очередной раз его наглый вопрос об их отношениях с его отцом, она по обыкновению хладнокровно смолчала, глядя ему в глаза. Она выжидала.

– Ну что ж! Очень хорошо! – воскликнул он вдруг. – Уж коли тебе непременно приспичило попасть в этот несчастный Удачный – я сам тебя туда отвезу!

Вот так. Серилла не знала, восторгаться ей или приходить в ужас.

– Так ты позволишь мне ехать? – спросила она, задыхаясь от нахлынувших чувств.

На его лбу возникла едва заметная морщинка. Потом он улыбнулся. У него были крохотные редкие усики, но они порою топорщились, точно у кота.

– Нет, – сказал он. – Ты неправильно меня поняла. Я же сказал, я сам тебя туда отвезу. Поеду я, а ты, если хочешь, можешь меня сопровождать.

– Но... ты же сатрап! – выговорила она, запинаясь. – Вот уже два поколения правящий сатрап не покидал пределов столицы...

– Но я хочу сделать именно то, о чем ты говорила. Мое личное прибытие более, чем что-либо другое, убедит их в моей искренности во время переговоров. А кроме того... Удачный расположен как раз на пути в Калсиду, куда меня приглашали уже множество раз. И я наконец решил ехать. Так что ты сопроводишь меня туда... как только мы угомоним в Удачном недвольную чернь. – Тут его улыбка сделалась шире. – Я полагаю, в Калсиде ты сможешь очень многому научиться. И это должно нам обоим только на пользу пойти...

Глава 7

Девушка из старинной семьи

Сиди смирно!

– Так больно ведь, – пожаловалась Малта. И потянулась к волосам, которые ее мать разделяла на блестящие локоны и укладывала в прическу.

– А женская доля в основном из этого и состоит, – по-деловому сообщила дочери Кефрия. – Ты, кажется, стремишься скорее стать женщиной? Стало быть, привыкай.

И она расправила тяжелые черные пряди, лежавшие у нее на ладони, потом умело заправила на место несколько выбившихся волосков.

– Не следовало бы забивать ей голову такой чепухой, – раздраженно бросила Роника. – А то скоро дождемся, что она примется изображать из себя мученицу просто потому, что желает быть женщиной. – Малтина бабушка отложила в сторону пучок лент, которые разбирала, и беспокойно заходила по комнате. Потом вдруг заявила: – Не по душе мне все это!..

– Что именно? То, что Малта готовится к своему первому свиданию?

Голос Кефрии прозвучал смущенно, но вместе с тем по-матерински тепло.

Малта незаметно нахмурилась... Поначалу ее мать всячески восставала против того, чтобы поступать с Малтой как со взрослой. Всего несколько недель назад она твердо стояла на том, что-де ее дочь слишком молода, а посему не может принимать ухаживание молодого человека. Неужели она успела переменить свое мнение?.. Малта скосила глаза, пытаясь разглядеть лицо матери в зеркале. Но не смогла – та склонилась над прической, которую соорудила, и ее лица не было видно.

В комнате было много света и воздуха. В маленьких стеклянных вазах благоухали гиацинты. Солнечный свет лился в высокие окна. Было самое начало весны, стоял отличный погожий денек... Тут бы радоваться жизни и смотреть вперед безоблачным взглядом, – увы, Малта чувствовала себя прямо-таки придавленной пасмурным настроением бабки и матери. Ее готовили к самому первому свиданию с самым первым в ее жизни поклонником, но не было слышно ни смеха, ни легкомысленной болтовни. Так и казалось, будто в доме навсегда поселилась скорбь, как если бы по деду, умершему прошлой весной, был объявлен бессрочный траур!

На столике перед Малтой были расставлены в маленьких баночках кремы, румяна и ароматные притирания. Но ни одно из этих снадобий не было куплено специально ради нее. Кефрия принесла их из своих комнат, и Малта мучилась мыслью: да неужто она не заслуживает ничего лучшего?! Ведь большинство из этих помад даже не было куплено на базаре. Их изготовили дома, на кухне. Сварили, точно еду, из ягод, цветов, сливок и воска!.. Нет, мать и бабка были безнадежно старомодны в подобных вещах... Как могли они рассчитывать на какое-либо уважение в обществе, если даже к уходу за собой относились как какие-нибудь побирушки?..

...Они еще и разговаривали поверх ее головы – так, словно она была младенчиком, неспособным понять их разговор.

– Нет. С этим я уже смирилась. – Впрочем, в голосе бабки раздражения было гораздо больше, нежели смирения. – Я о том, что мы слишком давно уже ничего не слышали о Кайле и о «Проказнице». Вот что меня по-настоящему беспокоит.

– Весенние ветра могут быть переменчивы. – Кефрия говорила о муже и о фамильном живом корабле выверенно-нейтральным голосом. – Вне всякого сомнения, мы в ближайшие же дни получим весточку... если только он решит остановиться в Удачном. Он может проследовать мимо нас прямо в Калсиду, чтобы продать свой груз, пока тот еще в хорошем состоянии.

– Ты имеешь в виду, пока рабы еще не перемерли и могут быть выставлены на продажу, – безжалостно уточнила Роника. Она всегда была против того, чтобы делать из семейного корабля невольничий транспорт. Она утверждала, что является принципиальной против-

ницей всякого рабства... что, как ни странно, отнюдь не мешало ей содержать в доме рабыню. Еще Роника говорила, что живому кораблю вредно возить рабов, что ему не справиться с грузом человеческого несчастья у себя в трюме. «Проказница» пробудилась совсем незадолго до нынешнего плавания. Все в один голос утверждали, будто живые корабли необыкновенно чувствительны к переживаниям тех, кто живет у них на борту, а юные, только что ожившие корабли – вдвойне и втройне.

Ну, в отношении живых кораблей у Малты были свои собственные соображения. Если бы кто ее спросил, она бы ответила: владение живым кораблем на сегодняшний день мало что принесло ее семье, кроме беспокойства и неоплатных долгов.

Посмотреть хоть на то положение, в котором оказалась она сама! Долгие месяцы она вымаливала себе право одеваться и общаться с людьми не как маленькая девочка, а как взрослая женщина, и вот ее семейство наконец сдалось. По какой же причине? Признали ее требования справедливыми?... Ничуть не бывало. Просто из-за какого-то глупого древнего контракта, где говорилось: если ее бабка не внесет вовремя выплату в счет долга за семейный живой корабль, одного из детей Вестритов придется отослать в Дождевые чащобы. Вместо золота.

Чувство несправедливости буквально душило ее... «Вот я – молодая, пригожая... сама свежесть, да и только. И кто же станет моим самым первым поклонником? Красивый юный торговец вроде Сервина Трелла или, быть может, задумчивый поэт Крион Трентор? Нет! Не им ухаживать за Малтой Вестрит! Ей достанется старый, сплошь покрытый бородавками торговец из Чащоб, такой уродливый, что для поездки в Удачный он десятую вуалями рожу свою покрывает...»

А что же, спрашивается, бабка и мать? Задумывались ли они о том, ЧТО значило для нее ухаживание со стороны подобного чудища?... Не-е-ет, им было некогда. Они не о ней волновались – о корабле. О том, как бы чего не случилось с ее драгоценным братцем Уинтроу. Или где там нелегкая носила ее тетушку Альтию... А Малта? Да тьфу на нее, на эту Малту, и так перебьется. Они помогают ей одеваться, укладывают ей волосы... а самим и дела до нее никакого нет. В самый, может быть, важный в ее жизни день они... спорят о рабстве...

– ...Делает так, как лучше для нашей семьи, – негромко, ровным голосом доказывала что-то ее мать. – Хотя бы это ты можешь признать? Да, Кайл всего менее задумывается о чьих-либо чувствах... Мои чувства, например, он не единожды оскорблял... Но при всем том он не себялюбец и не злодей. На моей памяти он никогда не делал ничего такого, что, по его мнению, не было бы наилучшим для всех нас.

Малта даже слегка удивилась, услышав, как мать защищает отца. Она помнила: как раз перед папиным отплытием они с мамой здорово разругались, и с тех пор мама нечасто упоминала о нем... Но, быть может, при всей своей ограниченности и отсталости она все еще любила его?... Тут надо сказать, что Малта всегда тайком жалела отца. «Вот ведь неудача, – думалось ей, – что такой красавец и смельчак, как мой папа, такой отчаянный и блестящий морской капитан взял да и женился на маленькой серенькой мышке, ничуть не интересующейся светской жизнью и модой! Ему бы такую жену, чтобы знала толк в нарядах, умела устраивать балы и званые вечеринки... И женихов для дочери присматривала каких надо...»

Вот какая жена на самом деле нужна была бы отцу. Вот какой матери она, Малта, была бы достойна...

И тут девочку посетила новая и тревожащая мысль.

– А что ты сама думаешь сегодня надеть? – обратилась она к матери.

– То, в чем я сейчас, в том и буду, – коротко ответила Кефрия. И вдруг добавила: – Не желаю ничего больше слышать об этом. Рэйн приезжает, чтобы увидеться с тобой, а не со мной! – И, сбавив тон, проговорила почти против воли: – Волосы у тебя блестят, как... как сама ночь. Думаю, он и не заметит, если рядом будет еще кто-то кроме тебя.

Внешность Малты нечасто удостаивалась сугубых похвал, но, несмотря на это, она не позволила отвлечь себя от сути. Простому шерстяному синему платью матери было, страшно подумать, самое меньшее уже три года! Да, за ним отлично ухаживали, и оно не выглядело старым и вытертым. Просто... старомодная синяя скукотища.

И Малта взмолилась:

– Может, ты хоть прическу сделаешь и драгоценности наденешь?.. – И добавила чуть ли не с отчаянием: – Ты же всегда требуешь, чтобы я была хорошо одета и вела себя подобающим образом, когда хожу с тобой по торговым делам... Почему же вы с бабушкой не желаете сделать то же самое ради меня?

И оставила зеркало, чтобы повернуться к ним лицом. И Роника, и Кефрия взирали на нее с удивлением.

– Может, Рэйн Хупрус и младший сын в своей семье, но все же он член одной из самых влиятельных и богатых фамилий, живущих в Дождевых чашкобах. Вы сами мне это все время внушали. Так не надо ли всем нам одеться, как подобает ради уважаемого гостя? Хотя бы вы втайне и надеялись, что, встретившись со мной, он сразу разочаруется и отстанет... – И добавила вполголоса: – Ну должны же мы хоть сколько-нибудь сами себя уважать...

– Ох, Малта, – вздохнула мать.

– А вот мне кажется – девчонка права, – неожиданно заявила бабка. И невысокая темно-волосая женщина, казавшаяся в своем вдовьем убранстве прямо-таки согбенной, вдруг выпрямилась. – Нет, Малта в самом деле права! – сказала она. – Наш недосмотр, Кефрия. И не в том дело, по сердцу нам ухаживание Рэйна Хупруса или нет. Мы ведь дали свое разрешение? Дали. И не забудем, что семейство Хупрусов выкупило наш долг за «Проказницу», так что контракт перешел к ним. А это значит, мы должны не только оказывать им то же почтение, что прежде – семье Фьестрю, но и соответственно выглядеть!

И Роника обежала быстрым взглядом просторную комнату, потом принялась загибать пальцы:

– Так... Мы освежили и проветрили все комнаты, как надлежит с наступлением весны, и приготовили отличный стол... Рэйч может за ним прислуживать; это неплохо у нее получается... Жаль, что с нами больше нет Наны, но что поделаешь, ей сделали слишком выгодное предложение, и нехорошо было бы просить ее отказаться... Как по-твоему, не послать ли мне Рэйч к Даваду Рестару, чтобы уступил на вечер еще слуг?

– Можно бы... – неуверенно протянула мать Малты.

– Ой, пожалуйста, только не это! – вмешалась Малта. – У Давада жуткие слуги, они совсем не умеют себя вести да еще и дерзят! Нет уж, давайте обойдемся без них! По-моему, лучше показать наш дом и житье как они есть, а не устраивать фальшивое представление с плохо обученными слугами... чужими к тому же. Как по-вашему, что будет выглядеть достойней? Скромный дом, выставивший лучшее, что он себе может позволить, или такой, где пытаются выглядеть богаче, чем они есть... заимствуя чужие обноски?

Сказав так, Малта немало порадовалась удивлению, снова отразившемуся на лицах бабки и матери. Потом Кефрия не без гордости улыбнулась:

– А у девочки есть здравый смысл... Ты очень верно высказалась, Малта. И я рада тому, что услышала от тебя такие слова.

Бабушка тоже выразила свое одобрение, хотя и несколько осторожнее. Она просто поджала губы, глядя на Малту, и коротко кивнула. Малта в это время уже вновь смотрела в зеркало, проверяя, хорошо ли были уложены ее волосы. «Сойдет», – решила она наконец. Она хорошо видела отражение бабки... Пожилая женщина смотрела на нее испытующе. «Вот в чем дело, – сказала себе Малта. – Ронике Вестрит нелегко признать, что в доме появился кто-то не глупее ее самой. Да, вот оно! Бабка просто ревнует – как так, оказывается, у кого-то на плечах столь же светлая голова! И даже, по правде сказать, еще более светлая...» А вот мать – мать ею

гордилась. Мать можно было расположить к себе, показывая свой ум. Малта раньше об этом как-то не задумывалась.

И тут ее посетило внезапное вдохновение.

– Спасибо большое, мама, – сказала она. – Какое чудо ты сотворила с моими волосами! Давай теперь я тебе прическу сделаю. Садись! – Изящным движением она поднялась и усадила изумленную Кефрию на свое место перед зеркалом. Вытянула длинные шпильки из ее темных волос, так что они волной упали на плечи... – А то ты у нас причесываешься, как какая-нибудь старушка, отставшая от моды, – сказала она безыскусно. О том, что бабка была причесана точно так же, вряд ли стоило упоминать. Малта наклонилась вперед и, прижавшись щекой к щеке матери, встретила с ней глазами в зеркале. – Давай, – сказала она, – я вплету тебе в волосы цветы и заколю их теми твоими жемчужными шпильками. Сейчас весна, все цветет и жизни радуется, надо бы и тебе выглядеть повеселее! – Малта взяла гребень с серебряной ручкой и провела им по волосам матери. Наклонила голову и улыбнулась ее отражению. – Если мы прежде папиного возвращения и не можем позволить себе новые платья, так почему бы нам не достать старые и не освежить их, например, вышивкой? Я уверена, ему это понравится... И потом, пора уже мне освоить стежок «розовые бутончики», которым ты вышиваешь. Научишь меня, когда Рэйн уедет домой?

Неожиданная перемена в поведении внучки вызвала у Роники Вестрит массу сомнений и подозрений... Собственный пессимизм казался ей недостойным, но отбросить его она не могла. А посему ей оставалось только проклинать судьбу и обстоятельства, вложившие доброе имя и денежное состояние семьи в капризные руки избалованной девчонки. Но добро бы просто капризные, – что гораздо хуже, эти ручки были весьма загребущими, а взбалмошные выходки Малты были замешаны на недюжинной хитрости. Захоти только она направить свой деятельный ум на благо свое собственное и семьи – и ее по праву назвали бы гордостью Вестритов. Но если все и дальше будет идти так, как шло до сих пор, беды от нее будет не обернуться...

Молча выходя из комнаты, где Малта заплетала и укладывала волосы Кефрии, Роника хмуро подумала: если счастье будет на их стороне, может, удастся сбить Малту с рук долой за Рэйна Хупруса. Какое спокойствие воцарится в доме, когда в нем не станет подловатой маленькой интриганки...

Но потом Роника вообразила Малту в роли невестки Янни Хупрус и невольно поморщилась. Ох нет... Проблему по имени «Малта» породили Вестриты, значит Вестритам с ней и разбираться. Надобно придержать ее в доме, пока не выучится вести себя, как того требует фамильная честь...

Иногда Ронике казалось, что добиться этого возможно только при посредстве ремня.

Она вернулась к себе. В своих комнатах она чувствовала себя более-менее спокойно. С наступлением весны она все здесь убрала, вычистила и хорошенько проветрила. Так она поступала каждый год. На сей раз – не помогло... Повсюду стойко держался если не сам запах болезни, так воспоминание о нем. Даже солнечный свет, лившийся сквозь высокие окна, казался... ненастоящим. А чистые простыни на постели выглядели не просто свежими и уютными, нет, от их белизны исходил прямо-таки ледяной холод. Роника подошла к своему туалетному столику, села перед ним... Посмотрела на себя в зеркало... Малта была права: Роника действительно превратилась в замшелую старуху. Красивой она себя никогда не считала, но, пока жив был Ефрон, следила за собой самым тщательным образом. А не стало его – и все отошло, забылось, стало ненужным. Она как бы прекратила быть женщиной. Морщины на лице беспрепятственно углублялись, кожа на горле отвисла... Несколько баночек со снадобьями, стоявших на столе, покрывал тонкий слой пыли. А когда она открыла свою шкатулку с драгоценностями, лежавшие там украшения показались ей и знакомыми, и в то же время чужими.

Когда она в последний раз задумывалась о своей внешности?.. Когда в последний раз обращала внимание на свое лицо и одежду?..

Роника глубоко вздохнула.

– Ефрон... – тихо выговорила она. Просто вслух произнесла его имя, но были в ее голосе и мольба, и вина, и последнее «прости». Потом она распустила волосы. Тряхнула головой, разбрасывая их по плечам... и нахмурилась: ей бросилось в глаза, как они поредели. Она подняла руки к лицу, и пальцы ощутили бумажную сухость кожи. Она попробовала разгладить морщины, залегшие возле рта. Укоризненно покачала головой своему отражению в зеркале – и сдула пыль с баночек. Взяла одну из них, открыла...

Она как раз кончала наносить духи, когда в дверь постучали. Так робко и неуверенно стучать могла только Рэйч.

– Входи, – произнесла Роника, не поворачивая головы. С тех пор как уволилась Нана, Рэйч осталась единственной домашней прислугой – и это в доме, где когда-то жизнь была ключом!..

Рабыня вошла в комнату, и Роника тотчас поняла причину ее посещения. Только появление Давада Рестара могло наполнить глаза Рэйч такой затаенной ненавистью! Ибо Рэйч по-прежнему винила Давада в смерти своего сынишки, погибшего на борту его работоргового корабля. О Даваде при ней лучше было совсем не упоминать – в ее глазах тотчас вспыхивала убийственная ненависть... и только в такие моменты молодая женщина казалась воистину живой; все остальное время она пребывала словно бы в спячке.

– Ох нет, только не это... – простонала Роника чуть слышно. Увы, реальность отменить было нельзя, а состояла она в том, что Рестар уже дожидался в гостиной.

– Прости, госпожа, – произнесла Рэйч бесцветным голосом. – Пришел торговец Рестар. И он утверждает, что непременно должен тебя повидать...

– Не за что просить прощения, – с глубоким вздохом ответствовала Роника. И поднялась из-за столика. – Скажи, что я спущусь немедленно, как только оденусь... Нет. Не ходи к нему и не говори ничего. Раз уж он не потрудился прислать гонца и заранее уведомить меня о своем визите – значит пускай сидит там и ждет, пока я буду готова его принять. А ты, пожалуйста, помоги мне одеться.

Ей хотелось вдвоем с Рэйч этак по-женски подшутить над Давадом... ничего не получилось. Рэйч не улыбнулась, ее губы так и остались сведенными в одну прямую черту. Давад Рестар прислал Рэйч в дом Вестритов, когда лежал при смерти Ефрон. Сам он говорил, что желает посильно помочь, но Роника крепко подозревала – на самом деле Давад хотел просто сбить с рук эту женщину, глядевшую на него так, будто она собиралась в следующий миг воткнуть ему нож в спину. Тем не менее с точки зрения закона Рэйч по-прежнему принадлежала ему. В смысле, с точки зрения джамелийского права, признававшего рабство. Законы Удачного еще не опустились до такой низости. Здесь Рэйч называлась более обтекаемо и благозвучно – подневольной служанкой.

Ох и развелось же последнее время в городе этих самых подневольных... Роника обращалась с Рэйч так, как обращалась бы с наемной, сугубо вольной служанкой.

Она отнюдь не стала торопиться, выбирая себе наряд, и наконец остановилась на платье из бледно-зеленого льняного полотна. Как все-таки давно она не надевала ничего, кроме балахонистого домашнего одеяния!.. Даже когда все юбки были благополучно подхвачены кушаками, а верх зашнурован на спине, Роника чувствовала себя в этом платье необъяснимо нагой. Она помедлила перед зеркалом, заново окидывая себя взглядом. Что тут сказать!.. Выходное платье не сделало ее красавицей. И молодости ей не вернуло. Тем не менее в нем она снова выглядела так, как следует выглядеть владычице старинного торгового клана. Ухоженной, полной достоинства. Она помедлила перед шкатулкой с украшениями... Потом решительно обвила свое горло жемчугами и вставила в уши жемчужные серьги. «Вот так. И пусть

маленькая распутница только попробует еще раз заявить, будто я замшелая, отставшая от моды старуха...»

И Роника победительно отвернулась от зеркала, чтобы натолкнуться на взгляд округлившихся глаз Рэйч. И ощутила, что изумление служанки льстит ей.

– Пойду спущусь к Даваду, – сказала она. – А ты принеси, пожалуйста, с кухни кофе и каких-нибудь простых коржиков. Только самых простых, хорошо? Я не хочу, чтобы он засиживался.

– Слушаюсь, госпожа.

Рэйч склонилась в коротком реверансе и молча ушла.

Шурша юбками, Роника проследовала по широкому коридору в гостиную... Жемчуга приятно холодили ей кожу. Странное дело, но как, оказывается, меняется самоощущение от того, что ты всего-то лишь переделалась да чуть-чуть поухаживала за собой!.. И это притом что в глубине очень мало что изменилось. По-прежнему присутствовала и неизбывная скорбь по Ефрону, и гнев из-за всего, что постигло ее после его смерти. Целую зиму она не ведала покоя, принимая удары, сыпавшиеся один за другим. Как верила она в своего зятя – и как жестоко ей пришлось обмануться! Из-за неумеренной жадности Кайла сбежала из дому Альтия. Его власть, граничившая с жестоким подавлением чужой воли, совсем парализовала волю Кефрии. И в довершение всего выяснилось, что дочь Кайла, Малта, вознамерилась, похоже, вырасти точным подобием обожаемого папочки... С ума сойти можно. Кефрия, правда, еще несколько месяцев тому назад твердо пообещала, что начнет твердой рукою перевоспитывать дочь... Вспомнив об этом, Роника лишь еле слышно хмыкнула себе под нос. Так называемое перевоспитание пока дало единственный результат – день ото дня Малта становилась все изворотливей...

У двери гостиной Роника приостановилась и решительно выдворила из головы все подобные мысли. Волевым усилием разгладила нахмуренный лоб, сотворила на лице вежливую полуулыбку. Повела плечами, выпрямилась... распахнула дверь и вплыла в комнату со светским приветствием на устах:

– Доброе утро, Давад. Твой приход... Какая приятная неожиданность!

Он стоял к ней спиной. Он успел снять с полки книгу и просматривал ее возле окна. Спина у него была широкая и со всех сторон круглая, туго затянутая в темно-синий камзол, и на какое-то мгновение он живо напомнил Ронике большого жука. Он закрыл книгу и повернулся к хозяйке дома:

– Да уж, «приятная неожиданность»... Сам знаю, что грубость. Даже мне, человеку, не украшенному тонкостью манер, ясно, что я должен был прислать человека и осведомиться, когда тебе было бы удобнее принять меня. Но я знал, что ты ответишь отказом, и потому... Ах, Роника!.. Да ты же просто потрясающе выглядишь!..

И он так по-свойски откровенно оглядел ее с головы до ног, что Роника помимо воли ощутила, как к щекам прихлынула кровь. Круглая румяная физиономия Давада расплылась в широченной улыбке.

– Я так привык видеть тебя либо в трауре, либо в тусклых затрапезных халатах, что уже и забыл, как ты по-настоящему выглядишь... А ведь я помню это платье! Оно очень давнишнее, верно? Уж не его ли ты надевала, когда праздновали свадьбу Кайла и Кефрии?.. Как же оно тебя молодит! И ты с тех пор нисколько не растолстела – по-прежнему влезаешь в него...

Роника с шутливой укоризной погрозила ему пальцем.

– Давад, Давад, – сказала она старинному другу дома. – Только ты один в столь краткой речи способен испортить такое количество комплиментов!

Он смотрел на нее непонимающе и смущенно, будучи не в силах – как с ним часто бывало – уразуметь собственную бестактность.

Роника опустила на диван.

– Садись, – пригласила она Давада. – Сейчас Рэйч принесет кофе и коржики... Должна только предупредить тебя: времени у меня очень немного. Сегодня мы ждем в гости Рэйна Хупруса. Он едет на свидание к Малте, а у меня еще ровным счетом ничего не готово!..

– Знаю, – отмахнулся Рестар. – В городе только и сплетен, что об этом ухаживании. Верно, странно немножко, что молодому человеку дозволено ухаживать за той, что еще не была представлена обществу как взрослая женщина?.. Ну, то есть она-то сама, разумеется, не считает, что еще не готова... После той ее выходки прошлой зимой на балу... Да. Право, у меня язык не поворачивается осуждать тебя за то, что хочешь как можно скорей выдать ее замуж. Чем раньше эта девочка обзаведется мужем и на том успокоится, тем и лучше... для всего города. – Давад кашлянул и замолчал. В самый первый раз на его лице появилось выражение некоторой неловкости. – Собственно, Роника, по этой-то причине я к тебе и ввалился, – сказал он затем. – И, боюсь, мне придется тебя просить об очень большом благодеении...

– О благодеении? – Роника ничего не могла понять, но ей стало не по себе. – Которое, я полагаю, как-то связано с приездом к нам Рэйна?

– Да... Все очень просто. Пригласи и меня. Я тебя очень прошу!

Если бы Роника не так хорошо владела собой, у нее точно отвалилась бы челюсть. По счастью, судьба оградила ее от необходимости немедленно отвечать – вошла Рэйч с кофейным подносом. Роника ее сразу же отпустила, ибо не видела смысла заставлять Рэйч подавать кофе человеку, которого та ненавидела. Хозяйка дома стала разливать кофе сама, и это дало ей некоторое время для размышления.

Но прежде, чем она успела про себя сформулировать вежливый отказ, Давад заговорил снова:

– Я знаю, это не очень согласуется с правилами приличия, но я уже придумал, как их обойти!

Роника решила быть вполне откровенной.

– Давад, – сказала она, – мне совершенно не хочется обходить приличия. Хупрусы – могущественная семья, имеющая большой вес в обществе. А я сейчас не могу позволить себе обижать кого-либо в Удачном, тем более юношу из подобного семейства. И кстати, ты не сказал, почему тебе так хочется быть здесь, когда мы станем его принимать. Ведь, согласно традиции, когда юноша первый раз приходит на свидание к девушке, присутствует только ее семья. С тем, знаешь ли, чтобы паренек уверенней себя чувствовал...

– Знаю, все знаю. Но поскольку Ефрона больше нет, а отец Малты находится в плаваньи, я подумал, что ты можешь представить меня как старинного друга... что-то вроде вашего защитника на время полного отсутствия в доме мужчин...

Говоря таким образом, Рестар все посматривал на Ронику, и его голос постепенно делался тише и тише... пока совсем не замолк.

– Давад, – сказала она негромко, но в голосе звучало внутреннее напряжение. – Ты отлично знаешь, что я никогда не нуждалась в мужчине-защитнике. Когда девочки были еще малы, а Ефрон уходил в море, я ведь ни разу не обращалась к его друзьям с просьбой заключить вместо него какую-то сделку или помочь мне выпутаться из каких-то жизненных неприятностей. Я всегда и со всем справлялась сама! И всему Удачному это отлично известно. Это моя сущность, Давад. И вот теперь, когда я осталась совершенно одна, что же, я вдруг испугаюсь, разахаюсь и начну прятаться у тебя за спиной? Ох, не получится... Рэйн Хупрус сегодня придет знакомиться с семьей девушки, которую намерен взять в жены. И пусть он увидит нас такими, каковы мы в действительности!

После столь энергичного высказывания Ронике потребовалось слегка перевести дух, и Давад воспользовался моментом, чтобы торопливо произнести:

– Это не потому, Роника. Это нужно мне самому... Я тебе все честь честью скажу. Тебе, верно, с этого выгоды никакой, даже наоборот, для тебя мое присутствие может обернуться

некоторой неловкостью... Са¹⁷ свидетель! – некоторые семьи в Удачном мне вообще уже отказали от дома. Я сам знаю, что от меня одни неприятности... Сначала говорили, что я недостаточно обходителен. Верно, я тонкостям не обучен... Не то что моя Дорилл, покойница. Это она всегда заботилась о нашей репутации в обществе... После ее смерти многие в Удачном продолжали меня по-доброму принимать – не иначе в память о ней... Но год от году все меньше торговцев ко мне относилось по-дружески... наверное, я обижал людей, сам того не замечая... И вот теперь, сколько есть у нас старинных семей, но только для тебя я по-прежнему друг... – Он примолк и тяжело вздохнул. – Я совсем один, мне не к кому обратиться. Я знаю, мне надо как-то восстанавливать старые связи... Так вот, если бы я смог завязать торговые отношения с жителями Чащоб, я, пожалуй, добился бы прежнего положения. Да, многим у нас совсем не по вкусу то, за что я ратую... Люди говорят, что я готов лизать пятки «новым купчикам», что я веду с ними дела и тем самым предал старинные фамилии, что я обесчестил себя причастностью к работоторговле... Но ты-то знаешь – я поступаю так только лишь для того, чтобы выжить. А что мне еще остается?.. Посмотри на меня. У меня никого нет. Мне не на кого рассчитывать, кроме как на свои мозги и деловую хватку. У меня нет жены, которая утешала бы меня в трудный час... нет детей, чтобы оставить им нажитое... И я занимаюсь только тем, чтобы обеспечить себе кое-какие доходы на старость. А потом... что будет потом – меня не очень заботит. – Тут он выдержал довольно-таки наигранную паузу и добавил гаснущим голосом: – Я – последний в роду...

Примерно на половине этой нескончаемой жалобной песни Роника устало прикрыла глаза. Когда же Рестар вновь испустил скорбный вздох, она подняла веки.

– Давад, – проговорила она тоном предупреждения. – Стыд и срам тебе за то, что пытаешься провести меня на подобной мякине. Не буду я тебя жалеть, не надейся. И себя жалеть я тоже не буду. Может, каждый из нас и сидит сейчас в яме, но, сознайся честно, мы их сами себе выкопали. Ты отлично знаешь первопричины всех своих горестей; ты сам их мне только что перечислил. И если ты действительно хочешь восстановить уважение старинных фамилий, для начала перестань заигрывать с «новыми купчиками» и проталкивать в Совете решения, выгодные для них. Прекрати бесчестить себя торговлей людьми. Перестань сам отрекаться от себя – и бывшие друзья вернутся к тебе... Не сразу, конечно, ведь ты на такое количество больных мозолей успел наступить! Но вернутся. Ведь ты из настоящих торговцев. Как только ты сам это вспомнишь, вспомнят и все остальные!

– А до тех пор прикажешь мне, блюдя благородство, с голоду помереть? – вспыхнул Давад.

И как бы для того, чтобы по мере сил отодвинуть столь печальный исход, откусил большой кусок пряника, который держал в руке.

– Ну, голод тебе навряд ли грозит, – ответила Роника неумолимо. – Ты сам только что сказал, тебе не о ком больше заботиться, кроме как о себе самом. А имения у тебя такие, что, надумай ты хоть чуть-чуть ими заняться, и они кормили бы тебя до конца дней твоих, даже если бы ты забросил торговлю. Осмелюсь предположить: если ты немножко сократишь численность своих слуг, вам всем хватит собственного огорода, стада кур и нескольких молочных коров. И всего-то требуется лишь некоторая умеренность жизненных запросов. Отчего бы тебе не обратиться к простоте... как сделали мы с Кефрией под давлением обстоятельств? А что касается твоего беспросветного одиночества в жизни... Поправь меня, если я ошибаюсь, но ведь у тебя, сколь мне помнится, была внучатая племянница. Взял бы да разыскал ее, если нуждаешься в наследниках. Восстановление отношений с той ветвью вашей семьи могло бы оказаться для тебя большим благом...

¹⁷ Са – в предыдущей книге трилогии, «Волшебный корабль», поясняется, что это верховное божество почитается верующими-мужчинами в качестве Всеотца, женщинами же – как Великая Мать.

– Она слишком ненавидит меня. – Давад стряхнул крошки, просыпавшиеся ему на колени, а заодно как бы отмахнулся и от высказанной Роникой мысли. – Причем ненавидит из-за какого-то мимолетного замечания в адрес ее мужа, когда тот был еще женихом. С тех пор я для нее вроде зачумленного... Нет, тут ничего уже поправить нельзя! – И Давад отхлебнул кофе. – А кроме того... Не понимаю, как ты можешь порицать мое участие в работорговле? Разве не этим сейчас занимается Кайл на «Проказнице»? – На лицо хозяйки дома словно набежала туча, и Давад поспешно сменил тактику. – Ну пожалуйста, Роника! Обещаю, что надолго не задержусь... Позволь мне просто побыть здесь во время его появления, представь как друга семьи... Вот и все, о чем я прошу! Помоги свести хоть шапочное знакомство... А все остальное я и сам сделаю!

Он так умоляюще смотрел на нее. Волосы у него были густо намазаны ароматическим маслом, и оно блестящей пленкой стекало на лоб. Он был попросту жалок. И... он в самом деле был старым другом семьи. Да, он торговал невольниками. Но они с Дорилл поженились через неделю после их свадьбы с Ефроном. Они танцевали друг у друга на свадьбах... Да, он наверняка ляпнет в присутствии Рэйна что-нибудь неподобающее... Но он пришел к ней, видя в ней свою последнюю надежду.

Ну не человек, а просто несчастье какое-то ходячее.

Роника все еще молча смотрела на него, когда в комнату вошла Кефрия.

– Давад!.. – воскликнула та. И напряженно улыбнулась, причем глаза округлились от ужаса. – Какая неожиданность! А я и не знала, что ты к нам заглянул...

Рестар поспешно поднялся, чуть не опрокинув при этом свою кофейную чашку. Ринулся к Кефрии, взял ее руку и, сияя, объявил:

– Ну да, я знаю, что это не совсем правильно, но все-таки я просто не мог удержаться... Сейчас, когда Кайл в море, я подумал, что должен же быть в доме хоть какой-то мужчина, когда к нашей Малте собирается прийти с ухаживаниями какой-то юнец...

– Да уж... – тихо отозвалась Кефрия. И обратила на мать взгляд, полный упрека.

Роника твердо решила не прибегать к вежливой лжи.

– Я уже сказала Даваду, что это полностью неприемлемо, и объяснила почему, – негромко, но твердо проговорила она. – Потом, когда ухаживание пойдет своим чередом – при условии, если он и она решат его продолжать, – мы как-нибудь устроим чай и пригласим близких друзей семьи. Вот это будет более подходящий момент, чтобы Давад мог познакомиться с Рэйном и его семьей.

– Я полагаю, – тяжело сказал Давад, – это и все, что ты можешь предложить своему самому старому и верному другу, Роника Вестрит... Что ж... Приду, стало быть, когда меня пригласят.

– Слишком поздно, – выдавила Кефрия еле слышно. – Я, мама, собственно, поэтому за тобой и пришла... Рэйн и его семья... Они уже прибыли!

Роника живо поднялась:

– Его семья!.. Уже здесь?

– Да, в комнате, где мы обычно завтракаем... Знаю, знаю, что ты хочешь сказать – я и сама не ждала их так рано. Я думала, Рэйн появится только под вечер, ведь плавание-то неблизкое... Но тем не менее он уже здесь, и с ним сама Янни... и старший брат... Бендир. А за воротами дожидается тьма-тьмущая слуг, нагруженных подарками и... Мама, мне нужна твоя помощь, не то пропаду! Как же мы справимся, когда у нас в доме совсем нет слуг...

– А очень просто, – вмешался Давад. Он оставил просительные интонации и принялся распоряжаться: – Вы ведь держите мальчишку, который смотрит за конюшней и садом? Отлично, пришлите его немедленно ко мне. Я черкну записочку, он отнесет ее ко мне домой, и мои слуги прибегут сюда сей же момент. Естественно, незаметно, как будто они всегда тут и

были... Я дам им на сей счет сугубые распоряжения: чтобы вели себя так, как будто все они ваши, просто так уж работают – по вызову. И...

– И когда по всему Удачному расползутся сплетни – как бывает всегда, если в деле замешаны слуги, – уж то-то Вестриты будут выставлены на посмешище... Нет, Давад. – Настал черед Роники тяжело вздыхать. – Что ж, мы воспользуемся твоим предложением... Поскольку другого выхода у нас просто нет. Но коли уж мы вынуждены *занимать* чужих слуг, я прямо и открыто признаю, что слуги эти – заемные, а не наши. И уж ни в коем случае не следует избегать упоминаний о твоей доброте, чтобы только потрафить нашей гордости! – Тут она с некоторым запозданием вспомнила, что у дочери может быть иное мнение, и повернулась к Кефрии, дабы спросить, что называется, в лоб: – Ты согласна со мной?

Кефрия беспомощно пожала плечами:

– Приходится согласиться... – И подумала вслух: – Ох, не понравится все это Малте...

– А ты просто не позволяй ей забивать такими вещами свою хорошенькую головку. – Давад просто лучился от удовольствия, и Ронике всерьез захотелось запустить в него ближайшим тяжелым предметом, когда он продолжил: – Я более чем уверен, что она будет слишком занята своим поклонником и вряд ли обратит внимание на старого друга семьи... Ладно, ближе к делу, дорогие мои! Роника, где бумага? Чтобы мне быстренько нацарапать записку и отправить мальчишку...

Скоро оказалось, что сомнения, одолевавшие Ронику, были беспочвенны: все удалось сделать быстро и без затруднений. Кефрия вернулась к гостям и заверила их, что ее мать вот-вот появится. Мальчик с запиской убежал со всех ног, а Давад решил напоследок заглянуть в зеркало. Роника не могла бы сказать, какого рода жалость двигала ею – к нему или к себе самой, – но все-таки заставила его промокнуть излишек масла со лба и с волос, а потом заново причесаться, явив хотя бы подобие вкуса. С его штанами, некрасиво пузырившимися на коленях, ничего поделывать не удалось, и Давад заверил ее, что таково было свойство всех его штанов, причем свойство неискоренимое. Камзол же, по его словам, был новехонек, а покрой его отвечал самым новым веяниям моды. Роника хотела было доходчиво объяснить ему разницу между «модным» и «к лицу», но прикусила язык и воздержалась.

...А потом, внутренне трепеща от волнения, об руку с Давадом вступила в комнату для завтрака...

Ей доводилось слышать, что в Дождевых чащобах во время ухода вели себя несколько более раскованно, чем принято было в Удачном. Но когда Кефрия давала разрешение Рэйну посещать свою дочь, им было твердо обещано: никаких дорогостоящих подношений, способных вскружить неопытной девушке голову. Вот Роника и ждала, что молодой человек вручит Малте букетик цветов... ну там еще немного сладостей...

И вообще, она полагала, что ей представят застенчивого юношу, сопровождаемого, возможно, наставником или дядей.

Но что же предстало ее глазам?..

Комнату было попросту не узнать! Простое убранство, состоявшее из весенних цветов, принесенных ею и Кефрией из садика, почитай что исчезло! По всему помещению в бесчисленных корзинах, вазах и чашах благоухали самые немыслимые цветы, какие только порождали Чащобы. От их запаха голова буквально шла кругом! Корзинки и подносы фруктов, бутылки роскошных вин, блюда всевозможных лакомств и сладостей дополнили убранство стола, накрытого для скромного завтрака. Тут же стояло искусственное дерево, сработанное из бронзы и древесины вишни, а на нем в клетке из золотистой латуни заливались на разные голоса радужно окрашенные певчие птицы. Под клеткой, с надеждой поглядывая вверх, разгуливала крапчатая охотничья кошка – совсем юная, еще котенок. Слуги – и с открытыми лицами, и в вуалях – бесшумно и со знанием дела сновали по комнате, доканчивая ее волшебное преобразование.

Роника вошла – и молодой человек, чье завешенное вуалью лицо выдавало в нем потомка торговой семьи из Чащоб, заиграл жалобную мелодию на небольшой арфе. И словно подхваченная музыкой, навстречу Ронике двинулась Янни Хупрус. Ее лицо скрывало белое кружево, расшитое жемчугами. Просторный капюшон, накинутый на волосы, украшали искусно подобранные шелковые кисточки всех возможных оттенков синего и голубого. На Янни была расшитая лентами рубашка и свободные панталоны, собранные у лодыжек опять-таки лентами. Белой льняной материи почти невозможно было разглядеть под сплошной вышивкой... Роника в жизни своей еще не видела женщины в подобном наряде, но безошибочное чутье тут же подсказало ей: очень скоро нечто в этом роде составит писк моды в Удачном.

Итак, Янни радостно приветствовала Ронику в ее собственном доме, но комната была до того не похожа на себя прежнюю, что Ронике поневоле казалось – все они чудесным образом перенеслись в Дождевые чащобы и это она, Роника, нынче гостила в доме у Янни.

Янни тепло улыбалась, и лишь один-единственный взгляд, полный недоумения, отразил ее любопытство в отношении Давада.

– Как славно, что ты так скоро спустилась, – сказала госпожа Хупрус. И взяла руки Роники в свои – движение, подразумевающее отношения если не родственные, то очень близкие к тому. И доверительно наклонилась к ее уху. – Ты, по-моему, должна гордиться своей дочерью, Кефрией! Она так тепло и достойно нас приняла! Ты воспитала очень хорошую дочь, Роника... А Малта!.. Кажется, я начинаю понимать, почему мой сын «погиб» буквально на месте!.. О, она совсем молода, как ты меня и предупреждала, но этот юный бутон вполне готов распуститься. И покажите мне того молодого человека, которого не сразили бы наповал такие глаза!.. То-то мой сын положил столько трудов, выбирая подходящие подарки... Честно признаться, когда цветов уже СТОЛЬКО, это вправду выглядит самую чуточку слишком, но вы с Кефрией уж простите моего мальчика, хорошо?

– Конечно простим, ведь что сделано – то уже сделано, и его всяко слишком поздно ругать! – Вместо Роники, пытавшейся подыскать какие-то слова, ответил Давад. Выступив вперед, он накрыл ладонью сомкнутые в пожатии руки Роники и Янни. – Добро пожаловать в дом Вестритов! – сказал он. – Я – Давад Рестар, давнишний друг этой семьи... Для нас большая удача и радость принимать вас под этим кровом, мы почитаем за честь решение Рэйна ухаживать за нашей Малтой... Вы только посмотрите на них – ну разве не прелестная пара?..

Эти речи так разительно отличались от всего, что могла бы произнести по данному поводу сама Роника, что пожилая женщина едва не утратила самообладание. Однако Янни провести было непросто. Она посмотрела на Давада, потом на Ронику и вежливо, но решительно высвободила руку из его хватки.

– Я припоминаю тебя по нашим прежним встречам, торговец Рестар.

В ее тоне звучала явственная прохладца. Уж верно, вышеупомянутые воспоминания были не из самых сердечных.

Но Давад, как с ним чаще всего и бывало, пропустил тонкости мимо ушей.

– Весьма, весьма польщен! – просиял он. – Как приятно, когда тебя помнят!

Он явно полагал, что благополучно «сводит шапочное знакомство», как собирался.

Умом Роника понимала, что должна непременно что-то сказать и некоторым образом спасти положение, но, хоть повесьте, никаких подходящих слов придумать не могла. Пришлось отделываться банальностями.

– Какие дивные цветы, – сказала она. – Поистине, только в Дождевых чащобах можно найти такие цвета и такое благоухание!

Янни переступила с ноги на ногу – совсем чуть-чуть, но этого было достаточно, чтобы она оказалась лицом только к Ронике, как бы тесня и отгораживая Давада выставленным плечом.

– Они правда понравились тебе? Как я рада! Я так боялась, что ты упрекнешь меня за попустительство Рэйну – он в самом деле меры не знает. Я ведь помню, мы договаривались, что подарки должны быть очень простыми...

Уж если на то пошло, Роника вправду считала – Хупрусы изрядно-таки вышли за рамки их первоначальной договоренности. Но прежде нежели она придумала какой-нибудь тактичный способ намекнуть об этом Янни, в разговор опять встрял Давад.

– Простые? – воскликнул он со смехом. – Да какая речь может идти о простоте, если парень от страсти с ума сходит? Прямо вам скажу: если бы я снова помолодел и взялся ухаживать за девушкой вроде Малты, я бы тоже все сделал, чтобы у нее от моих подарков голова кругом пошла!

Тут к Ронике наконец вернулся дар речи.

– Впрочем, – сказала она, – как бы то ни было, юношей, подобных Рэйну, ценят за их собственные качества, а вовсе не за подарки. Нынешнее изобилие и красота, вероятно, как нельзя лучше подходят для их первого представления друг другу, но я уверена, что в дальнейшем его ухаживание примет... чуть более сдержанную тональность.

Говоря так, она делала вид, будто обращается скорее к Даваду, нежели к Янни. Это, как она надеялась, давало ей возможность достаточно прямо высказать свою точку зрения и притом никого не обидеть.

– Вот чепуха! – расхохотался Давад. – Да ты посмотри на них хорошенько! По-твоему, она от него сдержанности ждет?

Малта в самом деле напоминала королеву цветов на троне, воздвигнутом в ее честь. Она сидела в высоком кресле с подлокотниками, держа на коленях большущий букет, а весь пол кругом был сплошь заставлен горшками и вазами с зеленью и цветами. Один ярко-красный цветок был приколот к плечу ее скромного белого платья, другой такой же красовался в высоко зачесанных волосах. Они оттеняли смугловатый тон ее кожи и придавали черным волосам еще больше блеска. Целомудренно потупившись, Малта что-то говорила молодому человеку, внимательно ее слушавшему. Внимательный наблюдатель, однако, мог заметить, что время от времени Малта зорко стреляла в него глазами из-под ресниц, и каждый раз при этом на ее губах возникала едва уловимая улыбка... улыбка довольной кошки.

Рэйн Хупрус был одет во все синее. Со спинки стула, стоявшего неподалеку, свисал снятый им небесно-голубой плащ. Его наряд, традиционный для жителя Чашоб, состоял из штанов свободного покроя и рубашки с длинными рукавами, что позволяло надежно скрывать от случайного взгляда телесные изменения. Рэйн был тонок в поясе, и на талии у него красовался широкий шелковый кушак чуть более темного тона, чем все остальное. Из-под шаровар выглядывали носки черных сапожек. А черные перчатки были с тыльной стороны кисти сплошь расшиты синими кристаллами огня... завораживающе-небрежная выставка несметных богатств, да и только! Голову Рэйна покрывал простой шелковый капюшон, сшитый из того же материала, что и его пояс. Черное кружево вуали полностью скрывало лицо... Впрочем, видеть его было и необязательно. Вся поза Рэйна, наклон головы – все говорило о замороженном внимании, с которым он слушал свою собеседницу.

– Малта очень молода, – сказала Роника. Она решила быстро высказать то, что хотела, прежде чем раздадутся еще какие-то высказывания о положении дел. – Ей недостает мудрости: она не понимает, когда следует отказаться от спешки. Значит, вместо нее соблюдать осторожность следует ее матери и мне. Поэтому мы с Янни и договорились с самого начала, что постараемся оградить наших молодых от каких-либо необдуманных деяний, которые они могут совершить под влиянием сиюминутного чувства...

– Убей меня, чтобы я понимал – почему? – весело перебил Давад. – Что может произойти из сегодняшней встречи, кроме хорошего? Ведь надо же Малте когда-то выходить замуж? Надо! Ну и чего ради ложиться костями на пути двух юных сердец? Сама подумай, Роника!

Ну плохо ли: у Янни будут внуки, у тебя – правнуки. А какие выгодные торговые сделки будут заключены... всеми заинтересованными сторонами!..

Роника испытывала настоящую боль, наблюдая, как Давад правдами и неправдами заворачивает разговор к торговле и выгодным сделкам. Она слишком давно и слишком хорошо знала этого человека. И отлично понимала, чего ради он в действительности явился сюда. Да, он в самом деле был старинным другом семьи. Да, он искренне заботился о Малте, и ему было совсем не все равно, как сложится у нее жизнь... Но самое главное место в его сердце давно и бесповоротно заняла купеческая деятельность и, соответственно, получение барыша. Хорошо это или плохо, просто так уж Давад был устроен, и все тут. Воспользоваться чьей-то дружбой ради того, чтобы снять сливки с какого-нибудь дельца, – это да, это он мигом. А вот рискнуть ради дружбы и потерять хороший навар – такое за ним наблюдалось гораздо реже...

...Все эти мысли успели пронестись в сознании Роники за какую-то долю мгновения. Она видела Давада без всяких прикрас – таким, каким он всегда был. Она никогда не пыталась взвешивать, насколько хорошо это или плохо – иметь подобного друга. Разница в общественных пристрастиях не побудила ее прекратить с ним отношения, в то время как многие старинные семьи не желали больше с ним знаться. Нет, он ни в коем случае не был злодеем. Он просто не слишком задумывался над тем, что творил. Выгоды манили его, и он шел к ним, вляпываясь по дороге в работорговлю, в очень сомнительные делишки с «новыми купчиками»... пытался даже что-то извлечь для себя из ухаживания Рэйна за Малтой. Он вовсе не желал тем самым причинить кому-либо зло. Он просто не рассматривал свои поступки в свете нравственных категорий...

...Что, однако же, отнюдь не делало его безобидным. Например, прямо сейчас он мог, совсем того не желая, оскорбить Янни Хупрус... и, спрашивается, что тогда будет с Вестритами? Ведь у Хупрусов, между прочим, лежала долговая расписка Вестритов за живой корабль «Проказница»... Роника нехотя приняла ухаживание Рэйна за Малтой, будучи твердо уверена: очень скоро юноша сам увидит, насколько она еще молода и не подготовлена к взрослой жизни и отношениям. А еще – если Рэйн начнет ухаживание, а потом прервет его, это даст Вестритам в глазах общества пускай и двусмысленное, но преимущество. Их будут рассматривать как обиженную сторону; после чего Хупрусам в их деловых мероприятиях придется быть более чем корректными... Но если Хупрусы оборвут ухаживание из-за того, что Вестриты поддерживают ненадлежащие связи... О-о, после этого Вестриты будут выглядеть в глазах других старинных семейств в совершенно ином свете. Роника и без того уже ощущала определенное давление, побуждавшее ее прекратить знакомство с Давадом Рестаром. И если это давление перерастет стадию разговоров и нанесет ущерб кое-каким сделкам – вот тут-то ее денежные дела и окажутся в болоте еще поглубже теперешнего...

Самым разумным в данной ситуации было бы «раззнакомиться» с Давадом. Перестать с ним общаться.

Но... Ронику удерживало нечто, именуемое верностью дружбе. Равно как и гордость. Если Вестриты начнут руководствоваться чужими соображениями о том, что хорошо, а что плохо, будущего у них не станет.

Правду сказать, не то чтобы они и сейчас были такими уж хозяевами своей будущности...

Молчание между тем сделалось уже неловким. Однако Роника ощущала лишь ужас пополам с неким болезненным любопытством: «Ну и какую еще нелепицу сейчас отмочит Давад?..»

И только сам он определенно не понимал, куда его занесло. Он лучезарно улыбнулся и начал:

– Так вот, что касается торговых союзов...

Спасение явилось в самый последний момент и, как водится, с весьма неожиданной стороны. К ним торопливо подошла Кефрия. Лишь тончайшая испарина на лбу выдавала ее вол-

нение от того, что Давад успел провести столько времени рядом с Янни. Она тихонько тронула его за рукав и спросила вполголоса, не мог бы он помочь ей на кухне:

– Это займет всего минутку... Слуги засомневались, как правильно открывать некоторые старые вина, которые я избрала для стола... Не присмотришь ли ты, чтобы они все правильно сделали?

Из всех возможных шагов Кефрия предприняла самый верный. Вина и их правильная подача на стол составляли одно из страстных увлечений Давада. И он не просто дал себя увести, а сам поспешил вперед Кефрии; она только успевала кивать – он на ходу уже с самым ученым видом рассуждал о том, как правильно раскупорить бутылку, чтобы ее содержимое оказалось наименьшим образом потревожено.

Роника с большим облегчением перевела дух...

– Удивляюсь, как ты вообще его здесь терпишь, – негромко заметила Янни. Теперь, когда Давад благополучно скрылся из виду, она стояла рядом с Роникой. Она говорила доверительным тоном, так что за музыкой и разговорами в комнате этого не мог услышать никто посторонний. – Я как-то слышала прозвище, которым его наградили: Предатель. Все знают, что он оказывал посреднические услуги «новым купчикам» в их самых противозаконных деяниях... сам он, правда, это яростно отрицает... И все равно ходят упорные слухи, будто именно он стоит за спиной «новых», которые знай подъезжают к Ладлакам с самыми несусветными предложениями, надеясь купить у них «Совершенного»!

– «Несусветными» – это еще мягко сказано, – так же вполголоса согласилась Роника. – Причем главный скандал состоит в том, что семейство Ладлаков эти предложения еще и рассматривает! – И Роника даже позволила себе слегка улыбнуться. И дабы увериться, что та ее вполне правильно поняла, добавила старую поговорку торговцев: – Как ни крути, а чтобы заключить сделку, нужны двое...

– Святые слова, – спокойно кивнула Янни. – Но разве не жестоко со стороны Давада искушать Ладлаков столь щедрыми денежными посулами? Он ведь наверняка знает, в каких стесненных обстоятельствах они сейчас пребывают!

– Большинство старинных семей последнее время чувствуют себя ущемленными. В том числе и Вестриты... Вот мы и цепляемся друг за дружку, какими бы странными ни казались порой наши союзы. К примеру, Давад сегодня зашел предложить мне заимообразно своих слуг, ибо знал, что в нашем доме не прислуга, а слезы, оставшиеся от прежнего штата.

«Вот так, – сказала она себе. – Все прямо и без утайки. Если Рэйн в своем уходе за мной рассчитывает на сокровища, которыми Вестриты более не располагают, пусть он скорее все поймет да и отправляется восвояси...»

Но когда Янни ответила, Ронике пришлось убедиться, насколько она недооценила благородство своей собеседницы.

– Мне известно, что вы испытываете определенные денежные затруднения, – сказала жительница Чащоб. – И я довольна, что мой Рэйн взялся ухаживать за девушкой, для которой необходимость жить по средствам – не пустой звук. Бережливость и скромность всегда были и останутся добродетелями... И конечно, слуги, которых мы с собой привезли, предназначены вовсе не для того, чтобы поставить тебя в неловкое положение. Просто затем, чтобы все мы могли провести некоторое время вполне беззаботно, не мучаясь мыслями о делах.

Насколько понимала Роника, сказано это было вполне искренне.

И она ответила откровенностью на откровенность.

– С Давадом очень непросто дружить, – сказала она. – Иногда я и сама думаю, насколько без него было бы проще. Но все-таки я его не гоню, ибо нахожу такой поступок несправедливым. Я, например, никогда не уважала людей, способных отречься от детей или иных родственников, чем-либо не угодивших семье. Мне-то всегда казалось, долг семейства – вновь и вновь пытаться подсказать и поправить... как бы больно это порою ни было. Так почему надо с иными

мерками подходить к старинным друзьям? Тем более что мы во многих отношениях сами стали Даваду вроде родной семьи... Он ведь, как тебе, вероятно, известно, потерял жену и сыновей во время Кровавого моря...

Ответ Янни застал Ронику абсолютно врасплох.

– Так, значит, – спросила жительница Чашоб, – это неправда, что ты будто бы выгнала Альтию из дому за неподобающее поведение?..

Вот это и называется – сразить наповал! «Неужели именно так считают в городе?.. – ошарашенно подумала Роника. – И слухи успели распространиться до самых Чашоб?..» Какое счастье, что именно в этот момент служанка поднесла им блюдо нежнейшего печенья – неужели того самого, что напекли вчера они с Кефрией?.. Роника рассеянно взяла кусочек печенья, и другая служанка немедленно предложила ей фигурный бокал с каким-то вином из Чашоб. Роника, поблагодарив, взяла бокал и пригубила.

– Прелесть какая! – совершенно искренне похвалила она вино, обращаясь к Янни.

– Как и печенье, – ответила та. И отвела глаза, задержав взгляд на Рэйне и Малте; девушка как раз что-то сказала ему, отчего он рассмеялся. Янни наклонила голову, и Роника поняла, что она улыбается.

Она хотела было воспользоваться случаем и не поднимать более тему, от которой их так счастливо отвлекли. Но потом решила проявить душевную твердость, ибо знала: слухи надлежит душить в зародыше, сразу, как только о них узнаешь. А сколь долго циркулировала в Удачном нелепица об Альтии – знала только Са, Великая Мать Сущего. Быть может, с самого прошлого лета...

И Роника решительно произнесла:

– Я отнюдь не выдворяла Альтию из дому. Скорее, даже наоборот, она ушла отсюда наперекор моей воле. Она была очень угнетена тем, как распределилось наследство. Она ведь полагала, что непременно унаследует «Проказницу», но этого не случилось, и к тому же ей не нравилось, как Кайл управляется с кораблем. Произошла жестокая ссора, и она ушла... – Говорить было очень трудно, но Роника заставила себя прямо смотреть в непроницаемое кружево, скрывавшее лицо Янни, и добавила: – Я не знаю, где она теперь и чем занимается. Но если бы прямо сейчас она постучала в эту дверь, я от всего сердца раскрыла бы ей объятия...

Ей показалось, будто она ощутила ответный взгляд Янни, полный сочувствия.

– Кажется, я задала неуместный вопрос... Не обижайся, прошу тебя. Я всегда так: предпочитаю говорить без обиняков... Я совсем не хотела задеть тебя. Просто мне всегда казалось, что честные речи не должны оставлять места для недопониманий!

– Вполне разделяю твои чувства... – Роника посмотрела туда же, куда и ее гостя, – на Рэйна с Малтой. Малта, опустив головку, отвела глаза; на щеках у нее цвели розы, но глаза были веселые. Рэйн явно разделял ее веселье. Он все пытался рассмотреть выражение ее опущенного лица...

– Тем более, – добавила Янни, – внутри семьи никаких секретов быть не должно, так ведь?

...Все было замечательно и чудесно. Гораздо замечательней и чудесней, чем Малта когда-либо отваживалась воображать! «Вот, значит, как оно, когда с тобой по-человечески обращаются!..» Именно такого жаждала ее душа, сколько она себя помнила. И теперь сполна упивалась сладостью каждого мгновения. Воздух кругом был пропитан ароматами цветов. Ее угощали всеми видами дивных лакомств, какие только она была способна вообразить. А уж Рэйн!.. Само внимание и утонченность. Малта пыталась придумать хоть что-нибудь, что могло бы еще более украсить этот счастливый день... и не могла. Ну разве только присутствие двух-трех подружек, которые тихо помирали бы от зависти, наблюдая ее торжество... Оставалось воспользоваться воображением. Они могли бы сидеть во-он там – Дейла, Киттен, Карисса и Поля, – и Малте

предлагали бы все новые подносы с едой и питьем, а она, выбрав питье или лакомство по вкусу, отсылала бы остальное своим подружкам. Потом, попозже, она тепло извинилась бы перед ними за то, что у нее совсем не нашлось для них времени, – ах, ей так стыдно, но что поделаешь, если она была так занята, так занята... с Рэйном! Но, ах, ведь они понимают, что за существа эти мужчины!.. И тут она этак по-свойски им улыбнется: мы-то, мол, знаем! И вскользь упомянет некоторые комплименты из тех, что он ей расточал, повторит одну-две остроты...

– Позволено ли мне будет спросить, чему ты так мило сейчас улыбаешься? – вежливо осведомился Рэйн. Он стоял на таком расстоянии от ее кресла, которое можно было назвать вполне почтительным, но которое в то же время не мешало оказывать ей всяческое внимание. Малта предлагала ему сесть, но он ее предложением не воспользовался.

Она подняла глаза к его закрытому вуалю лицу... Вот это было нечто, определенно портившее ее сбывшуюся мечту. Ибо кто знал, что за кошмарная рожа могла обнаружиться под этой вуалью?.. Может, и не зря ворочался у нее глубоко в животе маленький червячок страха и беспокойства?.. Конечно, она не позволила ничему подобному проявиться в выражении своего лица. И ее голос остался выверенно-веселым.

– Я просто подумала, как было бы славно, если бы несколькими моим подругам разрешено было разделить со мной нынешний праздник!

И Малта грациозным жестом обвела замечательно разукрашенную комнату.

– А я, признаться, думал о прямо противоположном... – отвечал он. Голос у него, кстати, был очень приятный. Очень культурный и... до невозможности мужественный. И когда он говорил, дыхание слегка шевелило вуаль на лице.

– О противоположном? Как это? – спросила она. И даже подняла бровь, чтобы подчеркнуть свое изумление.

Он ни на йоту не сдвинулся с места, где стоял, лишь понизил голос, как будто они с нею остались с глазу на глаз:

– Я думал о том, как будет славно, когда я заслужу твое полное доверие и нам позволено будет видаться наедине.

Увы, Малте приходилось руководствоваться лишь его голосом и осанкой. Ни тебе движения бровей, ни застенчивой улыбки, сопровождающей эти слова. Ей и прежде доводилось разговаривать с мужчинами... даже слегка флиртовать, если поблизости не было ни бабки, ни матери... но никогда прежде мужчина не бывал с нею так откровенен. Это и пугало, и пьянило, словно игристое вино! И вот она сомневалась и медлила с ответом, сознавая в то же время, как пристально он изучает ее ничем не прикрытое лицо. Как бы она ни старалась совсем стереть с него всякое выражение – увы, невозможно. Но как прикажете улыбаться и заигрывать, если не знаешь, какого рода лицо светится ответной улыбкой – обычная физиономия... или покрытая бородавками звериная морда?!

Может быть, именно поэтому в ее голосе прозвучал едва ощутимый холодок.

– Мне думается, прежде всего нам надо решить, следует ли вовсе начинать это ухаживание... Разве не этому должна быть посвящена наша первая встреча? Ведь мы, кажется, должны понять, подходим ли мы друг другу?..

Он негромко фыркнул: ее слова рассмешили его.

– Госпожа моя Малта, – сказал он, – давай оставим это развлечение нашим матерям, твоей и моей! Это их игра; смотри, как они кружатся, ну прямо борцы на ринге! Они ждут, чтобы другая хоть как-то открылась, чтобы продемонстрировала слабость... Ведь это им заключать сделку, которая нас с тобой свяжет. И право же, она будет очень выгодной для обеих семей...

И он кивнул ей – еле заметно, впрочем, – туда, где стояли Янни Хупрус и Роника Вестрит. И правда – выражения лиц (по крайней мере, у Роники, не носившей вуали) были заученно-

радушные, но в позах обеих чувствовалась некая внимательная напряженность. Здесь явно происходило какое-то словесное состязание.

– Это моя бабушка, а вовсе не мать, – заметила Малта. – И я не понимаю, почему ты говоришь о нынешней встрече как о какой-то игре? Я-то думала, происходит нечто серьезное... По крайней мере, для меня это именно так! А для тебя, значит, это все пустяки?

– Я никогда не сочту за пустяк ни одно мгновение, проведенное в твоём обществе. В этом ты можешь не сомневаться... – Он помолчал, но потом решил говорить прямо: – С того мгновения, как ты открыла сновидческую шкатулку и мы вместе погрузились в мир твоего воображения, я знал: никто и ничто не удержит меня от нынешнего сватовства. Твоя семья пыталась приглушить мои надежды, заявив, что ты еще ребенок, а не взрослая женщина... Смешно, право же! Но в этом и заключается игра, о которой я говорил, – игра, которую затевают все семьи, чьи дети выказывают намерение пожениться. Придумываются всевозможные препятствия, нагромождаются отговорки... Которые затем благополучно исчезают, будучи уравновешены достаточным количеством подарков и деловых преимуществ... Впрочем, к лицу ли нам обсуждать проблемы столь меркантильного свойства? Эти дела касаются кошелька, но ни в коей мере не сердца. Они ничего общего не имеют с моим влечением к тебе, Малта... – Он говорил быстро, уже не заботясь ни о каких правилах светского обхождения. – Я жажду быть с тобой, Малта. Обладать тобой... разделять с тобой каждую тайну своего сердца... И чем скорее моя мать согласится со всеми требованиями, выдвигаемыми твоей семьей, тем и лучше. Так и передай своей бабушке... Скажи ей: пусть требует все, что захочет, а уж я прослежу, чтобы Вестриты все получили... Только чтобы мне довелось как можно скорее прижать тебя к сердцу!

Услышав такое, Малта даже ахнула и чуть отшатнулась. Это не было наигранным жестом, но Рэйн неверно рассудил о причине. Он отступил прочь и с величайшей серьезностью наклонил голову, покрытую капюшоном:

– Прости меня, умоляю. – Его голос прозвучал хриловато. – Мое проклятие – слишком длинный язык, который выбалтывает все, что у меня на сердце, прежде чем разум успеет вмешаться... Я, наверное, показался тебе грубияном... пытаящим самцом, идущим по твоему следу... Уверяю тебя – это не так! С того мгновения, как я увидел тебя возле Зала Торговцев, я понял: во мне обитает не только рассудок... но и душа! Ведь прежде того я был всего лишь умным орудием, служившим по мере сил процветанию и выгодам моего семейства. Когда мои братья и сестры принимались рассуждать о страстной привязанности, я не мог взять в толк, о чем это они говорят... – Он помолчал, переводя дух, потом негромко рассмеялся. – Если ты хоть что-нибудь знаешь о нас, жителях Чащоб, тебе, должно быть, известно: мы выказываем сердечную склонность в весьма раннем возрасте и не медлим со свадьбами. Так вот, с точки зрения обычаев моего народа я всегда был паршивой овцой. Кое-кто даже говорит, будто меня слишком околдовала моя работа, что я вовсе не способен испытать любовь к человеческому существу... – В голосе Рэйна прозвучало презрительное отвращение. Он потрянул головой и продолжал: – Некоторые шепчутся, что я будто бы евнух, не знающий мужской страсти. Я слышал эти слова, но они меня не беспокоили... Я-то знал: у меня есть сердце, способное гореть и пылать, но оно пока спит, и что толку без дела будить его?... Я читал и разгадывал древние письма, я разбирал и постигал непонятные механизмы, и это в достаточной мере занимало все мои помыслы... Как я был недоволен, когда моя мать потребовала, чтобы я сопровождал ее на собрание в Удачный! И куда только подевалось все мое раздражение в тот самый миг, когда я набрался решимости заговорить с тобой!.. Прикосновение пробуждает джидзин, и он начинает светиться... Точно так и твой голос пробудил мое сердце, и во мне проснулось желание. Неуправляемая мальчишеская надежда побудила меня подсунуть тебе сновидческую шкатулку... Я был уверен, ты не откроешь ее. Я был уверен, такая, как ты, развеет мою мечту еще прежде, чем я успею ее с тобой разделить... Но ты поступила совсем не так! Ты открыла посла-

ние моей души... И поделилась видением такой колдовской силы... ты прошла со мной по моему городу, и твое присутствие оживило его! Ибо я всегда представлял свое сердце городом – холодным, молчаливым, туманным... Теперь ты понимаешь, что все это значило для меня?

...Малта слушала его страстные речи едва ли вполуха. Ее разум и чувства были заняты тем, что он произнес перед этим. Все, чего она пожелает!!! Он проследит, чтобы его семья согласилась!!! Все, что угодно!!! Было от чего прийти в замешательство и сладостный, но испуг!.. «Я не должна просить слишком многого: он решит, что я жадная, и это может охладить его страсть. Но нельзя и претендовать на слишком малое: он решит, будто я дурочка или что моя семья совсем не ценит меня. Нет... Тут надо хорошенько подумать, за которую ниточку дергать...»

И такая ниточка подвернулась немедленно. Малта вспомнила об отце: был бы он дома, уж он дал бы ей верный совет, как не проторговаться в пух и прах, но и не продешевить!.. И само собой явилось решение: ей следовало просто тянуть переговоры до тех пор, пока не вернется отец.

– Молчишь... – заметил Рэйн удрученно. – Я обидел тебя.

Малта немедленно ухватилась за предоставленную возможность. Пусть он мучится, пусть сомневается, но не теряет надежды! Она изобразила робкую, боязливую улыбку:

– Я просто... совсем не привыкла... я имею в виду, что до сих пор никто не говорил со мной о подобном... – И замолкла с видом полной растерянности. Потом вздохнула, как бы собираясь с мыслями. – Как бьется сердце... Иногда, когда я пугаюсь, я... Не мог бы ты мне принести немного вина?..

Она подняла руки и чуть похлопала себя кончиками пальцев по вискам, словно борясь с нахлынувшими чувствами. «Тот сон, что мы с ним видели вместе, – думала она в это самое время. – Поверит он после этого, будто я до того уж нежная и утонченная, что едва в обморок не падаю от его откровенного признания?.. Или не поверит?..»

Он поверил. Он поспешил за вином, и было что-то в напряжении его плеч, что безошибочно сказало ей: Рэйн близок к панике. Он подхватил с ближайшего буфета стакан и так торопливо наклонил над ним бутылку вина, что напиток едва не перелился через край. Когда же он принес и протянул ей вино, Малта чуть отстранилась, словно бы страшась принять стакан из его рук. Рэйн, кажется, едва слышно охнул, а у Малты (каких усилий это ей стоило!) возникла на губах трепетная улыбка. Кто угодно мог бы сказать по ее виду, что она призвала на помощь все свое мужество, дабы взять стакан, поднести его к губам и отпить деликатный глоток. Вино, кстати, было великолепное. Малта опустила стакан и тихо вздохнула:

– Спасибо... Мне уже лучше...

– Я заставил тебя так разволноваться, а ты еще меня же и благодаришь!..

Она старательно округлила глаза и подняла на него взгляд:

– О, нет-нет, это я сама во всем виновата, – выговорила она со святым простодушием. – Наверное, я показалась тебе такой глупенькой, начала дрожать от самых простых слов!.. Мама, видно, не зря предупреждала меня: я совсем еще толком не понимаю, что это значит – быть женщиной... Наверное, она и это имела в виду... – Малта сделала легкий жест, обводя рукой комнату. – Ты сам видишь, мы тут ведем тихую и скромную жизнь... Я выросла под крылом у мамы и бабушки, плохо зная жизнь, и, наверное, это сказывается. Я слишком привыкла к тому, что моя семья вынуждена жить очень просто, по средствам... Хотя это и лишило меня определенных возможностей... – Она еле заметно передернула плечами и продолжала тоном исповеди: – Я настолько не привыкла беседовать с молодыми людьми... Я могу не так что-нибудь истолковать... – Она сложила руки на коленях и скромно потупилась. – Я буду старательно учиться, а до тех пор, боюсь, мне придется просить тебя о терпении и снисхождении. – И на него был брошен взгляд сквозь опущенные ресницы. Добивать так добивать! – Я лишь надеюсь, что не покажусь тебе тупой и скучной... что ты не разочаруешься, будучи вынужден

наставлять меня в самых простых вещах... Не сочтешь меня такой уж безнадежной простушкой... Жалеть ли мне, что у меня никогда не было другого поклонника? Я почти жалею: ведь тогда я хоть что-нибудь знала бы о путях мужчин и женщин... – Опять движение плечика, тихий вздох. Малта на несколько мгновений задержала дыхание, надеясь, что к щекам прильет кровь. А потом прошептала, ни дать ни взять задыхаясь от собственной дерзости: – Признаться, в ту ночь, когда я открыла сновидческую шкатулку и увидела сон... я почти ничего в нем не уразумела. – И, не поднимая глаз, обратилась к нему с милой мольбой: – Ты не мог бы объяснить мне, что и как следует понимать?

Ей не было никакой нужды видеть его лицо. Ей не потребовалось даже оценивать его осанку и поворот головы. Она уверилась в своей полной и окончательной победе, когда Рэйн ответил:

– Для меня нет большего удовольствия, нежели быть твоим наставником в этих вещах, Малта...

Глава 8

Погружения

Он... перестал! – В голосе Проказницы смешались ужас и изумление.

– Нет!!! – завопил Уинтроу. Его голос, голос мужающего подростка, сорвался и прозвучал тонко, по-детски.

Резким движением оттолкнувшись от поручней, он крутанулся и во всю прыть кинулся с бака на главную палубу. Бегом промчался по ней, прыгнул на трап... Так вот что заставляло пирата так яростно цепляться за жизнь. Токмо и единственно страх перед смертью! И вот, когда Уинтроу с Проказницей убедили его отказаться от этого страха, он попросту оставил борьбу. Вот так...

Оказавшись перед дверью капитанской каюты, Уинтроу не стал тратить время на вежливый стук – попросту влетел через порог. Этта, щипавшая корпию, вскинула голову с видом недоумения и негодования. Когда же Уинтроу ринулся прямо к постели капитана, она все уронила прямо на пол и попыталась остановить его:

– Не смей будить его! Он наконец-то уснул...

– Последним сном, – буркнул Уинтроу. И плечом отпихнул ее с дороги.

Склонившись над пиратом, он схватил его за руку, окликая по имени. Никакого ответа! Уинтроу потрепал Кеннита по щеке – сначала легонько, потом закатил ему полновесную оплеуху... Ущипнул капитана за щеку – осторожно, потом сильнее. Он пытался добиться хоть какой-то реакции... Все тщетно. Кеннит не дышал.

Он был мертв.

Кеннит погружался в темноту, опускаясь в нее плавно и медленно, точно осенний листок, слетающий с ветки. Ему было так тепло и покойно. Слегка мешала лишь серебристая нить – ниточка боли, еще привязывавшая его к телу... и к жизни. По мере погружения нить все истончалась. Скоро она совсем сойдет на нет, и это будет означать полное освобождение от плоти. Это была малость, не стоившая его внимания. Собственно, ничто и не стоило внимания. Он уходил от себя, чувствуя, как расширяется сознание. Никогда прежде он не понимал, до чего скованы и стиснуты мысли человека, заключенного в темницу брэнного тела. Всякие мелкие глупости, грошовой треволнения и мечты... ни дать ни взять – моряцкое барахло, беспорядочно впихнутое в брезентовую кису!¹⁸ То ли дело теперь, когда его помыслы могут обособиться и каждая мысль обретет свое собственное величие...

Совершенно неожиданно его потянуло в сторону. Его властно затягивала чья-то настойчивость, и воспротивиться ей он не мог. Очень неохотно Кеннит поддался... И почувствовал, что им полностью завладели, но вроде как не знают, что же делать с ним дальше! Он растерянно погрузился в это чужое присутствие... Ощущение было такое, точно он нырнул в кипящий котелок с рыбной похлебкой. То одно всплывет на поверхность, то другое, то третье, но лишь для того, чтобы сразу исчезнуть. Кеннит увидел себя женщиной, что чесала длинные волосы, задумчиво глядя в морскую даль... Потом он стал Ефроном Вестритом, и во имя Са он собирался довести этот груз в целостности и сохранности, как бы ни бушевал шторм!.. А потом он ощутил себя кораблем, и холодная морская вода ласково мурлыкала, убегая под киль, а внизу сверкали серебром рыбы, и звезды смотрели на него с ночных небес... А за ними всеми, глубже и некоторым образом выше, чувствовалась еще одна индивидуальность. Она расправляла крылья и парила в солнечном воздухе летнего дня... И она-то притягивала его сильнее

¹⁸ *Киса* – плотный парусиновый мешок с ручками и завязками. Матросы парусного флота держали в таких мешках свои личные вещи. В кисах разного размера могут также храниться паруса, сигнальные флаги и прочее имущество.

всех остальных, и, когда токи воздуха понесли ее прочь от него, Кеннит попытался за нею последовать.

Нет! – ощутил он чей-то ласковый, но твердый запрет. – *Нет. Я не устремляюсь туда, и тебе там тоже не место.*

Нечто удерживало его от полета... удерживало его в целостности. Он чувствовал себя как дитя в объятиях матери. Он был защищен, он был любим. Она души в нем не чаяла. Он удобнее устроился у нее на руках... Она была кораблем – дивным разумным кораблем, который он завоевал. Пробуждение этого воспоминания было точно свежее дуновение на еле тлевшие угли его бытия. Он разгорелся ярче... и почти сразу вспомнил, кем был он сам. Но этого ему не хотелось, совсем не хотелось. Он неосознано повернулся и теснее прижался к ней, вливаясь в нее, становясь ею. Дивным, дивным кораблем, лежащим на ласковой ладони моря, бегущим вослед беззаботному ветру... *Я – это ты, а ты – это я. Когда я – это ты, я – чудо, и я – сама мудрость...* Он ощутил, как позабавила ее его лесть, но только это была совсем не лесть. *Пребывая в тебе, я мог бы стать совершенным,* – сказал он ей. Он так хотел раствориться в ее существе. Но не получалось – она ограждала его, удерживала его целостность.

Потом она снова заговорила, но ее слова были предназначены не ему, а кому-то другому. *Я держу его,* – сказала она. – *Вот. Возьми его и вложи на место. А то я не знаю, как это сделать!*

Ей ответил мальчишеский голос. Неуверенный и тонкий, он был похож на струйку дыма, увиденного с громадного расстояния. Он запинаясь от страха. *О чем ты говоришь? Я не понимаю! Как это – ты его держишь? И как это я могу взять его? Да еще куда-то вложить?! Куда?!* Отчаянная мольба юного голоса заставила что-то в нем самом зазвенеть в ответ, пробуждая эхо другого мальчишеского голоса, такого же полного отчаяния, такого же молящего. *Пожалуйста... Я не могу это сделать... Я не знаю как... И я не хочу, господин мой, пожалуйста, не надо... пожалуйста...* Это звучал запретный голос, сокрытый голос, тот, который никогда и ни в коем случае не должен был раздаваться... и тем более достигать чьих-то ушей. Никогда, ни при каких обстоятельствах!.. Кеннит всем существом бросился на него, обнял собой этот голос и вынудил замолчать. Он вобрал его в себя, чтобы понадежнее спрятать... И тем самым было уничтожено раздвоение, издавна служившее ключом к его личности. Кеннит ощутил гневную дрожь: они вынудили его опять стать собою самим. Да как они осмелились!..

Вот так, – неожиданно сказала она тому, другому. – *Вот так, правильно. Ищи его части и соединяй их в одно.* – И добавила осторожней и тише: – *Есть места, где вы с ним почти совпадаете... Вот с них и начни.*

Что ты имеешь в виду – «мы с ним совпадаем»? Каким это образом?.. Как это возможно?

Я только хотела сказать, что в некоторых отношениях вы с ним схожи. У вас гораздо больше общего, чем вы осознаете. Не бойся же его. Возьми его. Восстанови его...

Он прижался к сущности, бывшей кораблем, еще плотней прежнего. Он ни в коем случае не хотел допустить, чтобы их разделили. Он этого не позволит!.. Не зная, как удержаться, он попробовал сплестись с нею примерно так, как из отдельных прядей сплетается единый канат. Она не отталкивала его... но и не принимала в себя. И вместо чаемого слияния он ощутил себя еще надежней собранным воедино. Его все еще держали на руках, но при этом протягивали, передавали другой сущности – и принадлежавшей ей, и в то же время отдельной.

Вот. Возьми его. Вложи его назад.

Соединение этих двух сущностей было до невозможности сложным. Они очень любили друг друга и в то же время всячески боролись за то, чтобы не слиться воедино. Если представить себе их родство как пейзаж, то на нем лесными пожарами горели возмущения, обиды и ссоры. Кеннит никак не мог разобраться, где же начинался один из них и кончался другой... и при этом оба являли величие души, никак не могущей быть достоянием одного отдельного

существа. И над обоими разворачивались крылья древнего существа. Они одновременно осе-няли, защищали... и повергали их в тень, только вот ни он, ни она этого не сознавали. Слепые, смешные маленькие существа, барахтавшиеся в пучине любви, которую оба упорно не желали признавать... Чтобы победить, от них требовалась сущая малость – уступить, сдаться! – но они никак не могли этого постичь. Между тем то, чем они могли бы стать вместе, было до того захватывающе прекрасно, что Кенниту было больно даже думать об этом. Именно о такой любви он грезил всю свою жизнь, – о любви, которая искупила бы все его ошибки и возвела его к совершенству... А эти глупыши в ужасе шарахались именно от того, чего он превыше всего желал!..

Вернись... Пожалуйста, вернись... – Это был голос мальчишки, в нем звучала мольба. – *Пожалуйста, Кеннит! Выбери жизнь!..*

Произнесенное имя оказало магическое воздействие. Оно определило и связало его. И мальчишка это почувствовал. *Кеннит*, – повторял он снова и снова. – *Кеннит... Пожалуйста, Кеннит, живи...* Слова прикасались к нему, и с каждым прикосновением он... твердел. Воспоминания сползали к имени и прирастали к нему, закрывая старую рану, рассекшую его жизнь.

Отпустите меня! – взмолился он наконец. Ему даже удалось нащупать имя мучителя: Уинтроу. – *Пожалуйста, Уинтроу, отпусти меня, дай мне уйти...* Он надеялся, что имя свяжет мальчишку так же, как его собственное связало его самого. Но получилось почти наоборот: оно отнюдь не подчинило Уинтроу его воле, зато отделаться от мальчишки стало уже невозможно.

Кеннит! – обрадовался маленький пристава. – *Помоги же мне, Кеннит! Вернись в себя, Кеннит! Стань опять самим собою! Вернись в свою жизнь, продолжи ее...*

И вот тут произошло нечто любопытное и очень странное. Уинтроу так страстно приветствовал самоосознание Кеннита, а тот до того остро чувствовал его присутствие, что в некоторый момент они... слились! Воспоминания хлынули общим потоком помимо воли их обладателей. Маленький мальчик неслышно плакал в ночи: наутро его должны были отослать из дома в монастырь. Другой мальчик скулил от ужаса, видя, как какие-то люди смертным боем бьют его отца – его самого крепко держал хохочущий мужчина... А вот мальчик, который корчится и вскрикивает от боли: у него на бедре делают татуировку – звезду о семи лучах. И еще мальчик, он медитирует: перед ним летят в облаках драконы, а в кипящих морских водах мелькают тени стремительных змеев. Мальчик, пытающийся бороться со своим мучителем, а тот душит его, принуждая к повиновению... Мальчик сидит над книгой, сидит уже очень долго, ничего не замечая вокруг, – он слишком увлечен чтением... Мальчик задыхается в рабском ошейнике, силясь не дать нанести себе на лицо невольничью татуировку... Мальчик проводит бесконечные часы, постигая сложную науку красивого выведения букв. Мальчик прижимает руку к палубе, отказывая себе в праве кричать, хотя острый нож отрезает его воспаленный палец от тела... И мальчик, что улыбается, взмокая от счастья, – ожог уносит татуировку с его бедра...

Корабль был прав. У них в самом деле оказалась масса общего, множество точек, в которых они совпадали духовно. Этого нельзя было отрицать. Они слились, они стали друг другом... И опять произошло разобшение.

Кеннит снова осознал, кто он и что он. А Уинтроу содрогнулся при мысли о том, в каком кошмаре, оказывается, прошло раннее детство пирата. И в следующий момент сознание Кеннита захлестнула волна сострадания. Она исходила от мальчишки. Уинтроу тянулся к нему и в своем неведении пытался приживить на место те части его личности, которые тот сам давно отсек по собственной воле. *Но это же часть тебя! Ты должен это хранить!* – настаивал Уинтроу. – *Ты не можешь отделять и отбрасывать части своей души просто потому, что они причиняют тебе боль! Признай их – и живи дальше!*

Мальчишка попросту понятия не имел, о чем взялся рассуждать. То хнычущее, жалкое, покалеченное существо ни в коем случае не имело права быть законной частью Пиратского Капитана Кеннита. И Кеннит стал защищаться от него – так, как делал это всегда. С презрением и яростью он оттолкнул Уинтроу, разрывая общность чувств, едва успевшую между ними возникнуть... Но в последний миг, пока еще не нарушилась связь, он успел ощутить, что причиняет Уинтроу боль. И... впервые за много лет почувствовал ожог раскаяния. Однако поразмыслить о случившемся не успел. Откуда-то, из неимоверного далека, донесся женский голос, называвший его по имени.

– Кеннит!.. О мой Кеннит... Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не уходи от меня! Кеннит!..

Разлилась неизбежная боль и обозначила контуры его тела. Некий груз давил ему на грудь, а одна нога кончалась... как-то неправильно. Он глубоко втянул в себя воздух. Горло так и горело от крепкого спиртного и желчи. Потом Кеннит поднял веки. Это оказалось не легче, чем в одиночку вытаскивать якорь. Свет, хлынувший в открытые глаза, был слишком ярок. Он бил в самый мозг, он обжигал.

Шлюха держала его за левую руку и рыдала над ней. Мокрое от слез лицо, растрепанные волосы, пронзительные вскрики... Невыносимо, поистине невыносимо. Он хотел было выдернуть у нее руку, но сил не хватило.

– Этта... Да прекрати ты наконец! Пожалуйста...

Вместо голоса получилось какое-то хриплое карканье.

– О Кеннит!.. – Теперь она рыдала уже от счастья. – Ты не умер! Любовь моя, ты не умер!..

– Воды, – выговорил он, в равной степени желая утолить жажду и избавиться от вида плачущей Этты.

Она бросилась исполнять его просьбу, едва ли не прыжком одолев расстояние до буфета на другом конце каюты, где стоял графин. Кеннит сглотнул, пытаясь хоть так пока прочистить горло, и рассеянно попробовал спихнуть со своей груди то тяжелое, что на нее давило. Его пальцы зарылись в чьи-то волосы. Коснулись залитого потом лица... Кое-как капитан умудрился чуть приподнять голову от подушки и посмотреть, что же там такое у него на груди. Это оказался Уинтроу. По всей видимости, мальчишка сидел на стуле подле постели да так и свалился вперед, прямо на больного. Глаза Уинтроу были закрыты, лицо приобрело жуткий цвет несвежего теста... А по щекам пролегли влажные дорожки слез. Уинтроу плакал из-за него, Кеннита... И странное, сбивающее с толку чувство волной накрыло пирата. Голова мальчишки лежала у него на груди, еще больше затрудняя дыхание. Надо было бы его отпихнуть, но тепло его волос и кожи под ладонью пробуждало нечто далекое, давно и прочно забытое... Ему даже показалось, здесь был он сам, заново воплощенный в теле Уинтроу. Он бы мог защитить этого паренька так, как никто не защитил в свое время его самого... У него хватило бы могущества не подпустить к Уинтроу те разрушительные силы, что когда-то давно переломали жизнь ему самому...

Ведь, в конце-то концов, они с ним были не так уж различны. Это сказал корабль. И значит, защитить Уинтроу – вроде как спасти себя самого...

Ощущение собственного могущества порождало внутри очень странное чувство. Оно сулило утоление глубинного голода, который, оказывается, жил в нем безымянным со времен его детства. Но вдосталь подивиться ему Кеннит не успел. Уинтроу открыл глаза. Его зрачки были темны и расширены, отчего взгляд был удивительно незащитным. Он посмотрел в лицо Кенниту с выражением бездонной скорби, которая, впрочем, мгновенно сменилась изумлением. Мальчик поднял руку и коснулся щеки Кеннита.

– Живой, – выдавил он благоговейным шепотом. Голос плохо повиновался ему, как бывает с тяжело больными, но в глазах постепенно разгоралась радость. – Ты... весь рассыпался, – продолжал он. – Словно витраж... на маленькие кусочки. Из скольких частиц, ока-

зывается, состоит человек... я и не знал... Но все-таки ты вернулся! – И он зажмурился. – Спасибо тебе, спасибо... Я совсем не хотел умирать. – Уинтроу проморгался и стал больше похож на себя прежнего. Он поднял голову с груди Кеннита и огляделся кругом, явно плохо соображая, что к чему. – Я, кажется, сознание потерял, – выговорил он еле слышно. – Я был в таком глубоком трансе... как никогда прежде... Бيرانдол предупреждал меня... Я еле-еле нашел дорогу назад. Мне повезло... – Попытавшись выпрямиться, он тяжело откинулся на спинку своего стула. И нетвердым голосом добавил: – Кажется, нам обоим здорово повезло...

– С моей ногой что-то не так, – сообщил ему Кеннит. До чего ж легче говорить и дышать, когда на груди у тебя не лежит ничья голова. И можно наконец-то сосредоточиться на том, что творится внутри искромсанного тела.

– Ты ее просто не чувствуешь. Я обмазал ее вытяжкой из коры плодов квези, чтобы на некоторое время убрать боль. Так что ты бы поспал, пока можешь. Боль ведь вернется... У нас очень немного лекарства, так что все время обезболивать не получится...

– Уйди, ты мешаешь, – резко прозвучал голос Этты.

Уинтроу виновато дернулся со стула. Она стояла с ним рядом, держа чашку с водой. На самом деле Уинтроу ей ничуть не мешал; обошла бы постель с другой стороны – вот и все. Но мальчик сразу понял, что она имела в виду.

– Прошу прощения... – извинился он торопливо. И поднялся. Прошел два шага в направлении двери... и, внезапно обмякнув, словно из него разом выдернули все кости, грудой мятого тряпья повалился на пол. И остался лежать. Он потерял сознание.

Этта раздраженно дернула головой:

– Сейчас позову какого-нибудь матроса, чтобы вытащил его вон...

Чашка, полная воды, отвлекла пирата от малоприятного созерцания мальчика, неподвижно лежащего на полу. Прохладная рука Этты проникла под его затылок и помогла приподнять голову. Жажда поистине заслоняла для Кеннита весь мир. Вода была из корабельных запасов – не теплая, но и не холодная, заметно отдающая бочкой, где ее хранили. Она показала Кенниту живительным нектаром. Он выпил ее всю до капли и, когда Этта отняла чашку от его губ, хрипло потребовал:

– Еще!..

– Сию минуту, – пообещала она.

И поспешила за водой. Он следил за нею глазами. Его взгляд мимолетно скользнул по обмякшему телу мальчика на полу. Он даже вспомнил: минуту назад с этим мальчиком было что-то связано, что-то очень важное... он даже собирался велеть Этте что-то сделать по этому поводу... Но что именно – теперь вспомнить не мог. Зато он испытал новое и неожиданное ощущение. Он как бы начал подниматься, всплывать над постелью. Это было очень тревожно и в то же время приятно.

Этта прибежала с водой, и он опять выпил все до дна.

– Я могу летать, – сообщил он женщине. – Теперь, когда нет боли, я обрел способность летать. Это боль приковывала меня к одному месту...

Она с бесконечной любовью улыбнулась ему.

– Ты слегка бредишь, – сказала она. – У тебя голова кружится. А может, еще бренди не совсем выветрился.

Он кивнул. Стереть с губ дурацкую улыбку было выше его сил. Его захлестнула волна благодарности – ни к кому конкретно, такой благодарности вообще. Он столько времени терпел эту боль, жил с ней, а вот теперь она исчезла, ее больше нет. Какое счастье! Какое чудо!.. Благодарность заполонила весь мир...

А ведь сделал это, между прочим, мальчишка.

Кеннит посмотрел на Уинтроу, по-прежнему лежавшего на полу все в той же позе.

– Какой славный парнишка, – проговорил он с любовью. – Он так нужен нам... мне и кораблю. – Его неудержимо клонило в сон, но все-таки он сумел еще раз удержать взгляд на лице женщины. Она как раз гладила его по щеке. Некоторым чудом он умудрился выпростать руку и даже взять ее за запястье. – Позаботься о нем ради меня, хорошо? – сказал он Этте. Ее взгляд скользнул по его лицу: от губ к глазам. Кеннит же обнаружил, как трудно, оказывается, заставить собственное зрение воспринимать ее лицо целиком. Какая это работа – переводить глаза с одного предмета на другой!.. – Я буду на тебя рассчитывать... насчет него... лады?

– Ты в самом деле этого хочешь? – выговорила она как будто против воли.

– Более всего на свете, – объявил он с немалой страстью. – Будь добра к нему...

– Если вправду такова твоя воля – буду, – произнесла она весьма неохотно.

– Хорошо... хорошо. – И он легонько сжал ее пальцы. – Я знал, что мне стоит только тебя попросить. Теперь я посплю...

И его глаза снова закрылись.

Когда Уинтроу очнулся и начал воспринимать окружающий мир, он обнаружил, что под головой у него подушечка, а сверху наброшено одеяло. Лежал он, впрочем, по-прежнему на полу в капитанской каюте. Он попытался сообразить, что к чему и в какой отрезок жизни его занесло. Он помнил довольно бессвязный, отрывочный сон: разбившийся витраж, а за ним прячется перепуганный мальчик. Этот витраж... Уинтроу сумел собрать его воедино. И мальчик был благодарен ему... Нет. Не так. Во сне он сам был этим мальчиком... Нет, опять не так. Он собирал по кускам какого-то человека, а Бирандол и Проказница, отделенные от него занавесом воды, помогали советами. А еще там присутствовали морской змей и дракон... Точно присутствовали. И звезда о семи лучах, причинявшая жуткую боль. А потом он проснулся, и Этта разгневалась на него, и...

Ничего не получалось. Он по-прежнему не мог в точности вспомнить, что за чем произошло и что все это значило. Такой длинный день... И этот день оказался разбит на кусочки, из которых никак не выстраивалось целое. Он знал: не все произошло наяву, кое-что и приснилось. Но были и фрагменты неумолимо реальные. Например, такой: после полудня он вот этими руками кому-то отрезает ногу. Режет ножиком плоть, пилит кость... Ох! Ну уж этого ни в коем случае взаправду произойти не могло...

Уинтроу закрыл глаза и потянулся к Проказнице. Он чувствовал ее; он всегда чувствовал ее, когда бы ему ни доводилось тянуться к ней. Между ними всегда была общность, не нуждавшаяся в словах. Он и теперь чувствовал ее... и то, что ее внимание было привлечено чем-то другим. Нет, не то чтобы он сделался ей неинтересен; просто ее слишком увлекало нечто иное. А может, она была точно так же сбита с толку и не соображала, что к чему, как и он?..

Что ж... В любом случае дело ни в малейшей степени не сдвинется с места, если он будет здесь залеживаться!

Уинтроу перекатил голову и посмотрел туда, где лежал на постели Кеннит. Грудь пирата размеренно вздымалась и опускалась под покрывалом. Это зрелище поистине успокаивало и вселяло надежду. Цвет лица у него был, скажем прямо, жуткий, но... ОН БЫЛ ЖИВ.

Хотя бы в этой мере сон Уинтроу отвечал действительности.

Мальчик набрал полную грудь воздуха и попытался опереться на руки. Потом осторожно приподнялся; голова кружилась отчаянно, так что резких движений он старался не делать. Никогда прежде его так не обессиливала транс, в который он впадал за работой... Он по-прежнему не взялся бы с уверенностью сказать, так что же он все-таки сделал. И сделал ли он что-либо вообще. В прежние времена, в монастыре, он знал, что значит «с головой уйти в искусство». В состоянии полного духовного погружения творческая работа совершалась на едином дыхании... И вот, похоже, он некоторым образом применил эту технику для спасения Кен-

нита, хотя как конкретно ему это удалось – он сам не взялся бы объяснять. Он даже не помнил момента сосредоточения перед входением в деятельный транс!..

Кое-как поднявшись на ноги, он направился к постели больного. Наверное, примерно так, как он сейчас, чувствуют себя пьяные. Уинтроу был весьма нетверд на ногах, все кружилось, цвета предметов казались ему слишком яркими, углы и грани – подчеркнуто острыми и резкими... Нет, наверное, пьяницы все же видели мир по-другому. Ведь его нынешнее состояние приятным никак нельзя было назвать. Никто не стал бы по своей воле стремиться к подобному...

Добравшись до кровати, он помедлил. Было очень страшно проверять, как там повязки, но Уинтроу знал, что непременно должен их посмотреть. Быть может, рана все еще кровоточила... Уинтроу не имел ни малейшего понятия о том, что следовало в этом случае предпринимать. Наверное, вот тогда-то настанет время отчаяться...

Он нерешительно потянулся к краешку одеяла...

– Пожалуйста, не надо его будить...

Голос Этты прозвучал так просительно и тихо, что Уинтроу даже не сразу узнал его. Он повернулся (всем телом, потому что, если поворачивать отдельно голову, можно было потерять равновесие) и посмотрел на нее. Этта расположилась в уголке просторной каюты, в кресле. Уинтроу обратил внимание, как ввалились у нее глаза; раньше он ничего подобного не замечал. На коленях у Этты лежала темно-синяя ткань, в руках сноровисто мелькала иглолка. Она подняла голову, посмотрела на Уинтроу, перекусила нитку, потом перевернула свою работу и взялась за новый шов.

– Я должен посмотреть, не идет ли кровь, – сказал мальчик. Собственный голос показался ему хриплым и незнакомым, слова получались какими-то шершавыми, угловатыми.

– Судя по всему, кровь остановилась, – сказала Этта. – Но вот если ты потревожишь повязки, она вправду может снова пойти. Лучше уж все пока оставить как есть...

– Он просыпался? – спросил Уинтроу. В голове у него мало-помалу прояснялось.

– Ненадолго. Вскоре после того, как ты... притащил его назад. Я дала ему воды. Он пил с жадностью, много... А потом опять задремал. И с тех пор спит.

Уинтроу потер кулаками глаза:

– И как долго?

– Почти всю ночь, – сообщила она ему безмятежно. – Скоро уже рассветет.

Уинтроу никак не мог взять в толк, что за стих на нее напал, почему она так ласкова с ним. Нет, в ее взгляде не прибавилось теплоты, она не улыбалась ему. Скорее, наоборот, что-то ушло. Недоверие, ревность, подозрительность, доселе неизменно присутствовавшие и в голосе, и во взгляде. Уинтроу только обрадовался такому внезапному прекращению ненависти, но как себя вести с переменившейся Эттой, пока не знал.

– Ну что ж... – протянул он, чтобы хоть что-то сказать. – В таком случае я, пожалуй, тоже пока посплю...

– Ложись там, где лежал, – предложила она. – Здесь тепло и чисто... И ты будешь рядом на случай, если вдруг понадобишься Кенниту.

– Спасибо тебе, – поблагодарил он неловко. Он был не слишком уверен, что ему вправду хотелось спать здесь, на полу-палубе. Собственно, где бы он ни устроился на корабле, его ложем все равно стала бы палуба... Но мысль о том, что, пока он будет спать, на него станет смотреть эта чужая женщина... Эта мысль удовольствия не прибавляла.

Но то, что случилось дальше, окончательно сбilo его с толку. Этта взяла свое шитье, встряхнула его и расправила, держа на весу между Уинтроу и собой. Ее оценивающий взгляд устремлялся то на мальчика, то на незаконченную работу. Шила же она пару штанов – и сейчас определенно прикидывала, подойдут они ему или нет. Уинтроу показалось, что ему следовало

бы что-то сказать, но что именно – он так и не придумал. Этта, тоже молча, опустила шитье обратно к себе на колени, заправила нитку в иголку и вновь принялась шить.

Уинтроу вернулся к своему одеялу, чувствуя себя собакой, покорно бредущей на место, предначертанное хозяином. Он уселся на пол, но не лег – что-то мешало. Вместо этого он натянул одеяло на плечи и стал смотреть на Этту, пока она не почувствовала его взгляд и не покосилась в его сторону. И тогда Уинтроу спросил ее:

– Как ты стала пираткой?

Он вроде бы и не собирался с ней заговаривать – слова сами собой сорвались с языка.

Этта немного помедлила... потом задумчиво начала свой рассказ, и ни нотки сожаления не было в ее голосе.

– Я работала шлюхой в одном заведении в Делипае... Так вышло, что я нравилась Кенниту. Однажды я помогла ему отбиться от нескольких типов, решивших там напасть на него. После этого он забрал меня из публичного дома и взял к себе на корабль. Сначала я не очень понимала, зачем он сделал это и чего ждет от меня... Однако потом я сумела разгадать его замысел. Я же могла бы стать чем-то гораздо большим, чем шлюха, и он – он давал мне такую возможность...

Потрясенный Уинтроу безмолвствовал. И не то потрясло его, что она кого-то убила ради Кеннита, нет, от женщины-пирата именно такого и следовало ожидать. Но вот то, что она сама назвала себя шлюхой... Это было очень мужское слово, и притом сугубо бранное, срамное, стыдное слово, которое могло быть обращено к женщине. А вот Этте, похоже, ничуть не было стыдно. Наоборот – она воспользовалась этим словом, точно острым мечом, чтобы сразу отсечь все его сомнения и предположения относительно ее прежней жизни. Да, она зарабатывала себе на жизнь, ублажая мужчин, и, кажется, нимало не сожалела об этом. Уинтроу почувствовал, как шевельнулось в нем любопытство. Этта вдруг показалась ему гораздо более интересным и... могущественным созданием, чем минуту назад.

– А чем ты занималась до того, как стать... шлюхой?

Уинтроу был слишком непривычен к этому слову и оттого, похоже, ненамеренно выделил его голосом. Он совсем не хотел, чтобы его вопрос прозвучал именно так, он его, в общем, и задавать-то не собирался... А может, это Проказница незаметно подтолкнула его?

Этта нахмурилась, раздумывая, не попрек ли это. Потом ответила со всей прямоотой, не хвастаясь, но и не увиливая:

– Я была шлюхиной дочкой. – И в свою очередь задала вопрос, причем в ее голосе явственно прозвучал вызов: – А кем был ты до того, как твой папенька сделал тебя рабом этого корабля?

– Я был жрецом Са... По крайней мере, проходил обучение, чтобы им стать.

Она приподняла бровь:

– Поди ж ты... Нет, уж лучше быть потаскухой!

И эти слова окончательно и непоправимо оборвали их разговор. Уинтроу нечего было ответить. Нет, он совсем не чувствовал себя оскорбленным. Сказанное Эттой просто очертило лежавшую между ними бездну – бездну настолько непреодолимую, что не представлялось возможным перекинуть чрез нее ни единого мостика, уж какое там – оскорблять друг дружку. Ведь для оскорбления требуется определенная общность...

Она вернулась к своему шитью – низко склонила голову, да еще и лицо сделалось подчеркнуто бесстрастным. «Я упустил такой шанс, – подумал Уинтроу. – Она ведь все равно что дверь мне открывала. А теперь – все, снова захлопнула, не достучишься... – Тут его поразило, насколько глубокое разочарование он испытал по этому поводу, и он спросил себя: – Да с какой стати мне об этом переживать?! – И сам же ответил: – А с такой, что Этта – что-то вроде задней двери, при посредстве которой тоже можно добраться до Кеннита. Как знать, быть может, ее доброжелательное влияние однажды нам пригодится...» – Это подавала голос хитрая, ищущая

выгод часть его существа, и Уинтроу со стыдом отпихнул такую меркантильную мысль. «Это потому, что она – тоже создание Са! – сказал он себе твердо. – Я должен достучаться в эту запертую дверь и сделать ее своим другом – просто потому, что она есть создание Са и уже оттого достойна дружеского расположения... А вовсе не из-за влияния, которое она, может быть, имеет на Кеннита. И совсем не оттого, что она вовсе не похожа ни на одну женщину из тех, которых я встречал раньше, и мне не терпится разобраться в этой загадке... Нет, не поэтому!»

Он ненадолго закрыл глаза и постарался отмести прочь все наносное, все предрассудки, касавшиеся общественного положения и занятий. И когда он заговорил, его голос прозвучал очень искренне:

– Давай начнем снова... Пожалуйста. Я хотел бы подружиться с тобой.

Этта изумленно вскинула глаза... Однако потом на ее лице возникла улыбка, не имевшая никакого отношения к веселью:

– Ты надеешься, что когда-нибудь потом я, может, спасу твою жизнь? Остановлю Кеннита?

– Нет! – вскинулся Уинтроу. – Конечно нет!

– Ну и хорошо. Потому что в этих делах я никакого влияния на Кеннита не имею. – И, понизив голос, Этта добавила: – Да и не стала бы использовать в подобных целях то, что происходит между Кеннитом и мной.

Уинтроу ощутил, что в захлопнутой двери вроде бы снова образовалась щелка.

– А я и не стал бы просить тебя, – сказал он. – Я... просто... я ужасно соскучился по возможности с кем-нибудь поговорить. Знаешь, просто поговорить... Со мной столько всего разного случилось за последнее время... Всех моих друзей убили во время восстания, а мой отец меня презирает. Рабы же, которым я пытался помочь, теперь меня вовсе не узнают... или делают вид, что не узнают. Са'Адар же, я подозреваю, и вовсе с радостью меня удавил бы... – Тут он замолк, поняв, что опять принялся вслух жалеть себя, бедненького. Он помолчал, собираясь с духом... Но то, что получилось дальше, прозвучало уже откровенным нытьем. Он сказал: – Я чувствую себя очень одиноким... Таким одиноким, как никогда прежде. И я понятия не имею, что со мной будет завтра...

Этта бессердечно осведомилась:

– А кто имеет такое понятие?

– Я, например. Имел. Раньше... Пока жил в монастыре... – Уинтроу начал рассказывать, и его мысли обратились вовнутрь. – Пока я жил в монастыре, мне казалось, что жизнь лежит впереди, словно прямая сияющая дорога... Я знал: ничто не помешает мне продолжить занятия. Я знал: мне отменно удастся искусство, которое я избрал для себя. Я всей душой любил такую жизнь и совсем не собирался что-либо менять в ней... Но потом меня внезапно отозвали домой, а там умер мой дед, и отец силой заставил меня пойти в море на корабле. С тех самых пор я ни в малейшей степени не распоряжаюсь собственной жизнью... Несколько раз я пытался действовать по собственной воле, но приводило это только к тому, что моя судьба выдавала все более странные повороты...

Она завязала узелок и откусила нитку:

– Как знакомо... А по-моему, так все и должно быть!

Уинтроу грустно покачал головой:

– Ох, не знаю... Может, для кого-то это и вправду так... но не для меня. Я знаю только одно: я к подобному не привык, я даже не думал никогда, что в моей жизни начнется такая свистопляска. А когда это произошло, я только и думал, как вернуться в прежнюю колею, как вернуть мою жизнь в то русло, которое было ей предначертано. Но...

– Назад вернуться нельзя, – сообщила она ему с безжалостной прямоотой. – Та часть твоей жизни кончилась навсегда. Так что лучше отложи ее в сторонку как нечто пройденное и остав-

ленное... Завершенное или нет – но невозвратимое. Да и кто может решать о том, что ему «предначертано»? – Она вскинула глаза, взгляд был колючим. – Будь мужчиной, и все. Определись, где ты и что ты в данный момент, и на этом основании действуй, да старайся наилучшим образом использовать все, что под руку подворачивается. Прими свою жизнь такой, какова она есть... и, может быть, выживешь. А если начнешь отстраняться, твердя, что это-де не твоя жизнь, не твое «предначертание», жизнь так и пройдет мимо тебя. Ты, возможно, и не помрешь от собственной глупости... но и жить толком не будешь. Потому что пользы с тебя не будет никакой – ни тебе самому, ни другим людям. Что есть ты, что нету тебя!

Уинтроу слушал ее потрясенно... Ее устами гласила жестокая, бессердечная, но – мудрость. И, как бывало в моменты таких откровений, Уинтроу, сам того не заметив, ушел в медитацию, словно не какая-то шлюха с ним говорила, а провозглашались истины со свитков, хранивших Помыслы Са. Он взял высказанное Эттой и начал логически прослеживать его до самых корней.

Да! Эти мысли исходили от Са, и они были очень достойны. Прими жизнь. Начни заново – оттуда, где оказался. Найди смирение, отыщи радость... «А я, – понял Уинтроу, – занимался тем, что пытался заранее рассудить свою жизнь!» Зря ли предупреждал его Бирандол об этом серьезнейшем заблуждении? Всюду есть возможность добра – надо лишь потянуться душой навстречу ему. Почему он так стремился назад, в монастырь, как если бы там и только там можно было припадать к свету Са?... Что он сам только что Этте сказал? Что сколько ни пытался он по своей воле распорядиться собственной жизнью, она только выдавала от этого коленца все круче?... «Ну и чему я удивлялся, глупец? А чего еще ждать, если я противопоставлял себя воле Са, решившего вплести мою жизнь в некий свой замысел?..»

И тут до него вдруг дошло, как, должно быть, чувствовали себя рабы, когда их руки и ноги освобождали от тяжести кандалов! Слова Этты освободили его. Теперь он мог более не цепляться за некие цели и ценности, которые сам себе выдумал. Они были шорами у него на глазах. А теперь он мог невозбранно оглядеться кругом и попытаться понять, куда же следовало идти, чтобы в самом деле ступить на путь Са.

– Хватит пялиться на меня! – Этта сказала это тоном приказа, но в голосе чувствовалась определенная неловкость, а с нею и неизбежное раздражение.

Уинтроу немедленно опустил глаза:

– Я не... В смысле, я совсем не собирался пялиться. Просто... Твои слова заставили меня очень серьезно задуматься... вызвали такие мысли... Скажи, Этта, где тебя научили такому?

– «Такому» – это ты, вообще, о чем?..

Теперь она смотрела на него с явственным подозрением.

– О науке принимать жизнь, какая она есть, и стараться наилучшим образом использовать всякую возможность приближения к добру.

...Странное дело! Стоило облечь эту мысль в слова да еще произнести вслух – и она показалась Уинтроу такой простой в своей очевидности. Ну прямо нечто само собой разумеющееся. А ведь только что эти самые слова прозвенели для него, словно величественные колокола истины. Вот уж верно подмечено: «Озарение – это всего лишь правда, осознанная в подходящий момент...»

– В публичном доме, – ответила между тем Этта.

Но для него даже и это высказывание было еще одним лучом света в духовных потемках.

– Стало быть, – сказал он, – Са во всей своей славе и мудрости пребывает и там.

Этта улыбнулась, и на сей раз участвовать в улыбке готовы были даже глаза.

– Если судить по тому, сколько мужчин выдыхают ее имя, когда кончают... да, пожалуй, Са и вправду присутствует там.

Уинтроу отвел глаза: картина, которую тотчас нарисовало ему воображение, оказалась слишком уж отчетливой и яркой. И в итоге он опять проговорил, не подумав:

– Наверное, это не самый легкий способ зарабатывать себе на кусок хлеба.

– Ты так думаешь? – Этта негромко рассмеялась, но смешок вышел безжизненным и сухим. – Странно мне слышать подобное мнение от тебя... Но, в конце концов, ты еще мальчик. От мужчин мы чаще слышим иное: они, дескать, вовсе не отказались бы зарабатывать себе на жизнь постельным трудом. Они думают, мы день-деньской только и купаемся в удовольствиях...

Уинтроу призадумался, потом сказал:

– Я полагаю, это очень нелегко – отдаваться мужчине, к которому не питаешь истинных чувств.

На несколько мгновений взгляд Этты тоже стал задумчивым и далеким.

– Проходит некоторое время, и все чувства отходят, – проговорила она несвойственным ей, почти девчоночьим голосом. – Когда перестаешь что-либо чувствовать, становится легче... проще. Просто грязная работенка, ничуть не хуже многих других... Если только не попадетсЯ жестокий, грубый или неуклюжий клиент. Но ведь на всякой работе можно покалечиться или получить синяки, так? Крестьянина, того и гляди, вскинет на рога его же собственный бык, садовник, бывает, падает с дерева, рыбаки тонут или, к примеру, пальцев лишаются...

Она замолчала и опять уткнулась в шитье. Уинтроу не говорил ничего. И спустя время в уголках ее рта затеплилась бледная улыбка.

– Кеннит заново научил меня чувствовать... – сказала она. – Как же я его за это ненавидела! И это было, пожалуй, самое первое чувство, которое он мне вернул, – ненависть. Притом что я понимала, как это опасно. Опасно, когда шлюха начинает что-нибудь чувствовать. Но что я могла поделать? Чувства возвращались ко мне, и я ненавидела его все больше...

«Почему?» – недоумевал про себя Уинтроу. Вслух он, впрочем, этого не спросил. Да ему и не понадобилось.

– В один прекрасный день он просто вошел в наш бордель и начал оглядываться... – Этта погрузилась в воспоминания, голос стал далеким. – Он был так элегантно одет... и он был таким чистым! Как сейчас помню: темно-зеленый камзол из тонкого сукна, пуговицы из слоновой кости, а на груди и рукавах – каскады белого кружева... Раньше он никогда не появлялся у Беттель, но я знала, кто он такой. Кеннита уже тогда знал, почитай, весь Делипай. И он не ходил по борделям, как большинство мужиков, с парой-тройкой приятелей, а то и во главе всей своей команды... Не вваливался пьяный, не начинал хвастаться пиратскими подвигами... Вот и к нам тогда он пришел трезвый и очень по-деловому настроенный. Он оглядел нас всех – не просто окинул взглядом, а действительно на каждую посмотрел! – и выбрал меня. «Вот эта подойдет», – сказал он Беттель. Потом заказал комнату по своему вкусу. И еду. Потом подошел ко мне, как если бы мы уже остались наедине... и низко наклонился ко мне. Я уж было решила, что он хочет поцеловать меня. Иные наши клиенты именно с этого начинают... Но нет – он просто понюхал воздух рядом с моим лицом. И сказал: «Поди вымойся!» О, я почувствовала себя оплеванной!.. Ты думаешь, наверное, что нам, шлюхам, неведомо чувство унижения... Ведомо, да еще как! Тем не менее я сделала, как он мне велел. А потом я поднялась по лестнице в комнату... и стала делать то, что он мне приказывал, – но не более. Я была в ярости и оттого вела себя с ним как ледышка. Я думала, он залепит мне пощечину или вовсе прогонит. Но вышло, что именно этой холодностью я как раз ему угодила...

Она умолкла, и тишина, воцарившаяся в каюте, показалась Уинтроу звенящей. Он определенно не желал ничего больше об этом знать. И тем не менее он жадно надеялся, что она сейчас продолжит рассказ. Это было все равно что подглядывать в замочную скважину. Да, вот так просто. Жгучее любопытство, требующее выяснить в мельчайших деталях, что же там происходило между мужчиной и женщиной. Собственно, Уинтроу хорошо знал, как работает живой механизм плоти; такого рода познаний от него никогда никто не скрывал. Но вычитанное в книгах – это одно, а вот как то же самое происходит в настоящей живой жизни – это

совершенно другое! И Уинтроу ждал, глядя в пол у себя под ногами. Поднять глаза на Этту он просто не смел.

И Этта стала рассказывать дальше:

– Кеннит стал появляться у нас... Опять и опять. И каждый раз все повторялось. Он приходил, выбирал меня, приказывал мне вымыться, а потом пользовался мной. Так холодно, так по-деловому. Другие мужчины, посещавшие заведение Беттель, притворялись хотя бы немножко. Они заигрывали с девушками, шутили с ними, смеялись. Они рассказывали истории о своих приключениях и, бывало, выбирали тех, кто пристальней слушал... В общем, вели себя так, как будто наше мнение что-то для них значило. Заставляли нас состязаться, оспаривая их внимание... Иногда они танцевали со шлюхами, а то и приносили гостинчики тем, кто им нравился, – сладости там, духи... Но не Кеннит, нет, только не Кеннит! И даже когда он узнал и запомнил мое имя, стал так и говорить: «Этту мне!» – для нас наши встречи оставались чистой воды сделками. Куплей-продажей – и все.

Она вновь расправила темно-синие штаны, вывернула их на лицевую сторону и принялась что-то доделывать. Потом приоткрыла рот, как бы для того, чтобы продолжать говорить... но лишь чуть покачала головой и уткнулась в шитье. Уинтроу хотел что-нибудь сказать ей, но ничего придумать не мог. И как ни завораживала его история Этты, он все более чувствовал невыносимую усталость. Он бы все отдал за то, чтобы снова уснуть, но знал, что, даже вытянись он на полу и закутайся в одеяло, сон к нему не придет.

Между тем снаружи мало-помалу рассеивался ночной мрак. Скоро наступит рассвет... Уинтроу даже ощутил нечто подозрительно похожее на торжество. Все-таки ногу Кенниту он отрезал вчера. И вот уже наступило сегодня, а пират еще жил. «Я справился. Я спас ему жизнь...»

Немедленно устыдившись, он резко и жестко отогнал подобные мысли. В самом деле, если Кеннит до сих пор не умер, это всего лишь значило, что действия Уинтроу счастливо совпали с замыслом Са. Думать иначе значило впадать в грех ложной гордыни... Уинтроу снова посмотрел на своего подопечного. Грудь пирата по-прежнему размеренно поднималась и опускалась... В действительности Уинтроу, и не глядя на него, знал, что тот жив. Это знала Проказница, а через нее и он сам. Уинтроу не хотелось размышлять о ее связи с Кеннитом и подавно о том, насколько сильна эта связь. Она существовала, и это было достаточно скверно уже само по себе. Мысль о том, что в их с Проказницей общность затесался некто третий, да еще и пират, никакого удовольствия Уинтроу не доставляла...

Этта издала тихий звук, словно набирала в грудь воздуха, чтобы что-то сказать, и Уинтроу тотчас весь обратился в слух. Она по-прежнему не смотрела на него, только на свою работу. Однако от нее исходила несуетная аура гордости. Она явно что-то хорошенько обдумала и намерилась поделиться с ним. И вот она заговорила, и Уинтроу затаил дыхание.

– Знаешь, когда я перестала ненавидеть его? Когда поняла, что именно он дает мне всякий раз, когда приходит. Честность – вот что! Он оказывал мне предпочтение и ничуть этого не стеснялся. Кто бы там ни сидел – он у всех на глазах выбирал меня и только меня. Он не тратил время ни на какие уловки, не делал вид, будто заигрывает. Ему нужна была я – я была выставлена на продажу – он меня покупал. Вот так, и никак иначе. Он ясно давал мне понять: доколе я состою шлюхой, нас с ним может связывать только одно – честная торговая сделка... – Странная улыбка пробежала по ее губам. – Иногда Беттель предлагала ему других женщин. О, их у нее было в достатке, иные – настоящие красавицы, не мне чета, были и такие, кто умел доставить наслаждение мужчине всякими необычными способами... Это она старалась привязать его таким образом к своему заведению. Она всегда так вела себя с постоянными клиентами. Предлагала им выбор, подталкивала обзавестись новыми избранницами... Ну а я видела, как ей не нравится, что Кеннит всегда приходит только ко мне. Наверное, ее сомнение от этого страдало. Однажды она при всем честном народе так прямо и спросила его: «И что

тебе сдалась именно Этта? Тошная, долговязая, не больно-то красивая... и такая обыкновенная, что дальше ехать некуда! Послушай, ведь у меня есть опытные куртизанки, натасканные в лучших заведениях Калсиды! Или, если тебе больше по вкусу неопытность и невинность, – пожалуйста, хоть сейчас раздобуду свеженьких девственниц прямиком из деревни. Ты же можешь себе позволить самое лучшее, что я могу предложить! Так с какой стати тебе выбирать мою самую дешевую девку?..» И ты знаешь, что Кеннит ей ответил? – Улыбка наконец-то достигла глаз Этты. – Она-то думала его осрамить перед всеми остальными клиентами, собравшимися в гостиной... Как будто ему было какое-то дело до того, что они там себе думают! Ну а вышло так, что она сама села в лужу. Он сказал: «Я, знаешь ли, давно уже не путаю цену – и ценность. Ступай вымойся, Этта. Я буду наверху...» Вот после этого наши девушки и прозвали меня шлюхой Кеннита. Они хотели меня подразнить, только не получилось...

Уинтроу слушал ее и думал о том, что капитан Кеннит, похоже, оказывался человеком гораздо более глубоким, чем поначалу выглядел. Уинтроу знал: выбирая себе подружку на вечер, моряки обыкновенно интересовались только лицом да фигурой. А вот Кеннит – поинтересовался ббльшим. Хотя, с другой стороны... нельзя исключать, что женщина обманывала себя и находила в том утешение. Уинтроу бросил взгляд на лицо Этты и поспешно отвел глаза, чувствуя себя не в своей тарелке. «Откуда пришла эта мысль? Про самообман?..» Да еще и тень ревности, которую он с удивлением обнаружил глубоко в себе. Опять вмешательство корабля?

Ему захотелось безотлагательно переговорить с Проказницей. Он поднялся, и в коленках хрустнуло по-стариковски. У него затекла поясница, плечи болели, как после тяжелой работы. Когда он последний раз спал в настоящей постели – и притом вдосталь? Надо хоть немного позаботиться о своем теле, или оно предъявит свои претензии в самый неподходящий момент. «Скоро, – пообещал он себе самому. – Вот как только все утрясется...»

– Светает, – выговорил он косноязычно. – Пойду посмотрю, как дела у корабля... Отца навещу. Да и мне самому поспать не мешало бы... Ты пришлешь за мной, если Кеннит проснется?

– Если он будет нуждаться в тебе, – ответила Этта спокойно, и он подумал, что, может быть, ее рассказ имел вполне конкретную цель – показать ему, что она была с Кеннитом раньше и оттого имеет больше прав на него, чем всякие выскочки?.. Неужели она видела в нем какую-то угрозу своему положению?.. «Ничего-то я про женщин не знаю», – решил наконец Уинтроу. Этта тем временем поднесла свою работу ко рту, перекусила нитку. И тоже поднялась на ноги – шитье было завершено.

– Это тебе, – коротко проговорила она и махнула в его сторону только что сшитыми штанами. Уинтроу шагнул было к ней, чтобы взять у нее из рук неожиданный подарок, но Этта бросила его ему, вынудив неуклюже ловить. Одна штанина легонько шлепнула его по лицу.

– Спасибо тебе большое... – проговорил он неуверенно.

Она даже не посмотрела на него и никак не ответила на слова благодарности. Она уже откинула крышку сундука с одеждой и рылась внутри. Потом выпрямилась, держа в руках рубашку:

– Вот. Пожалуй, должна тебе подойти. Это из его старых... – Этта чуть помедлила, глядя пальцами материал. – Отличная ткань, – сказала она затем. – Вот уж кто воистину разбирается в качестве!

– Вне всякого сомнения, – ответил Уинтроу. – Ведь он, как ты сама говорила, выбрал тебя.

Впервые в жизни он попытался изречь нечто галантное... и, кажется, сморозил нечто не вполне удачное. Воцарилось неловкое молчание. Этта воззрилась на него, явственно взвешивая каждое его слово на предмет возможно таившегося там оскорбления. Уинтроу почувствовал, что неудержимо краснеет. И какая нелегкая дернула его за язык, понудив ляпнуть подобное?..

Этта бросила ему рубашку, и та развернулась в воздухе, словно белая птица, а потом обвисла у него на руке – плотная, тяжелая материя, прочная и в то же время приятная на ощупь. Замечательная рубашка... Такие просто так не выкидывают. Может, Этта ею намекала ему на что-то, причем сама не сознавая того?..

Он расправил рубашку на руке.

– Спасибо тебе большое, – повторил он, решив быть вежливым до конца.

Она прямо посмотрела ему в глаза:

– Я уверена, Кеннит будет рад, что эти вещи попали к тебе, – сказала она. Но едва он успел ощутить новую благодарность, как она словно окатила его холодной водой: – Ты ведь будешь за ним ухаживать, а он очень строго смотрит, чтобы подле него не водилось грязнуль. Так что ты сегодня непременно выбери время и вымойся. В том числе голову!

– Я не... – начал было Уинтроу. И осекся. Он в самом деле был грязен. И от него, если уж быть совсем откровенным, скверно пахло. Да, после отнятия ноги Кеннита он тщательно вычистил руки, но мыть все тело ему не доводилось уже... он толком не мог припомнить, сколько именно дней. – Обязательно вымоюсь, – пообещал он, стесняясь. И ушел из капитанской каюты, неся под мышкой штаны и рубаху.

Беспорядок и скученность на занятом пиратами корабле уже не резали глаз, успев сделаться если не нормальными, то, по крайней мере, привычными. Расколотые двери кают больше не бросались в глаза, и даже кровавые пятна на палубах и переборках не так ранили душу...

Выбравшись на палубу, Уинтроу едва не налетел на двоих бывших рабов, двоих «расписных». Мужчина, насколько помнил Уинтроу, производил впечатление простоватого малого. Звали его Деджи, и он был среди тех, кого Этта избрала держать Кеннита. Последнее время он, похоже, ни на миг не расставался с подругой – молодой, шустрой Сейлах. Они едва не сбили Уинтроу с ног, но, кажется, и не заметили этого, слишком увлечены были друг дружкой. Вот такие вещи нынче творились на корабле... впрочем, чего-то подобного только следовало ожидать. Ибо что есть первый признак воскрешения надежды после какого-нибудь погибельного несчастья? Любовь. Мужчины и женщины с удивительной легкостью образуют пары и самоабвенно любят друг друга. Уинтроу с любопытством проводил парочку взглядом, спрашивая себя, где же им удастся уединиться. Он даже подумал: а что, если они уже очень долго пробыли в рабстве и оно отучило их от нужды в уединении? Уинтроу поймал себя на том, что слишком пристально смотрит им вслед, и рассердился на себя самого. У него, между прочим, неотложных дел было полно. Посоветоваться с Проказницей. Проведать отца. Поесть. Вымыться. Поспать. Снова навестить Кеннита...

Жизнь на глазах приобретала определенность, каждый час был расписан наперед, всякое деяние имело свою цель. Уинтроу зашагал вперед.

«Проказница» по-прежнему стояла на якоре в маленькой бухте. Неужто с тех пор, как они спрятались здесь, успела пройти всего одна ночь?.. Под лучами утреннего солнца понемногу рассеивался туман. Скоро станет тепло... Носовое изваяние смотрело вдаль, на широкие воды пролива, словно неся стражу. А может, и в самом деле неся...

– Боюсь, тот, другой корабль нас никогда не найдет, – вслух ответила она на его невысказанный вопрос. – Почему им там знать, где искать нас?

– Мне кажется, – заговорил Уинтроу, – Кеннит и Соркор очень долго плавали вместе. Должно же это как-то сказаться? А кроме того, ведь еще жив Кеннит. Как знать, может, он скоро в достаточной степени окрепнет и сам сможет отвести нас в Бычье Устье!

Уинтроу старался говорить ободряющим тоном, утешая корабль.

– Может, и так, – неохотно согласилась Проказница. – Но я чувствовала бы себя лучше, если бы мы уже шли туда потихоньку. Верно, Кеннит пережил ночь... Однако он еще весьма далек от выздоровления, да и какие-никакие силы у него появятся очень не скоро! Вчера он

умер, как только перестал бороться за жизнь. Сегодня он что есть мочи борется за нее, но мне совсем не нравятся его сны... Они так дергаются и судорожно пляшут... Уж скорей бы он попал в руки настоящего лекаря!

Ее слова совсем не порадовали Уинтроу. Да, он знал, что не является настоящим, хорошо обученным целителем. Но Проказница поистине могла бы хоть для виду повосхищаться тем, как он справлялся до сих пор!.. Он покосился на палубу, на то место, где недавно совершал свою, с позволения сказать, операцию. Растекшаяся кровь навечно запечатлела контуры распростертого тела. Там, где помещалась больная нога, жутко темнело особенно густое пятно. Совсем рядом виднелся кровавый отпечаток ладони самого Уинтроу. Его с палубы так и не стерли... «Наверное, тень Кеннита тоже пребудет здесь до скончания века?» Уинтроу потер отпечаток босой ногой...

...И ему показалось, будто он провел пальцами ступни по натянутым струнам какого-то музыкального инструмента, вот только аккорд прозвучал совершенно беззвучно и был слышен только ему. Уинтроу внезапно услышал... всю жизнь Кеннита. Неосязаемый удар оказался настолько силен, что Уинтроу пошатнулся, а потом тяжело сел на палубу. Чуть позже, слегка отдышавшись, он попытался дать имя воспринятому. Нет, это не были ни воспоминания Кеннита, ни нынешние его мысли. Он просто *ощутил* пирата с удивительной силой и остротой. И самым близким сравнением, которое ему удалось подобрать, было такое: ты вдыхаешь некий аромат или простой запах – и вдруг в тебе пробуждаются необыкновенно яркие и подробные воспоминания... вот только ощущение Кеннита было в сто раз сильнее. До такой степени, что Уинтроу едва не забыл, кто такой он сам.

– Вот ты и получил некоторое представление о том, как все это выглядит для меня, – тихо проговорил корабль. Подумав, Проказница добавила: – Я, правда, не ждала, что на тебя так подействует...

– Что хоть это было такое?..

– Власть крови. Кровь помнит все... Только она хранит не отдельные дни, ночи или события. Она помнит естество. Личность...

Уинтроу сидел молча, стараясь постичь смысл ее слов во всей его полноте. Потом потянулся рукой к размазанной тени Кеннита на палубе... и отдернул пальцы. Его снедало любопытство, но оно не могло заставить его по собственной воле испытать ЭТО еще раз. Чтобы опять ошарашенно закружилась душа и его, Уинтроу, снова начали выдвирать из тела? Нет уж...

– Вот, значит, как это чувствуешь ты, – проговорил корабль. – Ты, сам имеющий кровь. У тебя есть тело, свои воспоминания, своя личность. Ты можешь отпихнуть Кеннита и сказать: «Он – это не я!» А что остается мне? Я – всего лишь дерево, напитанное воспоминаниями членов твоей семьи... Личность, которую ты называешь Проказницей, составлена из чужих кусочков, словно мостовая из отдельных камней... И когда в меня впиталась кровь Кеннита, я не могла от нее отстраниться. Точно так же, как в ночь восстания, когда человек за человеком изливались в меня и я не могла не принять их... Ох, та ночь... столько крови... Представь: ты погружаешься в чужие личности... не однажды, не дважды – десятки раз подряд... Они падали на мои палубы и умирали, но в меня впитывалась их кровь, и я становилась вместилищем всего того, что они хранили в себе. Рабы или члены команды – для меня не было разницы. Они приходили – и все. Вливались, добавляя каждый свое... Порою мне кажется, Уинтроу, что я не выдержу. Я иду темными извилистыми путями их крови и узнаю о каждом все до мелочей. Мне не избавиться от этих призраков... Сильнее, чем они, на меня влияете только вы двое, вы, кто связан со мной дважды – узами крови, пролитой на мою палубу, и узами разума...

– Даже не знаю, что и сказать тебе... – пробормотал Уинтроу потрясенно.

– А ты думаешь, я и так этого не знаю? – ответила Проказница с горечью.

Долгое, долгое молчание пролегло между ними... Уинтроу показалось, что самые палубные доски излучали холод. В конце концов он тихо убрался прочь, унося под мышкой свою новую одежду, подаренную Эттой. Вот только податься ему было некуда – он не мог избавиться Проказницу от бремени своего присутствия, как бы ни пытался. «Принимай жизнь такой, какова она есть...» Так совсем недавно сказала ему Этта. В тот момент эти слова были для него сияющей истиной. И вот теперь он пытался представить – и принять – то обстоятельство, что они с Проказницей связаны воедино навеки...

Оставалось только грустно покачать головой.

– Если в самом деле именно такова твоя воля, о Са, – проговорил он вполголоса, – дай же мне сил с радостью нести эту ношу...

И с болью почувствовал, что и у Проказницы, словно эхо, промелькнула та же самая мысль.

Прошло несколько часов, солнце стояло уже высоко, когда наконец их разыскала «Мариетта». По ее правому борту, в верхней его части, тянулась длинная обгоревшая полоса, и матросы уже занимались починкой. А под бушпритом¹⁹ виднелось еще одно зримое и, так сказать, весомое свидетельство сражения и победы – длинная гирлянда отсеченных голов. Уинтроу, выскочивший на палубу по крику вахтенного, заметившего «Мариетту», уставился на эти головы с болезненным любопытством... Ему довелось увидеть страшнейшую резню в ту ночь, когда на «Проказнице» одержало победу восстание рабов. Но здесь было поистине нечто большее, чем безумная резня, – он видел перед собой расчетливую жестокость и еще не был готов постигнуть ее.

Мужчины и женщины, высыпавшие вместе с ним на палубу и стоявшие у фальшборта, при виде кровавых трофеев разразились криком восторга. Для них эти головы одновременно символизировали и сатрапа, узаконившего их несвободу, и Калсиду, чей рынок поглощал наибольшее количество живого товара... «Мариетта» тем временем приближалась, и Уинтроу смог разглядеть новые следы боя со сторожевой галерой. Кое-кто из пиратов красовался в повязках, наложенных наспех; раны, впрочем, отнюдь не гасили их широких улыбок и не мешали приветственно махать руками собратям на борту «Проказницы».

Кто-то потянул Уинтроу за рукав...

– Женщина говорит, шел бы ты в каюту, поухаживал за капитаном... – суровым голосом сказал ему Деджи.

Уинтроу внимательно всмотрелся в его лицо, тщательно запоминая. Ему хотелось проникнуть сквозь густую вязь татуировок и разглядеть за ними самого человека в его естестве. Глаза у Деджи были серыми, словно море в пасмурный день, волос на полысевшей голове осталась только полоска за ушами. Но, несмотря на возраст, сквозь дыры обтрепанной одежды виднелись очень даже крепкие мышцы. Этта уже пометила его как своего личного приспешника: талию Деджи обвивал шелковый кушак. И он называл Этту женщиной, выделяя это слово так, словно оно представляло собой титул. Или как если бы она была единственной женщиной на борту. Уинтроу невольно подумал, что в некотором смысле именно так дело и обстояло.

– Уже иду, – ответил он Деджи.

«Мариетта» между тем становилась на якорь. Скоро с нее спустят гичку²⁰, и Соркор придет к Кенниту с рапортом о своих похождениях. Зачем понадобился капитану он сам – Уин-

¹⁹ *Бушприт* – горизонтальная «мачта», выступающая вперед с носа парусного судна. Служит для вынесения вперед «центра парусности» – точки приложения аэродинамических сил, действующих на надводную часть судна. Тем самым конструктивно достигается ровный ход судна относительно ветра.

²⁰ *Гичка* – легкая быстроходная гребная шлюпка на 6–8 распашных весел. В нашей реальности применялись до начала XX в. на военных кораблях для разъездов командиров. Впоследствии гички трансформировались в спортивные двухвесельные шлюпки.

троу не имел никакого понятия, но, возможно, Кеннит позволит ему находиться в каюте, пока Соркор будет рассказывать?.. Нынче утром Уинтроу успел побывать у отца, и Кайл Хэвен всячески настаивал, чтобы Уинтроу старался как можно больше разузнать о пиратах...

Их свидание, как обычно, получилось весьма болезненным для мальчика, и теперь Уинтроу тщетно пытался изгнать это воспоминание. Заточение и физическая боль превратили Кайла в гораздо худшего тирана, чем он был в более благополучные времена, и он, кажется, полагал, что Уинтроу остается его пускай единственным, но подданным, хотя в действительности Уинтроу двигала не сыновняя привязанность и не верность отцу (их он почти совсем не ощущал), а лишь чувство долга. А уж постоянные напоминания Кайла, что-де он должен неустанно шпионить и плести заговоры с целью вновь захватить корабль, вовсе казались ему смехотворными. Ну, то есть, конечно, он не смеялся в открытую. Просто пропускал бредни Кайла мимо ушей, а сам осматривал его болячки и уговаривал съесть черствый хлеб и выпить несвежую воду, ибо других деликатесов пленнику выделено не было. Уинтроу уже понял: спорить с отцом бесполезно, легче просто не слушать. И он покорно кивал, а сам говорил очень мало. Он знал: если попытаться объяснить, что в действительности происходит на корабле и каково их положение, Кайл только придет в ярость. Лучше пусть тешится несбыточными мечтами о том, как вновь захватит «Проказницу», а пиратов повесит на реях... Так для Уинтроу было проще. Все равно скоро они причалят в Бычем Устье и там, вероятно, встретят судьбу, которая им уготована. Ну и какой смысл бесконечно спорить с отцом, убеждая его принять сложившуюся реальность? Пускай реальность сама его и убеждает. Небось у нее лучше получится...

Подойдя к двери капитанской каюты, Уинтроу постучал. Этта отозвалась, и он вошел. Кеннит лежал с открытыми глазами; он повернул голову навстречу Уинтроу и сказал ему вместо приветствия:

– Она нипочем не желает помочь мне сесть!

– И правильно делает, – ответил Уинтроу. – Тебе еще рано садиться. Самое лучшее для тебя сейчас – это лежать неподвижно, отдыхать и набираться сил. Как ты себя чувствуешь?

И он тронул пальцами лоб пирата.

Кеннит перекатил голову, сбрасывая его руку.

– Гнусно, – сказал он. – И вообще, какой смысл меня спрашивать о самочувствии? Я еще жив, и какая разница, как я себя чувствую? Сюда едет Соркор, он сражался и победил... а я валяюсь тут искалеченный... и воняю, точно несвежий труп. Меня не должны видеть таким! Помоги мне хотя бы сесть!..

– Нельзя, – предостерег его Уинтроу. – Сейчас твоя кровь успокоена и не истекает из раны, так что лучше тебе не подвергать себя опасности, тревожа ее. Видишь ли, если ты попытаешься сесть, кровь начнет иначе распределяться в твоём теле, нежели сейчас, и какое-то ее количество не сможет найти иного выхода и устремится сквозь рану. Это непреложная истина, которую я крепко запомнил в монастыре...

– А вот непреложная истина, которую я постиг на палубе корабля: пиратский капитан, который больше не способен вести своих людей в бой, очень скоро отправляется рыбам на корм. Когда сюда явится Соркор, я всенепременно должен сидеть!

Уинтроу тихо спросил:

– И даже если это убьет тебя?

Кеннит мрачно поинтересовался:

– Ты что, никак взялся оспаривать мою волю?

– Нет, – ответил Уинтроу. – Ни в коем случае. Я просто обращаюсь к твоему здравому смыслу. Неужели тебе охота умереть здесь, в собственной постели, – а ты точно умрешь, если не будешь лежать, – просто ради того, чтобы произвести впечатление на человека, который, кстати, поражает меня своей бесконечной преданностью тебе. Думается мне, ты недооценива-

ешь свою команду, Кеннит. Твои люди не отвернутся от тебя из-за того только, что сейчас тебе необходим отдых.

– Что ты понимаешь, щенок!.. – фыркнул Кеннит презрительно. И отвернулся от Уинтроу, предпочтя рассматривать стену. – Что ты можешь смыслить в верности? Или в том, как управляться на корабле? Говорю тебе: в подобном состоянии видеть меня не должны!

В его голосе прорезалась некая нотка, которую чуткий Уинтроу немедленно уловил.

– Почему ты не сказал мне, что боль снова вернулась? У нас есть еще бренди с кожей квези, и я могу ее притупить... чтобы ты мог рассуждать спокойно и разумно, не отвлекаемый страданием. А то ты даже и отдохнуть как следует не можешь.

– Хочешь сказать, что подпоишь меня своим снадобьем и я стану покладистей? – зарычал Кеннит. – Да ты спишь и видишь, как бы внушить мне свою волю!.. – Он поднял трясущуюся руку ко лбу. – И вообще, при чем тут нога? У меня голова от боли раскалывается... Больше похоже на то, что ты мне успел какого-то яду подсунуть...

И как ни был Кеннит ослаблен и измучен, на лице его все-таки возникло выражение этакого коварного торжества. Он явно полагал, что изболел заговорщика.

А потрясенный Уинтроу на какое-то время попросту утратил дар речи. Ну вот как прикажете иметь дело с подобной подозрительностью и недоверием?..

Потом он услышал собственный голос – чопорный и холодный:

– Я не собираюсь навязывать тебе никаких лекарств, господин мой. Если твоя боль делается такой, что ты захочешь избавиться от нее, пошли за мной, и я применю кожуру квези. А до тех пор не смею более беспокоить тебя. – Это Уинтроу добавил уже через плечо, поворачиваясь, чтобы идти. – Если ты все-таки усядешься ради Соркора, это оборвет обе наши жизни, твою и мою. Но с твоим упрямством я бороться не буду.

– Да прекратите же это!.. Вы оба!.. – зашипела на них Этта. – Есть же самое простое решение, притом такое, что всех устроит! Может, позвольте хотя бы предложить его вам?

Кеннит снова перекатил голову, чтобы найти ее взглядом. Глаза у него от боли были мутные.

– Ну и?.. – выговорил он.

– А ты Соркора просто не принимай. Передай ему распоряжение идти в Бычье Устье, а мы, дескать, последуем... Ему сейчас в самом деле незачем знать, до какой степени ты ослаб. А пока доберемся до места, ты, глядишь, и окрепнешь...

В потускневших глазах пирата разгорелась хитрая искорка.

– Бычье Устье совсем рядом, переход будет слишком коротким, – объявил он. – Нет уж, пускай ведет нас прямо в Делипай. Так я получу больше времени на поправку... – И добавил, помолчав: – Вот только Соркор определенно задумается, почему это я не желаю принимать его рапорт. Еще заподозрит что-нибудь...

Этта сложила руки на груди:

– Так вели сказать ему, что ты... занят. Со мной. – И улыбнулась уголком рта. – Пусть мальчик передаст это Брику, а тот скажет Соркору. Занят, мол, и просит не беспокоить. Соркора это удовлетворит...

– Да... пожалуй, может сработать, – не спеша согласился Кеннит. И жестом бессильной руки направил Уинтроу к двери. – Иди же, не медли... Так и скажи Брику: я с Эттой... и не велел беспокоить. Да передай приказ: идем в Делипай... – И Кеннит сузил глаза, но от чего – от усталости или от озорства, Уинтроу не мог бы сказать. – Будешь говорить с Бриком, намекни этак невзначай, что, мол, я решил в этом переходе проверить, насколько он хорош у штурвала... Пусть все выглядит не как результат моей неспособности, а как шанс для него пройти испытание! – Глаза пирата совсем превратились в щелки. – Побудь наверху, пока мы не окажемся на ходу. Потом возвращайся сюда. Это будет и для тебя испытание... Сумеешь уболтать

Брика и Соркора – я, может, позволю тебе еще раз намазать мою ногу тем снадобьем... – Его веки полностью опустились, и он очень тихо добавил: – Может, я тебя даже оставлю в живых...

Глава 9

Удачный

Глубоко во внутренностях «Совершенного» ворочалась и крутилась с боку на бок беспокойно спавшая Янтарь. Ни дать ни взять – плохо переваренный сухарь в матросском брюхе. Женщину терзал кошмар, подсмотреть который кораблю не было дано; он только чувствовал, что ночи, у людей вроде бы предназначенные для отдыха, для нее раз за разом превращались в мучительные поединки с собой. Иногда Совершенного брало искушение попробовать-таки заглянуть в ее мысли и разобраться наконец, что же так ее мучит. Однако здравый смысл брал верх: ему следовало благодарить судьбу уже за то, что ее страдания его никоим образом не касались.

Янтарь поселилась-таки у него на борту. И ночь за ночью укладывалась спать там, внутри, охраняя его от тех, кто мог явиться и на буксире утащить его навстречу разрушению. Она даже исполнила его последнюю и страшную просьбу, но сделала это по-своему. Она заполнила несколько отделений его трюма... только не сухим плавником и дешевым маслом, предназначенным для светильников, а породистым деревом, которое использовала в своем ремесле, и баночками со всякими масляными пропитками. Все это под предлогом того, что-де по вечерам она будет сидеть возле его форштевня и резать по дереву. Тем не менее оба знали: для того чтобы плеснуть масла и поджечь хорошо высушенное дерево, ей понадобятся мгновения. Так что взять его живым она не позволит.

Порой Совершенному становилось почти жалко Янтарь. Небось нелегко было с удовольствием расположиться в накрененной на один борт капитанской каюте. То-то она все бормотала себе под нос, вынося вон нехитрые пожитки, оставленные здесь Брэшеном. От Совершенного не укрылось, как внимательно она рассматривала каждую вещицу, прежде чем отнести на нижнюю палубу и там аккуратно сложить. Остался только гамак, в котором она и спала по ночам.

Когда погода была хорошая, она варила себе ужин на костерке, разведенном на берегу. А если погода не позволяла, довольствовалась холодной едой. Утром же, отправляясь к себе в мастерскую, всякий раз захватывала с собой ведро для воды. И возвращалась вечером, неся его наполненным до краев, а в другой руке – узелок со снедью, купленной на рынке. Она забиралась внутрь Совершенного и возилась там, вполголоса напевая что-нибудь бессмысленное. Потом разводила огонь и принималась за нехитрую готовку, беседуя с кораблем.

Такое общение ему в определенной степени нравилось, причем именно своей каждодневностью. Нравилось, но в то же время и раздражало. Он слишком привык к постоянному одиночеству. А кроме того, даже во время самого оживленного разговора его ни на миг не покидала мысль, что подобное положение дел – явление всего лишь временное. Как и вообще все, что делали люди. Да и могло ли быть по-другому, если речь идет о существах, подверженных смерти?.. «Даже надумай она провести со мной всю свою жизнь, когда-нибудь настанет срок, и она покинет меня...» С тех пор как Совершенного впервые посетила эта мысль, он уже не мог отделаться от нее. Сознание, что однажды Янтарь уйдет от него навсегда, заставляло его *ждать* этого. А он терпеть не мог ждать. Уж лучше сразу покончить. Пусть бы она уже ушла, но только не заставляла его ждать, когда же произойдет неизбежное!

Из-за этого он часто бывал с нею раздражительным и немногословным.

Сегодняшний день, впрочем, был исключением. Янтарь заставила его выучить одну из тех дурацких песенок, которые сама любила мурлыкать, и они спели ее сообща, дуэтом, на два голоса. И Совершенный с изумлением обнаружил, что ему нравилось петь.

Янтарь и еще кое-чему его обучила. Нет, не плетению гамаков, это он узнал когда-то от Брэшена. Да она вряд ли и владела таким матросским умением. Зато она вручила ему большой кусок мягкой древесины и большой нож, чтобы он мог попробовать свои силы в ее ремесле.

Была у них и другая игра, довольно тревожная по своему смыслу. Янтарь брала длинный легкий шест и постукивала по телу Совершенного то в одном месте, то в другом. Его же задача состояла в том, чтобы отбивать удары шеста. Янтарь особенно радовалась, когда ему удавалось перехватить шест еще прежде, чем он успевал коснуться его. Время шло, и корабль определенно делал успехи. Когда удавалось сосредоточиться, он прямо-таки чувствовал движение шеста, успевая улавливать едва заметное возмущение воздуха, которое тот производил.

Эти занятия были якобы всего лишь развлечением, но про себя Совершенный понимал, что на самом деле все обстояло иначе. Следовало посмотреть правде в глаза: Янтарь хотела, чтобы он смог хоть как-то постоять за себя, если дело дойдет до прямого нападения. «Ну и долго ли, интересно, я продержусь?.. – мрачно усмехался он в темноту, в вечную свою темноту. – Наверное, достаточно долго, чтобы она успела высечь огонь. Уж я постараюсь...»

А что, если именно это и навевало ей такие скверные сны? На сей счет ему оставалось только гадать. Быть может, ей снилось, что она подожгла его и никак не может выбраться наружу из трюма. И горит, с криком горит у него внутри, и мясо отваливается от костей... Нет. Приснись ей нечто подобное – она проснулась бы от собственного вопля. Но она никогда не кричала по-настоящему, лишь стонала и всхлипывала – жалобно, умоляюще. И если все-таки просыпалась, то медленно, с трудом освобождаясь от липкой паутины кошмара. Тогда от нее пахло потом, тем особенным потом, который бывает только от страха. Она выбиралась из каюты на палубу и жадно вдыхала прохладный ночной воздух. Затем усаживалась, привалившись спиной к его наскренным надстройкам, и он чувствовал дрожь и трепет ее худенького тела...

...В общем, после некоторых раздумий и колебаний Совершенный подал голос:

– Янтарь! Янтарь, слышишь, проснись! Это всего лишь сон!..

Он услышал, как она беспокойно зашевелилась и что-то невнятно пробормотала. Ни дать ни взять звала его из какого-то запредельного далека.

– Янтарь! – заорал он. – Я здесь!

Она неожиданно забилась – ее движение не было движением сонной женщины в гамаке, а скорее рыбы, бьющейся в сетях, – и потом столь же внезапно затихла. Очень скоро ее босые ноги прошлепали по полу. Подойдя к стене, она нащупала крючки, на которых развешивала одежду. Потом выбралась на палубу и с легкостью пичуги перемахнула фальшборт, оказавшись на песке. И прижалась спиной к его бортовым доскам.

– Спасибо, что разбудил, – хрипло прозвучал ее голос. – Нет... кажется... действительно спасибо.

Он был искренне озадачен:

– Я что, сделал что-то не так? Я-то думал, что кошмар – штука малоприятная. Почти такая же гадкая, как и реальная жизнь!

– Это так. Гадкая... просто до крайности. Вот только... если сон, подобный моему, возвращается снова и снова, это происходит неспроста. Это значит, что я должна вдуматься и понять, что он означает. Иногда, со временем, скрытый смысл удается уловить. Иногда...

Совершенный неохотно спросил:

– А что хоть тебе снилось-то?

У нее вырвался болезненный смешок.

– Да то же, что и всегда... Змеи, драконы... Мальчик-раб о девяти пальцах... А еще я слышу твой голос. Ты выкрикиваешь предупреждения и угрозы. Но ты – это как бы и не ты... не совсем ты... скорее – кто-то другой. И там есть еще что-то... никак не могу разобрать. Все рвется и улетает, как паутина на ветру. Причем тем скорее, чем больше я стараюсь уловить и понять...

– Змеи и драконы. – Совершенный точно против воли повторил эти жуткие имена. Потом попробовал недоверчиво рассмеяться. – Что до меня, я на змей в свое время насмотрелся. И

нахожу, что ничего уж такого особенного в них нет. А драконы – вообще существа вымышленные. Так что забудь ты эти глупые сны, Янтарь. Лучше расскажи что-нибудь, чтобы и мне и себе мозги прочистить!

– Ох, не получится, – неровным голосом отозвалась женщина, и Совершенный понял, что привидевшийся кошмар потряс ее гораздо сильнее, чем ему поначалу казалось. – Я нынче только и способна рассказывать о драконах... О драконах, летящих в синем небе прямо над головой... Не так уж давно это случилось, кораблик, и ненамного севернее здешних мест. И я вот что скажу тебе, Совершенный. Если ты вдруг пришвартуешься в какой-нибудь гавани Шести Герцогств и начнешь задвигать тамошним жителям, что-де драконы суть существа вымышленные... они так тебя засмеют, что останется только стореть... со стыда. – Она откинулась к его борту затылком и добавила: – Правда, тамошнему народу пришлось бы сперва освоиться с мыслью, что есть на свете такие невозможные создания – живые корабли. Между прочим, пока я сама своими глазами не увидела живой корабль и не услышала, как он разговаривает, я полагала, что их придумали сказочники, решившие окружить торговцев Удачного ореолом таинственности...

Совершенный поинтересовался:

– А что, мы вправду такие странные?

Он ощутил, как она повернула голову. Наверное, она смотрела на него.

– И самая странная твоя черта, дорогой мой, – это то, что ты сам не понимаешь, насколько ты удивителен и чудесен.

Он сделал неуклюжую попытку попроситься еще на один комплимент:

– В самом деле?..

– Ты, – сказала она, – такое же чудо, как те драконы, которых я видела когда-то.

Она была уверена, что сравнение польстит ему. Он в том нисколько не сомневался. Однако ему сделалось очень не по себе. «Неужели она все-таки мои секреты выпытывает?.. Нет. Ничего она от меня не узнает...»

Кажется, она поняла, что ее слова его не слишком обрадовали. И она задумчиво проговорила:

– Я так полагаю, что у всякого в душе есть местечко для жажды чудесного. Эта жажда может никак не давать знать о себе, но она там есть и она требует удовлетворения. И мы всю жизнь собираем сокровища, дабы ее утолить. Иногда это крохотные сверкающие самоцветы: цветок, распустившийся под защитой упавшего дерева... детский лобик, пухлая щечка... Но бывает, что тебе сразу попадается целый клад. Знаешь, вроде сундука с драгоценностями, зарытого жадным пиратом, – и вот он неожиданно вываливается прямо к твоим ногам, когда ты меньше всего этого ждешь. Вот так и у меня было с драконами, которых я застала в полете. Они переливались радугой всех самоцветов, какие я когда-либо видела, они были всех видов и форм, которые только можно представить... Одни словно вышли из сказок, слышанных в детстве. Другие поражали причудливостью, а третьи внушали форменный ужас. Там были создания, которые иначе как драконами и не назовешь: эти длинные змеиные хвосты, две или четыре лапы... красные, зеленые, черные и золотые... А между ними летели сущие олени с крыльями, и еще там было что-то вроде чудовищного кабана, размахивавшего клыками... крылатый змей... и даже огромный полосатый кот... и крылья у него тоже были в полоску...

Ее голос задрожал и сорвался. Время, оказывается, ничуть не истерло благоговения, навеянного тем давним переживанием.

– Стало быть, – злоредно заметил корабль, – те драконы не были настоящими.

– Но говорю тебе, я их видела воочию! – возмутилась она.

– Ты видела, скажем так, некие существа, часть из которых присвоила обличье драконов. Но от этого они не стали истинными драконами. Ты мне еще расскажи, что лицезрела зеленых,

синих и фиолетовых лошадей, причем шестиногих и смахивавших на кошек. Что же это за лошади?.. Вот и те, кого ты видела, вовсе не являлись драконами.

– Ну... – замялась Янтарь. – Но...

Совершенный испытал злодейское наслаждение, слушая, как она тщетно силится подобрать необходимые слова. Она, всегда столь красноречивая!..

Он и не подумал ей помогать.

Наконец к ней вернулся дар речи:

– Но... некоторые из них БЫЛИ драконами! И формой тел, и расцветкой они выглядели точь-в-точь как картинки из старинных свитков... как древние гобелены...

– Скажем так: некоторые из твоих летучих существ напоминали драконов, в то время как другие смахивали на котов-переростков. С таким же основанием можно утверждать, будто ты видела породу летучих кошек, причем иногда здорово похожих на драконов!

Янтарь долго молчала... Когда же она заговорила, он понял, что она успела поразмыслить, причем цепочка умозаключений увела ее в дебри его, Совершенного, невеселой истории.

– Может, объяснишь мне, – начала она обманчиво-учтивым голосом, – почему тебе делается настолько легче жить от уверенности, будто на свете нет и быть не может драконов? Почему ты из кожи вон лезешь, чтобы камня на камне не оставить от ощущения чуда, которое я испытала при виде тех крылатых созданий?..

– Нет. Все не так. Ни из какой я кожи не лезу. Я просто что думаю, то и говорю. Мне, в общем-то, все равно, чем ты там восторгалась. Я всего лишь полагаю, что незачем называть тех летучих тварей драконами.

– Но почему? Если драконов все равно нет, так кому какая разница, как я стану называть увиденное? Мне, может, так нравится. Тебе что, жалко? Почему бы и нет?

– А потому, – объявил он, ощущая, как накатывает непомерное раздражение. – Потому что если драконы все-таки есть, то валить их в одну кучу с какими-то уродцами – это низость и безобразие!

Янтарь вдруг выпрямилась, напрягшись всем телом, и он почувствовал, как она отстранилась. Совершенный физически ощутил ее взгляд, силившийся рассмотреть в темноте то немногое, что оставил от его лица топор.

– Ты что-то знаешь, – тоном обвинения проговорила она. – Тебе известно нечто, касающееся драконов. А также моего кошмара и его скрытого смысла. Верно ведь?

– Да я вообще понятия не имею, что тебе мерещится! – заявил корабль. Ему очень хотелось, чтобы голос прозвучал уверенно и разумно... Ничего не получилось. Голос по-мальчишески прозвенел и сорвался. Как всегда, это произошло весьма не ко времени. Все же он закончил: – И драконов я в жизни никогда не видал...

– Даже во сне? – Вопрос был коварен, словно прозрачный стелющийся туман.

– Не прикасайся ко мне!.. – вырвалось у него.

– А я и не собиралась, – ответила она, но он ей не поверил. Ибо, если бы она прикоснулась к нему – прижалась кожей к его дереву – и очень упорно сосредоточилась, она бы наверняка раскусила его ложь. И это получилось бы несправедливо.

Он просто не мог позволить себе причинить ей нечто подобное.

Она спросила:

– Тебе никогда не снятся драконы?

Прямой вопрос, заданный этак небрежно. Но он не попался на удочку.

– Нет, – бросил он сухо.

– В самом деле? Мне вот вспоминается, будто однажды ты сам мне рассказывал такой сон...

Он пожал плечами, напустив на себя загадочный вид.

– Не знаю, может, и рассказывал. Точно не помню. Может, разок и был такой сон... но мне, по-твоему, больше делать нечего, только запоминать всякую чепуху! Не всякий сон так уж важен, смею тебя заверить. Даже больше скажу: я вообще сомневаюсь, чтобы в снах был хоть какой-то смысл!

– В моих он точно есть, – пробормотала Янтарь, признавая свое поражение. – Есть, и это самое скверное. Я и мучаюсь-то оттого, что никак не могу его ухватить. Ох, Совершенный, боюсь я, что совершила здоровенную ошибку... И остается только молиться, чтобы не довела она до беды...

Он улыбнулся в темноте:

– И какую такую ошибку могла совершить маленькая резчица, делающая бусы? Опять сама себя заживо грызешь из-за ерунды? Еще какие-нибудь драконы с морскими змеями пополам? Да какое вообще нам с тобой до них дело?..

– МОРСКИЕ змеи! – воскликнула она неожиданно. – Так вот в чем дело! – И опять надолго умолкла. А потом... улыбнулась: Совершенный почувствовал, как его прямо-таки окутало теплом. – Морские змеи, – тихо повторила она. – Спасибо тебе, Совершенный. Спасибо тебе хотя бы за это...

– Сейчас ведь не твоя вахта, – тихо проговорила Офелия.

– Знаю, знаю... не спится, – ответила Альтия. Она смотрела мимо носового изваяния, туда, где неспешно перекачивались спокойные волны. Ласковый весенний ветерок то трепал легкий плащ Альтии, то плотно прижимал его к телу.

– «Знаю, знаю», – передразнила Офелия. – То-то я уже часа два слушаю, как ты крутишься на своей койке. В чем дело-то? Так уж разволновалась из-за того, что завтра мы в Удачном причаливаем?

– Да... И знаешь, почему-то это меня не особенно радует. Я скорее боюсь всего того, с чем мне там предстоит столкнуться. Сестра... мать... а чего доброго, еще и с Кайлом нос к носу столкнусь... если «Прокказница» в порту стоит. Ох, Офелия! Я даже с собственным кораблем встречи боюсь! Как представляю, что смотрю ей в глаза и пытаюсь все объяснить... Что да как и почему я от нее отступилась...

– Так ты же сама знаешь прекрасно, деточка, что ничего объяснять не придется. Просто приложи ей к досочкам ладошку – она сама все и почувствует. Так же, как я это чувствую!

Альтия любовно погладила полированный фальшборт.

– Какое все-таки чудо... Это понимание, которое между нами установилось, – сказала она. – Но, кстати, в нем еще одна причина моего страха перед завтрашним прибытием домой. Мне было так хорошо здесь, с тобой... так безопасно. Мне так не хочется с тобой расставаться!

Звук легких шагов за спиной заставил ее повернуть голову. К ним, почти неслышно ступая босыми ногами по залитой лунным светом палубе, подходил Грэйг. Из одежды на нем были только штаны, а волосы совершенно по-мальчишески растрепались: похоже, он только-только проснулся. И тем не менее в его движениях была все та же тигриная грация. Альтия почувствовала, что расплывается в улыбке. Офелия очень тихо ответила на ее невысказанную мысль:

– Мужчины понятия не имеют о своей собственной красоте...

Грэйг подошел, ухмыляясь:

– Я стучался к тебе, но тебя не было, и я сразу сообразил, где тебя искать...

– Вот как? – подняла бровь Офелия. – У тебя, значит, появилась привычка скрестись в двери Альтии? В такой-то час? Да притом без рубашки?..

– Только если меня будит отец и велит именно это и сделать, – ничуть не смутился Грэйг. – Он сказал, что желает переговорить с нами обоими с глазу на глаз.

– Так. А меня, значит, не приглашают, – оскорбилась Офелия.

– Да прямо! А разве это не ты наговорила ему стащить меня с койки и отправить за Альтией для приватного разговора?

– Нет. – К собравшимся без лишнего шума присоединился сам капитан Тенира. – Это была моя собственная идея. – В чашечке его трубки рдел уголек, и кругом распространялось облачко ароматного дыма. – Говорите что хотите, можете даже назвать меня выжившим из ума стариканом... но прежде, чем швартоваться в Удачном, я хотел бы принять кое-какие меры предосторожности. И в первую очередь они касаются Альтии.

Он говорил спокойно, но очень серьезно – так, что у молодежи и корабля мигом пропала охота к шутилой болтовне.

– А что такое? – спросила Альтия.

– Да я все думаю про ту нашу стычку с калсидийской галерой. Они ведь как-никак шли под флагом сатрапа... А у нас в городе нынче дела обстоят совсем не так, как, к примеру, несколько лет назад. Откуда нам знать, насколько влиятельным может оказаться этот капитан... и не вздумает ли он заслать куда надо жалобу насчет нашего поведения. – Тут капитан Тенира яростно хмыкнул. – Я не особенно удивлюсь, если окажется, что, мало-мальски приведя свою галеру в порядок, он как раз в Удачный и двинулся. Вот так-то, ребята. Так что все зависит от того, насколько этот малый в фаворе у государя... и какое именно место в данное время наш государь лижет Калсиде. Может статься, что родной дом нас не слишком-то приветливо встретит!

Эти слова сопровождала тишина. Альтии было уже ясно, что Грэйг о подобных вещах задумывался не более, чем она сама. Нет, конечно, дело было не в том, что происшествие показалось им пустячным. Конечно же нет! А как же руки Офелии, ее прекрасные руки, ее длинные, изящные пальцы?! Они были обезображены, обожжены до черноты. И сколько бы носовое изваяние ни твердило, что-де совсем не чувствует боли, по крайней мере чувствует не так, как свойственно людям, Альтия поневоле вздрагивала каждый раз, когда замечала обугленные руки Офелии. И она крепко надеялась, что по прибытии в Удачный другие торговцы из старинных семей, узнав о нападении калсидийцев, вполне разделят ее горечь и гнев. Ей и в голову не приходило, что Офелия и ее команда могут еще и виноватыми остаться перед тем капитаном...

Старший Тенира некоторое время молчал, давая им всем поразмыслить, потом заговорил снова:

– Как я уже сказал, может, я просто выживший из ума, всего на свете боящийся старикашка. Я тут спрашивал сам себя на досуге: «Ну и что, собственно, скверного они могут мне сделать?» И сам себе отвечал: а вот возьмут и задержат мой корабль на таможне. А то и посадят под замок меня... и моего старпома. Кому тогда бежать к моим родственникам с рассказом о происшедшем? Кто пойдет свидетельствовать перед Советом и просить других торговцев о помощи? Много у меня отличных матросов... да уж, ребята просто один к одному... но... – и капитан покачал головой, – все они мужики простые, ни одного из старинной семьи, да и складно говорить не обучены.

Альтия немедленно поняла, к чему он клонил.

– Надо, чтобы я пошла, кэп?

– Если ты согласишься...

– Еще как соглашусь! Без всяких колебаний! Даже удивляюсь, кэп, такому вопросу!...

– Да я и не думал, что ты станешь отказываться. Но, боюсь, есть кое-какая заковыка, – негромко проговорил капитан. – Вообще, чем больше я размышляю о последних переменах в Удачном, тем меньше у меня уверенности, что нас хорошо примут. Вот мне и кажется, что безопасности ради тебе стоило бы снова переодеться юнгой. От греха-то подальше... Так тебе, кстати, и с корабля в случае чего будет проще выбраться. Конечно, если придется...

Грэйг недоверчиво смотрел на отца:

– Бать, ты что, вправду веришь, что до этого может дойти?..

Капитан Тенира только вздохнул:

– А ты помнишь, сынок, запасную мачту, что лежит у нас в трюме? Зачем, по-твоему, мы ее всюду с собой таскаем? Ведь не потому, что она нам все время нужна. Просто в один прекрасный день она *может* понадобится, и в том-то все дело. Лучше уж перестраховаться, вот как я считаю.

– Если все произойдет так, как ты говоришь, – вдруг сказал Грэйг, – кто убедит меня, что я ее не посылаю одну навстречу опасности?

Отец смотрел ему прямо в глаза:

– Если все произойдет так, как я говорю, мы на самом деле поможем ей ускользнуть от опасности прежде, чем мышеловка окончательно захлопнется. И будут у них заложники не из двух торговых фамилий, а только из одной.

– «У них»? Это что еще за «они»? – потребовала разъяснений Офелия. – И с какой бы стати торговцу Удачного в своем собственном городе бояться кого-то... кроме такого же торговца? Удачный – это же наш город! Согласно уложению сатрапа Эсклеписа, жалованному много-много лет назад...

– А сатрап Касго откусывал по кусочку от этого уложения с тех самых пор, как унаследовал Мантию Праведности! – У капитана Тениры даже щелкнули зубы от бессильного гнева. Уже мягче он продолжал: – Спросим себя, кто теперь при власти в Удачном? Мы, торговцы? Как бы не так... Мы привыкли обращать очень мало внимания на сборщиков таможенных податей, и, даже когда они потребовали себе отдельную пристань, куда перво-наперво должен причаливать каждый корабль, мы признали это требование разумным. Когда они выговорили себе право самолично осматривать груз, не полагаясь, как когда-то, на слово капитана, мы посмеялись... и опять согласились. Ведь это был наш город! Как ни обидна была подобная подозрительность, мы продолжали смотреть на мытарей примерно как на назойливых ребятишек, – действительно, не обижаться же на них всерьез! И даже нашествие так называемых «новых купчиков» не заставило нас обеспокоиться, хотя они станут первейшими союзниками сатрапских сборщиков налогов, когда те и другие ринутся к власти! Да и не верили мы, что однажды сатрап дружески пожмет... волосатую лапу Калсиды. А потом и допустит в наши воды их корабли, причем под предлогом защиты законности... – И он снова покачал головой. – Вот, ребятишки, о чем нынче ночью размышлял ваш старикан. И вот почему я решил: лучше ошибиться, ожидая слишком плохого, чем наоборот...

– По-моему, очень мудро... – начала было Альтия, но ее тотчас перебила Офелия:

– Как-как ты сказал? Кто-то придет и заарестует меня?! Да ни в жисть подобного не допущу! Я этим калсидийским свиньям свою палубу топтать не позволила, я и...

– Еще как позволишь. – В голосе капитана Тениры прозвучала такая холодная уверенность, что корабль замолк буквально на полуслове. – Точно так же как и мы с Грэйгом без всякого сопротивления позволим им себя задержать. Я уж эту мысль жевал-жевал, дорогая моя, пока во рту погано не сделалось... Пора Удачному просыпаться, вот оно что. Слишком долго мы спали, пока другие грызли и растаскивали все то, что является нашим по праву. Вот уже дошло до того, что на нас нападают калсидийские корабли, прикидывающиеся сторожевиками сатрапа. А что завтра? Не оказаться бы нам во власти разбойников и грабителей, именующих себя сатрапскими сборщиками податей... Вот потому-то мы позволим себя задержать и палец о палец не ударим, чтобы защититься. Не потому, что якобы признаем их право. И не потому, что неспособны к отпору. Просто ради того, чтобы весь остальной Удачный воочию убедился, какую волю забрали те, кого мы склонны считать «детishками-выскачками». Опасность еще не поздно одолеть, но перво-наперво надо ее распознать! И потому, милая, я тебя умоляю: ничего не предпринимай, если нас схватят... даже если на борт взойдет вооруженная стража! Долго нас все равно не продержат: особенно если весь Удачный поднимется на дыбы! Так пусть же

Офелия и то, что со всеми нами случится, станет пробным камнем, на котором будет испытана гордость старинных семейств...

Офелия некоторое время молчала...

– Пожалуй, я сделаю так, как ты говоришь, – снизошла она наконец. – Но только потому, что ты меня попросил!

– Ну и умница, девочка ты моя золотая, – с искренней теплотой в голосе похвалил ее капитан Тенира. – И ничего не бойся. Мы с Грэйгом присмотрим, чтобы тебя никто не обидел!

Офелия повела плечами и хмыкнула:

– Это, скорее уж, я присмотрю, чтобы вас с ним никто не обидел.

Капитан улыбнулся:

– Ну конечно. Теперь я совсем спокоен. – Он перевел глаза с носового изваяния на Альтию, потом его взгляд устремился в лунную темноту. – Устал я что-то, – объявил он неожиданно. Теперь он смотрел только на Альтию. – Может, подменишь меня на вахте? Я вижу, ты все равно не заснешь...

– Почту за честь, кэп. Тем более у меня появилось столько пищи для размышлений...

– Вот и спасибо. Что ж, заступай, Альтия. А тебе, Грэйг, спокойной ночи.

– Спокойной ночи, кэп, – отозвался сын.

Старший Тенира еще не успел скрыться из виду, когда Офелия лукаво заметила:

– Как мило с его стороны. Нашел-таки предлог оставить вас наедине... при луне...

Грэйг беззлобно парировал:

– Жалко, что ты не можешь сделать того же.

– И оставить вас, юнцов, без присмотра? Стыдобища тебе вечная уже за то, что посмел такое предположить!

На это Грэйг не ответил. Просто перешел на левый борт и облокотился на поручни. Офелия немедленно подмигнула Альтии и тряхнула головой, приглашая ее сделать то же. Альтия про себя вздохнула. Но все же послушалась.

– Что-то нечасто мы с тобой в эти последние дни разговариваем... – глядя в ночное море, сказал Грэйг.

– Занята все была, – ответила Альтия. – Твой отец дает мне рекомендацию, так надо же как следует ее заработать.

– Ты уже давно ее заработала. Никому на этом корабле и в голову не придет усомниться в твоих достоинствах мореплавателя. И, честно говоря, мне не верится, чтобы ты была все время уж так занята. Тебе, наверное, просто стало не по себе после нашего последнего разговора...

Она и не подумала отнекиваться. Просто заметила:

– Берешь, значит, быка за рога? Признаться, мне всегда нравилось, когда со мной вот так прямо, без обиняков.

– Чтобы получить простые ответы, следует задавать простые вопросы. Всякому мужчине нравится точно понимать, что к чему.

– Святые слова. А вот женщинам нравится, когда им дают поразмыслить.

Альтия старалась избежать полной серьезности, но и не сбиться на легкомысленный тон.

Он не повернулся, чтобы посмотреть ей в глаза, но, похоже, намерен был добиться своего.

– Большинству женщин, – сказал он, – не требуется долгих раздумий, чтобы решить, могут ли они полюбить того или иного мужчину.

Альтия навострила уши: уж не прозвучал ли в его голосе легкий оттенок обиды? Она честно ответила:

– А мне казалось, ты меня спрашивал несколько о другом. Насколько помнится, мы разговаривали о возможности брака между нами... Так вот, если тебя интересует, способен ли ты мне понравиться, я твердо скажу тебе «да». Потому что ты вдумчивый, заботливый и добрый... – Тут Альтия покосилась на Офелию. Носовая фигура старательно хранила неподвиж-

ность и смотрела вдаль. Альтия чуть-чуть возвысила голос: – ...Не говоря уже о том, что ты очень красив. И когда-нибудь унаследуешь совершенно бесподобный корабль...

Случилось то, на что она и надеялась: они оба расхохотались. И куда только подевалось повисшее в воздухе напряжение! Грэйг дотянулся и накрыл ее руку своей. Альтия не отстранилась, лишь тихо проговорила:

– Свадьба... Она зиждется не на одной только любви. Уж во всяком случае, если речь идет о том, чтобы породниться двум семействам Удачного. Верно ведь? Не просто мы с тобой могли бы соединиться – соединились бы две наши семьи. Именно поэтому мне и надо очень многое обдумать. Если я пойду за тебя и буду плавать вместе с тобой, что станется с моим собственным кораблем? Весь минувший год, Грэйг, я жила с мыслью и с целью вернуть ее себе. Что, если брак с тобой будет означать для меня окончательный отказ от «Проказницы»?.. – Она повернулась к нему лицом, и он смотрел на нее сверху вниз, сквозь опущенные ресницы. – Ты бы, например, отказался от «Офелии» ради того, чтобы жениться на мне и жить со мной на борту «Проказницы», капитаном которой я стала бы?

На его лице отразилось сущее потрясение. Он явно даже мысленно не задавался подобным вопросом.

– И это, – сказала Альтия, – лишь первое, но далеко не единственное затруднение. Помимо прочего, я спрашиваю себя: что я принесу в наше... общее предприятие, кроме долгов моей семьи? Я же ничего не унаследовала от отца, Грэйг. Только моряцкие умения, которым он меня научил. Наверное, мои домашние соорудят мне кое-какое приданое, просто чтобы избежать кривотолков. Но в любом случае это будет далеко не то, чего люди обычно ждут от дочки торговца... – Альтия покачала головой. – Брак с девушкой из Трех Кораблей точно принес бы тебе больше. Уж они-то как следует заплатят за то, чтобы породниться!

Он снял свою ладонь с ее руки. В его голосе прозвенели чуть ли не льдинки:

– Неужели ты думаешь, что ради этого я сделал тебе предложение? Чтобы узнать, насколько твоя семья на самом деле зажиточна?..

– Нет, конечно. Тем не менее я считаю своим долгом и об этом подумать... Хотя бы потому, что у меня тоже есть гордость. Тем более ты же сам говорил, что в таких делах надо принимать в расчет сперва здравый смысл, а страсть – уже во-вторых. Вот я и пытаюсь все обдумать с самых разных сторон. И тебя призываю поразмыслить обо всем беспристрастно. Выходя за тебя, я не только отказываюсь от своего корабля, но и оставляю его в руках человека, которого всей душой презираю и ненавижу. Да и тебе в случае нашего брака пришлось бы разрывать отношения кое с какими деловыми партнерами, а значит, лишиться свою семью множества выгодных сделок. То есть куда ни кинь – картина получается не очень-то многообещающая...

Грэйг трудно перевел дух.

– Похоже, – сказал он, – ты кругом права, и...

– Да поцелуй же ее, остолоп!!! – громко прошипела Офелия.

Альтия было расхохоталась, но губы Грэйга накрыли ее рот. Поцелуй застал ее врасплох, но как отозвалось все тело!.. По позвоночнику разлился жар, она повернулась к Грэйгу и вскинула руку ему на плечо, думая, что сейчас он обнимет ее и... Но она не успела даже задаться вопросом, как далеко она позволит ему зайти: он оборвал поцелуй и отстранился. Никуда он заходить не будет. «Это ведь Грэйг... а вовсе не Брэшен», – напомнила она себе. Этот парень привык жить не сердцем, а головой. В это мгновение Альтия даже успела убедить себя в том, что, не прекрати Грэйг поцелуй, она сделала бы это первой. Да. Потому что Грэйга Тениру следовало принимать очень, очень всерьез. Отношения с ним – это вам не какой-нибудь легкий романчик на стоянке в отдаленном порту... То, как она поведет себя с Грэйгом, без сомнения, окажет влияние на всю ее дальнейшую жизнь в Удачном. А посему – осмотрительность... и еще раз осмотрительность. Только так.

Она перевела дух и сказала тоном, долженствующим выражать изумление, но не обиду:

– Так...

– Прости, – буркнул он и чуть отвернулся, правда, ухмылку на его лице никак невозможно было назвать покаянной. – Видишь ли, Офелия меня с восьмилетнего возраста шпыняет. Я и привык слушаться.

– И правда, это был суший приказ, – весело согласилась Альтия. И уставилась вдаль, в ночное море. Спустя некоторое время его ладонь снова накрыла ее руку.

– Трудностей в самом деле будет немало, – проговорил он рассудительно. – А кому нынче легко?... Всегда трудно начинать какое-то новое дело. Альтия... я просто прошу тебя не отвергать с ходу мое предложение. Обсуди его сперва со своими домашними... я, кстати, тоже с родителями ничего еще не обсуждал. И вообще, мы еще даже не знаем, насколько круто нам придется штормовать... у причала в Удачном. Так что ты... просто подумай над моими словами, хорошо?

– Обязательно, – пообещала она.

Ночь, окружавшая их, была удивительно хороша, и руку Альтии грела широкая мозолистая ладонь...

Осталось неизвестным, что именно капитан Тенира или Грэйг сказали команде; так или иначе, когда Альтия появилась на палубе в своем прежнем облачении мальчика-юнга, никто не выказал никаких признаков удивления. «Офелия» входила в гавань Удачного при довольно свежем бризе, так что работы хватало на всех. Матросы были слишком заняты, чтобы узнавать в бывшей Альтии «юнга Эттеля из Свечного» и острить по этому поводу. Ну, то есть юнгу, снова трудившегося бок о бок со всеми, встретили неизбежные шуточки, но эти шуточки были вполне добродушны. Сама же «Офелия» двигалась вперед с большим желанием. Бывалый корабль отлично знал свое дело и всюю помогал команде, выкрикивая дельные советы штурвальному. В общем, одно дело – управляться с обыкновенным сооружением из дерева, канатов и парусины, и совсем другое – вести домой живое разумное существо!.. Есть разница!

Потом с «Офелии» спустили шлюпки и стали буксировать ее на отведенное место у таможенной пристани. Альтия тоже уселась на банку²¹ и стала грести, ибо капитан Тенира посчитал это хорошим случаем удалить ее с корабля: чего доброго, еще подвернется шанс улизнуть на берег... если понадобится, конечно.

После всех их разговоров и приготовлений к чему-то ужасному зрелище самой обычной суеты в порту казалось едва ли не разочарованием. Похоже, на прибытие «Офелии» никто не обратил никакого неподобающего внимания... Альтия жадно рассматривала кишашую гавань, испытывая неожиданно сильное чувство, имевшее весьма мало общего с обычной тоской по дому. Плавая вместе с отцом, она, бывало, дольше отсутствовала в Удачном, да и забирались они подальше, чем в этом последнем путешествии... И тем не менее сегодня она чувствовала себя так, словно не видела родной город по крайней мере несколько лет!

Удачный лежал над сверкающей голубой чашей залива, а дальше мягкими волнами катились холмы, разодетые в яркую весеннюю зелень. Они еще не причалили, а ветер уже доносил запахи стряпни и скота, и слуха достигали пронзительные выкрики уличных торговцев. Всюду полно повозок и пешеходов, а между берегом и кораблями на рейде так и сновали мелкие лодочки. Между гордыми купеческими парусниками пробирались скромные рыбацьи суденышки, торопившиеся отгрузить свой улов на рыбные рынки... Целая симфония, воспринимаемая одновременно слухом, зрением и обонянием, и имя ей было – город Удачный!

Увы, в симфонию все-таки затесалась фальшивая нота. Вот от стенки отвалил какой-то корабль... И глазам предстала калсидийская галера, стоявшая как раз у таможенной пристани. На единственной мачте вяло болтался флаг сатрапа. Альтия с первого же взгляда с облегчением

²¹ На банку – банка – здесь: скамейка для гребца.

поняла, что галера была *не та*; на носу у нее скалилась клыкастая кошачья голова, да и следов пожара не было видно. Тем не менее хмуриться Альтия не перестала. Галера ведь наверняка была не единственная. Сколько ж их всего болтается в водах Удачного?.. И с какой стати этой разрешили причалить?..

Естественно, свои мысли и чувства Альтия держала при себе, участвуя, как положено члену команды, в швартовке. Когда капитан Тенира неожиданно грубо заорал на нее, буквально пролаяв приказ тащить его сумку и следовать за ним на берег, «юнга Этт» даже не вздрогнул. Альтия поняла: капитану нужна была свидетельница его встречи с чиновниками сатрапа. Она без звука вскинула на плечо нетяжелую холщовую сумку и потрусила по пятам за капитаном. Грэйг, как и положено старпому, остался на борту – присматривать за делами на корабле.

Тенира прошагал прямо в контору сборщика податей. Там их встретил какой-то служащий, довольно бесцеремонно потребовавший бумаги на привезенный груз. Тенира грохнул кулаком по столу и заявил, что желает немедленно говорить с главным чиновником. Альтия старательно отводила глаза.

Служащий испуганно пискнул, но довольно быстро взял себя в руки:

– Сегодня я заведую всеми делами, господин капитан. Можно взглянуть на бумаги?.. Пожалуйста.

Тенира царственно-презрительным жестом швырнул на стол свернутые трубочкой документы.

– Вот, – сказал он. – Засунь сюда нос, сынок, и можешь считать мои деньги, пока не надоест. Но я хочу, чтобы ты нашел мне кого-то, с кем я мог бы поговорить не только о сребрениках и медяках! У меня жалоба есть, и очень серьезная!

Тут открылась дверь, ведущая куда-то во внутреннее помещение, и появился человек в облачении должностного лица. Выбритый череп и пучок волос на макушке говорили о том, что это чиновник сатрапа. Был он дороден, а одежду украшала вышивка по рукавам, груди и подолу. Он нес белые пухлые руки важно сложенными на животе.

– Что такое? – осведомился он требовательным тоном. – Почему здесь кричат на моего помощника?

– А почему у причала в Удачном торчит калсидийское корыто? – вопросом на вопрос ответил Тенира. – И почему такая же галера в открытом море налетела на мой корабль, намереваясь ограбить его якобы во имя сатрапа? Я хочу знать, с каких это пор врагам Джемелии предоставляется укрытие в нашем порту?

Каждую фразу припечатывало тяжелое буханье капитанского кулака по столешнице.

Чиновник, что называется, и бровью не повел.

– Калсидийские каперы²², – ответил он, – состоят на службе у сатрапа. И они имеют полное право здесь швартоваться, ибо государь назначил их охранять Внутренний проход от пиратов. Так что обе галеры находятся здесь вполне официально. Они предъявили нам верительные грамоты, и единственной целью их пребывания является оборона от морских разбойников. Они собираются нападать на пиратские корабли и на их незаконные поселения на побережьях. Также они будут бороться с контрабандой, способствующей обогащению пиратов: ибо, если разбойники не будут иметь возможности сбывать награбленное, их промысел потеряет смысл и вскоре угаснет... – Таможенник сделал паузу, разглаживая складочку на рукаве. А потом продолжил скучающим тоном: – Что верно, то верно, кое-кто из жителей Удачного уже подавал жалобы, будучи недоволен присутствием калсидийцев. Однако таможенная пристань

²² *Капер, каперство* – практика захвата частными судами неприятельских коммерческих судов или судов нейтральных стран, занятых перевозкой грузов для неприятеля. Делалось это по официальному разрешению своего правительства – «каперскому свидетельству». Российскому читателю наверняка будет интересно англоязычное название капера: privateer.

есть собственность государя сатрапа, и никто, кроме него самого, не может разрешить или запретить калсидийцам здесь швартоваться. А он дал недвусмысленное указание, наделяющее их таким правом. – И чиновник негромко, но с отчетливым презрением фыркнул: – Думается, торговому капитану как-то не с руки оспаривать государев указ...

– Причал, может, сатрапу и принадлежит, – не сдавался Тенира. – Но воды кругом него составляют гавань Удачного, пожалованную, согласно старинному уложению, торговцам Удачного. А мы не допускали в нее калсидийские корабли, и за нами наши традиции и наш закон!

Чиновник смотрел мимо Тениры. Все тем же скучным голосом он заметил:

– Традиции меняются, капитан. Как и законы. Удачный не следует больше рассматривать как уединенный город в далекой провинции. Это оживленный торговый центр, причем быстро растущий. И борьба сатрапа с пиратами, которыми кишат здешние воды, ему только на пользу. А торговые отношения с Калсидой Удачному давно пора привести в порядок. Во всяком случае, в Джамелии больше не видят причин считать Калсиду враждебной. С какой же стати Удачному с ней враждовать?

– У Джамелии нет пограничных споров с Калсидой. В отличие от нас джамелийские поселки и фермы никто не грабит и не сжигает. Так что настроения, бытующие в Удачном насчет Калсиды, – не подозрительность, а очень давние счеты. Поэтому эти корабли не имеют никакого права здесь находиться. Я только удивляюсь, почему Совет торговцев до сих пор против этого не восстал?

– Здесь не время и не место обсуждать внутренние дела Удачного, – неожиданно объявил чиновник. – В мои обязанности входит лишь сбор законных таможенных податей в пользу государя-сатрапа. Корум!.. Ты еще не кончил подсчеты? Когда я принимал тебя на службу сюда, твой дядя говорил мне, что ты отменно быстро считаешь! Что это на тебя сегодня нашло?

Альтии стало почти жалко несчастного служащего. Он явно состоял при чиновнике мальчишкой для битья и успел к этому привыкнуть. Он лишь подобострастно улыбнулся и быстрее зашелкал счетными палочками.

– Семь и два... – забормотал он вслух, чтобы все видели, как он старается. – Плата за швартовку... за безопасность... добавляем за охрану... и еще налог на не-джамелийские ткани... получается... итого получается... – Он нацарапал на дощечке какую-то цифру, но чиновник подхватил дощечку так быстро, что Альтия не успела ничего разобрать. А чиновник пробежал пальцем, украшенным длиннющим ногтем, по колонке расчетов, и его взгляд сделался неодобрительным.

– Неверно! – прошипел он.

– Весьма на это надеюсь! – темпераментно кивнул капитан Тенира. Он превосходил таможенника ростом и с легкостью заглядывал ему через плечо. – Не мог же за время моего плаванья сбор вырасти вдвое, а пошлина на ввоз тканей составить...

– Налоги увеличены, – перебил его чиновник. – И еще добавилась пошлина на металлические изделия не-джамелийского происхождения, под которую как раз подпадают жестяные вещи, которые ты привез... А ну-ка, все пересчитать!

И он швырнул дощечку перед несчастным служащим, который лишь ссутулился за столом, покорно кивая.

– Но ведь Ринстин – джамелийский город! – возмутился капитан Тенира.

– Ринстин, как и Удачный, признает верховную власть Джамелии, но сам находится не в Джамелии и потому джамелийским городом считаться не может. Ты должен заплатить этот сбор.

– И не подумаю! – уперся Тенира.

Альтия еле сдержалась, чтобы потихоньку не ахнуть. Она-то думала, что Тенира начнет торговаться с чиновниками по поводу обычных поборов. Так происходило всегда, ибо яростный торг был способом существования уроженцев Удачного. Никто и ни под каким видом не

платил того, что изначально запрашивалось. А еще Тенире следовало бы предложить таможеннику щедрую взятку, например в виде роскошного обеда в ближайшем приличном заведении или толики лучших товаров из числа привезенных «Офелией»...

Но чтобы торговец Удачного попросту наотрез отказался платить? Это было нечто уж вовсе неслыханное...

Вот и чиновник нехорошо сузил глаза, глядя на дерзкого капитана. А потом... брезгливо передернул плечами:

– Как пожелаешь, кэп, как пожелаешь. Мне-то все равно. Просто твой корабль будет торчать у этого пирса, и груз останется на борту, пока все не окажется в наилучшем виде оплачено. – И он возвысил голос: – Стража! Пусть сюда подойдут стражники! Мне может понадобится их помощь!

Тенира даже глазом не моргнул в сторону двоих здоровяков, выросших на пороге. Все его внимание было приковано к чиновнику.

– Эти поборы, – сказал он, – не имеют ничего общего с законностью. – Он ткнул пальцем в сторону стола, где служащий по-прежнему пытался что-то вычислять. – Ну-ка, что ты там говорил насчет безопасности и охраны? Что это такое, хотел бы я знать?

Чиновник вздохнул с видом долготерпеливца поневоле:

– А как по-твоему, на какие деньги сатрап должен содержать тех, кого он нанял вас охранять?

Альтия поначалу предполагала, что возмущение капитана Тениры было отчасти наигранным, – на что только не идут люди в пылу торга! Но заметив краску, бросившуюся ему в лицо при этих словах, она более не сомневалась в искренности капитана.

– Это ты говоришь о том калсидийском отребье, я полагаю? Да лишит меня Всеотец Са слуха, только чтобы моих ушей не касалась подобная чепуха! Я, значит, еще и плати за то, чтобы эти пираты швартовались в гавани Удачного? Да ни в жисть!!!

Стражники немедленно придвинулись совсем близко: один к правому локтю капитана Тениры, другой – к левому. Альтия, отыгрывая роль мальчишки-юнга, напустила на себя невозможно крутой вид и приготовилась во всем поддержать своего капитана. Начнись драка – она в ней будет участвовать, ибо так поступил бы любой мало-мальски стоящий юнга. Тем не менее было страшновато. В настоящих драках она никогда не участвовала, если не считать той короткой стычки, когда их с Брэшеном пытались похитить...

Словом, Альтия выставила челюсть и приготовилась насесть на младшего из двоих.

Однако до рукопашной не дошло. Тенира проговорил ровным голосом:

– Я позабочусь, чтобы это дело дошло до Совета торговцев.

– Имеешь полное право, – промурлыкал таможенник. «Ну до чего дурак, – подумала Альтия. – Будь у тебя хоть капля мозгов, остерегся бы ты дразнить Томи Тениру...»

Она почти ждала, чтобы капитан заехал чиновнику в морду, но Тенира, сдержавшись, оскалился в нехорошей улыбке.

– Правильно, имею, – кивнул он на прощание. Коротким жестом приказал Альтии следовать за собой и вышел из таможни.

Он не сказал ей ни слова, пока они снова не оказались на корабле.

– Живо старпома ко мне, – приказал он затем. – Пусть придет в мою каюту.

Альтия со всех ног кинулась исполнять.

Когда они заперлись в капитанской каюте, Тенира-старший собственноручно налил всем рому. Никто, в том числе Альтия, не усомнился в сообразности выпивки – после сцены в таможне у нее мурашки по спине бегали, хуже чем после стылой ночи на палубе.

– Плохи дела, – первым долгом сказал капитан сыну. – Даже хуже, чем я себе представлял. Как ни воротит с души от вида калсидийцев в гавани, это еще полбеда. Главная же беда в

том, что Совет, оказывается, и не пикнул! Да еще сатрап, понимаешь, нас новыми налогами и податями обложил, чтобы оплачивать их стоянку у нас...

– И ты не стал им платить? – плохо веря услышанному, спросил Грэйг.

– Платить, еще не хватало! – хмыкнул Тенира. – В конце концов, кто-то должен первым сказать «нет» такой вседозволенности! Думается, нам теперь придется несладко... и мне, что говорить, боязно... Но спорю на что угодно: стоит лишь подать пример – и остальные за нами последуют! Чиновник сказал, что собирается нас здесь задержать. Ну вот и отличненько. Мы стоим здесь у причала и место без толку занимаем, ведь так? А присоединятся еще несколько кораблей – и у него вообще все дело застопорится. Ты, Грэйг, шепни кое-что Офелии на ушко... Да поможет нам Са! – я намерен дать ей полную свободу действий. Пускай безобразничает и стервозничает как умеет... а уж в этом деле она мастерица непревзойденная. Пусть-ка попрыгают портовые работнички, да и вообще все, кого нелегкая сюда занесет!..

Альтия почувствовала, что расплывается в неудержимой ухмылке. Казалось, воздух в маленькой каюте вот-вот заискрится грозowymi разрядами близящегося шторма. «Да, – сказала она себе, – вот уж будет шторм так шторм! Причем папа предвидел его еще годы назад!..»

И все-таки было жутковато смотреть, как старый капитан вроде Томи Тениры навлекает на себя самый первый удар. Альтия спросила:

– А мне что делать пока?

– Отправляйся домой. Сообщи матери обо всем, что нынче увидела и услышала. «Проказницы» в гавани, кажется, не видать, но, если я ошибся и она все-таки здесь, прошу тебя, забудь на время о своей ссоре с Кайлом и попробуй ему втолковать, почему мы сейчас должны действовать все сообща. Я и сам через некоторое время отправлюсь домой. Грэйг, ты останешься за старшего на корабле. При первом признаке хоть самой малейшей опасности немедленно посылай ко мне Келько с запиской... Что скажешь, Альтия?

Девушка тщательно обдумала его слова и медленно кивнула. Как ни тошнило ее от одной мысли о перемирии с Кайлом, она понимала правоту капитана Тениры. Не время торговцам Удачного ссориться из-за чего бы то ни было. Определенно не время.

Улыбка, которой одарили ее оба Тениры, была настоящей наградой.

– Я так и думал, девочка моя, что смогу на тебя положиться, – с искренней приязнью проговорил капитан.

– И я так думал, – просиял Грэйг.

Глава 10

Родной дом

Особняк Вестритов – как это и было принято среди коренных торговых семейств – располагался меж прохладных лесистых подножий холмов, окружавших собственно Удачный. Если добираться со стороны гавани, это означало короткую поездку в конном экипаже. Или, если стояла хорошая погода, приятную прогулку пешком. Причем всю дорогу можно было любоваться нарядными домами других семей, расположенными в некотором удалении от проезжего тракта. Альтия шла мимо живых изгородей, покрытых недавно распустившимися цветами, мимо подъездных дорожек, обсаженных деревьями в невероятно яркой и свежей весенней листве. Вот каменная стена, ограждающая имение Осуэллов; по ней густым зеленым плащом раскинулся плющ, а у ворот проклюнулись бледно-желтые звездочки нарциссов. И всюду пели птицы, а тени, отбрасываемые деревьями в еще не огрубевшей листве, были прозрачными и кружевными...

Никогда еще знакомый путь не казался Альтии таким бесконечным.

Она шла по нему, точно осужденный на эшафот.

На ней все еще была одежда мальчика-юнга: им с Грэйгом и капитаном Тенирой показалось, что так проще всего будет ускользнуть с пристани, не привлекая лишнего внимания. И как отреагируют на такой наряд ее мать и сестра, оставалось только гадать. Главное, дома не было Кайла. Окончательно поняв это, она испытала облегчение, которое почти уравнило разочарование при мысли, что, стало быть, и с Проказницей она не увидится. Ладно! По крайней мере, не надо представлять, какую именно рожу он скроит при виде ее моряцких одежек. Еще года не прошло с тех пор, как она насмерть рассорилась с зятем и со скандалом покинула родительский дом. Однако постигнуть за это время ей довелось столько, что казалось – прошло лет десять, не меньше. И ей хотелось, чтобы ее семья сразу поняла и почувствовала, как сильно она изменилась. А что в итоге?.. Чего доброго, домашние разглядят лишь ее матросскую одежду и смазанную маслом косицу и сочтут то и другое маскарадным костюмом капризной девчонки. Зря ли, сколько Альтия себя помнила, мать ругала ее за упертость. А сестрица Кефрия долгие годы пребывала в уверенности, что Альтия способна втоптать в грязь фамильную репутацию ради мимолетного удовольствия. И вот нынче она явится к ним в таком-то костюмчике и примется объяснять, что-де вполне повзрослела и готова вступить в капитанскую должность на семейном живом корабле!.. Как-то будет воспринято подобное возвращение блудной дочери и сестры?.. Просто разгневаются – или еще и ледяным презрением ее оболют?..

Альтия яростно помотала головой, словно пытаясь вытрясти из нее лишние мысли. И свернула на длинную подъездную дорожку, что вела к родному крыльцу.

И тут же испытала невольное раздражение, отметив, что рододендроны у ворот не были должным образом обрезаны. Нерадивый садовник оставил торчать долговязые побеги, выпущенные прошлой весной, и теперь на них красовались свежие почки. Обрежь их теперь – и придется пропустить целый сезон цветения... Альтия ощутила первый укол беспокойства. Все ли хорошо дома? Колл, садовник, всегда особенно пристально заботился именно об этих кустах... Уж не случилось ли с ним чего нехорошего?

Каждый шаг по дорожке приносил все новые тревожащие признаки запущенности сада. Травяные газончики по сторонам выглядели излишне лохматыми и положительно порывались наружу из отведенных границ. А в розовых кустах, уже разворачивавших новые листья, торчали прошлогодние стебли, отмершие и почерневшие за зиму! А вот глициния, свалившаяся с решетки, по которой ей было положено карабкаться: похоже, она так и собиралась цвести – лежа.

И все было усыпано мертвыми ветками и опавшими листьями, которые ветер собрал в кучки там, где ему заблагорассудилось.

Альтия была почти готова к тому, что и дом будет выглядеть таким же заброшенным и покинутым, как и сад. Какая приятная неожиданность! – окна были широко распахнуты навстречу теплу и свету весеннего дня, и из них лилась наружу музыка: в доме кто-то играл на арфе и флейте. А перед крыльцом стояло несколько экипажей, и Альтия поняла, что в доме происходило нечто вроде приема. Там явно веселились: вот долетел чей-то смех, мешавшийся с музыкой... Подумав, Альтия направилась к черному ходу, про себя удивляясь все больше. Веселые сборища в их доме прекратились с тех самых пор, как заболел отец. Ну и что означал нынешний прием? Что мать решила прекратить траур? Больно скоро что-то... И не слишком-то на нее похоже. И чего Альтия уж вовсе не могла вообразить, так это чтобы мать тратила деньги на всякие забавы, когда сад стоит неухоженный!

Куда ни кинь – чепуха какая-то получается. Альтию начали снедать самые дурные предчувствия.

Кухонная дверь была раскрыта. Оттуда тянуло сводящим с ума запахом только что испеченного хлеба и сочного мяса. У Альтии невольно забурчало в животе от одной мысли о доброй пище, которая бывает только на берегу: хороший хлеб, свежее мясо, вкусные овощи... И родилась мысль: до чего же все-таки хорошо дома! И пускай оказывают ей какой угодно прием. Это все равно ее дом!

Альтия вошла на кухню и огляделась кругом.

Она не узнала ни женщину, возившуюся с тестом, ни мальчишку, крутившего над огнем вертел. Собственно, ничего странного в том не было: слуги у Вестритов, бывало, менялись. Тем более что у торговых семейств было в обычае умыкать друг у дружки лучших стряпух, нянек, домоправителей. Их соблазняли большим жалованьем, просторными жилыми помещениями и тем подталкивали к смене хозяев.

Вот появилась еще одна служанка. С пустым подносом в руках. Она со стуком опустила его на кухонный стол и повернулась к Альтии. Ее голос прозвучал холодно и скучающе:

– А ты что здесь потерял?

В кои-то веки рассудок Альтии сработал быстрее языка. Она ответила с небрежным поклоном:

– У меня послание от капитана Тениры с живого корабля «Офелия» для госпожи Роники Вестрит. Это важное сообщение, и мне велено передать его наедине.

Вот так. Вот и удалось сочинить повод некоторое время побыть наедине с матерью. Еще не хватало показываться гостям в одежде мальчика-юнга...

На лице служанки появилось озабоченное выражение.

– У госпожи сейчас гости, и боюсь, ей не так-то просто будет их оставить. Видишь ли, это прощальный прием. Может возникнуть неловкость, если ей придется уйти... – И девушка прикусила нижнюю губу. – Может, ты со своим посланием чуток подождешь? А заодно слегка перекусишь?

Это была мелкая взятка. Девушка улыбалась.

Альтия поймала себя на том, что кивает. У нее и так был полный рот слюны от запахов, витавших на кухне. Собственно, почему бы действительно не поесть? Глядишь, и встречу с матерью и сестрой на сытый желудок будет выдержать легче...

– Верно, мое послание может немного повременить. Можно, я руки помою? – И Альтия двинулась к ручному насосу, снабжавшему кухню водой.

– Вода есть во дворе! – заявила кухарка, и Альтия сразу вспомнила, кем она является в их глазах. Ну что ж. Усмехнувшись про себя, она вышла во двор и вымыла руки. К тому времени, когда она возвратилась, для нее уже была готова тарелка. Лежали на ней уж конечно не самые изысканные кусочки. Горбушки от хлеба и корочки от жаркого. Еще – желтый пластик сыра

и комок свежесбитого масла. Ложечка вишен, заготовленных с прошлого года... Тарелка была обколотая, салфетка отнюдь не блистала чистотой. В самом деле, откуда бы мальчику-юнге иметь понятие о тонкостях сервировки? Альтия решила соответствовать образу. Забралась на высокий табурет и принялась за еду, действуя в основном руками.

Сперва она ела с жадностью, не думая ни о чем, кроме вкусовости на тарелке. Обрезки жаркого в самом деле казались ей гораздо вкусней каких-либо деликатесов, которые она когда-то пробовала. Как славно хрустел на зубах поджаренный жир!.. А свежее масло так и плавилось, впитываясь в еще теплую горбушку... Альтия подхватила остатками хлеба несколько вишенок и отправила в рот.

Но вот голод был утолен, и она стала приглядываться к кухонной суете вокруг. Тут ей пришлось смотреть на знакомую комнату совершенно иными глазами, нежели прежде. В детстве кухня казалась ей огромной и завораживающе таинственной: ей никогда не разрешалось исследовать здешние тайны без присмотра взрослых. А потом, еще не успев преодолеть то детское любопытство, она стала уходить с отцом в море. Так и получилось, что кухня навсегда сохранила для нее ауру чего-то удивительного и отчасти запретного. И только теперь она озиралась кругом по-взрослому трезво. Большое помещение, где так и кипела работа. Метались повара, появлялись и исчезали слуги, а над всем единолично властвовала кухарка.

Каждый, кто появлялся извне, непременно произносил хотя бы кратенькое замечание о ходе приема. О собравшихся господах говорилось без большого почтения. А иногда и с форменным презрением.

– Дайте-ка мне еще блюдо запеченных в тесте колбасок!.. А то тот старый болван думает, что мы для него одного их напекли...

– Да шут с ним! Пусть жрет. Все лучше, чем дурью мучиться, как дочка Орпелей! Гляньте-ка, что она сотворила с едой, над которой мы трудились целое утро! Навалила полную тарелку, чуть-чуть поковыряла и отставила в сторону! Воображает, наверное, будто женихи поглядят, какая она малоежка, и решат, что такую жену будет легко содержать...

– А как там Второй Любовник Императрицы? – с любопытством осведомилась кухарка.

Слуга сделал жест, как будто опрокидывает себе в горло стакан, причем явно не первый.

– А что он... Топит свои многочисленные горести в винище, делает козью морду сопернику и дуется на маленькую императрицу. Иногда все это по очереди, а бывает, что и разом. Ну и, естественно, при полном соблюдении светских манер. Ему бы на сцене играть...

– Нет-нет, уж кому надо на сцену, так это ей, а не ему. То пялится на вуаль Рэйна и этак приторно улыбается, а доходит до танцев – и знай поглядывает через его плечо и машет ресницами юному Треллу! – Служанка, сделавшая это замечание, неодобрительно фыркнула и добавила: – Оба, ясное дело, пляшут под ее дудку. Только спорю на что угодно, сама она ни в грош не ставит ни того ни другого. Ее больше интересует, на что их удастся сподвигнуть...

Некоторое время Альтию забавляла болтовня слуг. Но потом ее уши и щеки начали медленно, но верно наливаться краской: до нее дошло, что именно в таком тоне слуги *всегда* говорили о членах ее семьи. Она опустила голову и уткнулась взглядом в пустую тарелку. А затем попробовала составить из пестрой мозаики сплетен нечто осмысленное. И касавшееся нынешнего положения дел в семействе Вестригов.

Итак, ее мать принимала у себя гостей из Дождевых чащоб. Само по себе весьма необычно, если учесть, как давно и бесповоротно отец разорвал с ними торговые отношения. Далее: юноша из Чащоб ухаживал за купеческой дочкой. Дочка эта симпатий среди слуг явно не вызвала.

– Она бы охотнее улыбалась ему, замени он свою вуаль зеркалом, – хмыкнула девушка-подавальщица.

– Интересно бы знать, – поддержала другая, – кто из них больше изумится в первую брачную ночь: то ли она, когда он снимет вуаль и продемонстрирует свои бородавки, то ли он, когда обнаружит за смазливym личиком гадючью натуру!

Альтия напряженно нахмурилась, силясь сообразить, о какой же девушке идет речь. Чтобы мать устраивала прием в ее честь, она должна происходить из семьи очень близких друзей... Может, дочка какой-нибудь приятельницы Кефрии как раз достигла брачного возраста?..

Кухонная прислужница проворно подхватила ее опустевшую тарелку и сунула Альтии чашку с двумя яблоками, запеченными в сладком тесте:

– На, полакомись, паренек. А то мы такую прорву напекли – вон, еще три блюда осталось, а гости уже по домам собираются! Что ж тебе, молоденькому, голодать сидеть!

Она ласково улыбалась, и Альтия поспешно потупилась, весьма убедительно изобразив мальчишескую застенчивость.

– Значит, – сказала она, – скоро я смогу передать свое послание госпоже?

– Ну да, полагаю...

Запеченные яблоки были мягкими и расплзались под пальцами, но на вкус оказались совершенно восхитительны. Уничтожив все до крошки, Альтия отдала чашку и снова вышла во двор под предлогом мытья рук, липких от сладкого сока.

Кухонный дворик был отгорожен от парадного подъезда шпалерами, заплетенными виноградной лозой. Однако весенние листья еще не развернулись во всю ширину, так что обычно непроницаемая преграда ныне была совсем прозрачной. Альтия стала наблюдать за отъезжавшими экипажами. Она немедленно узнала Сервина Трелла с младшей сестренкой, как раз отбывавших восояси. Потом появилось семейство Шайев и другие семейства, которые Альтия узнавала скорее по гербам, нежели по лицам. Это заставило ее задуматься, как же, оказывается, давно она выпала из светского круга общения. Кареты между тем отбывали одна за другой. Одним из последних покинул дом Давад Рестар. Вскоре после его отъезда появилась упряжка белых коней, везшая карету торговцев из Дождевых чащоб. Окошки были по обыкновению плотно занавешены, а герб на дверце не говорил Альтии вообще ни о чем. Она присмотрелась: нечто вроде курицы... в шапочке.

Следом подъехала открытая повозка, и немедленно набежавшие слуги принялись таскать из дома вещи, упакованные в дорожные сумки. Вот те на!.. Стало быть, обитатели Чащоб гостили непосредственно в доме Вестритов?.. Тайна на тайне и тайной погоняет, подумалось Альтии. Она изо всех сил тянула шею, пытаясь рассмотреть этих самых гостей, но смогла увидеть их лишь мельком. При солнечном свете жители Чащоб неизменно укрывались густыми вуальями, и эти гости исключения не составили. «Да кто ж они такие? Почему гостили у нас?.. – Альтии стало очень не по себе. – Неужели Кайл вознамерился обновить наши с ними торговые связи? И может ли быть, чтобы мама с сестрой в этом его поддержали?..»

И самое жуткое, неужели Кайл... уже ходил на «Проказнице» вверх по реке?..

Эта мысль заставила ее судорожно сжать кулаки. Когда сзади подошла служанка и потянула ее за рукав, Альтия крутанулась так, что девушка испуганно отпрянула.

– Дико извиняюсь... – немедля буркнула Альтия.

Служанка несколько странно посмотрела на нее:

– Пойдем, госпожа Вестрит сейчас тебя примет.

Делать нечего, пришлось Альтии снова изображать чужую в собственном доме. Девушка провела ее по коридору к двери «утренней» комнаты. Всюду виднелись явственные следы недавнего пребывания гостей, череды празднеств и веселых приемов. В каждой нише, на каждом подоконнике красовались вазы, полные благоуханных цветов. «Ну и дела!» Когда Альтия последний раз была дома, здесь царствовал траур и витал призрак безденежья. Теперь, кажется, семейное обиталище Вестритов напрочь позабыло те черные дни... и ее, Альтию, с ними заодно. Все-таки была вопиющая несправедливость в том, что, пока она набивала кро-

вавые мозоли и в одиночку преодолевала всевозможные тяготы, мать с сестрой наслаждались непрерывными праздниками...

Словом, когда они добрались до «утренней» комнаты, Альтию обуревали весьма сложные и кипучие чувства. Она постаралась взять себя в руки. Еще не хватало, чтобы ее смятение прорвалось гневом!..

Девушка постучала. Роника негромко ответила изнутри, и служанка отступила прочь, шепнув Альтии:

– Ну давай. Вперед!

Альтия отвесила благодарный поклон.

И вошла.

И тихо притворила за собой дверь.

Ее мать сидела на заваленном подушками диване. Рядом, на низком столике, стоял бокал вина. На Ронике было простое домашнее платье из светло-сливочного полотна. Ее волосы были завитыми и надушенными, а шею украшала серебряная цепочка. Но когда она повернулась навстречу Альтии, стало видно, что лицо у нее измученное и усталое. Глаза матери начали медленно расширяться... Альтия заставила себя прямо смотреть в них.

– Вот я и дома, – тихо сказала она.

– Альтия!.. – ахнула мать. Прижала ладонь к сердцу. Потом поднесла обе руки ко рту, попыталась вдохнуть. Она так побледнела, что каждая морщинка обрисовалась с чеканной резкостью. Кое-как она сумела перевести дух. – Знаешь ли ты, сколько бессонных ночей я думала только о том, какой именно смертью ты умерла?.. Я гадала, где упокоилось твое мертвое тело... лежит ли оно в доброй могиле, или его уже стервятники расклевали...

Этот поток гневных обличений застал Альтию полностью врасплох.

– Я пыталась дать знать о себе, – сказала она. И подумала о том, что врет, точно маленькое дитя, застигнутое за каким-то непотребством.

Мать собралась с силами, встала и пошла на нее, уставив ей в грудь указательный палец.

– Нет! Ничего ты не пыталась! – воскликнула она с застарелой горечью. – Это ты прямо сейчас, на месте придумала! – Внезапно остановившись, она покачала головой. – Как ты похожа на своего отца... Даже врешь в точности так же. Ох, Альтия... Девочка моя маленькая...

И мать заключила ее в объятия – чего, надо сказать, не водилось уже несколько лет. Альтия стояла столбом, не очень понимая, на каком свете находится. Рыдание, вырвавшееся у матери, повергло ее в ужас. Роника Вестрит что было сил держалась за нее и беспомощно плакала у нее на плече!

– Мам, прости меня, – пробормотала Альтия, погибая от неловкости. И поспешно добавила: – Ну, теперь-то все будет хорошо... – Чуть подождала и спросила: – Что произошло?

Мать некоторое время молчала. Потом кое-как уняла рыдания. Выпустила дочь из объятий и совсем по-детски утерла рукавом слезы. На светлой ткани оставила следы расплывшаяся тушь, которой она тщательно начернила ресницы. Мать не обратила на это никакого внимания. Пошатываясь, она вернулась к дивану и села. Отпила изрядный глоток вина, поставила бокал и даже попробовала улыбнуться. Размазавшиеся румяна пополам с тушью сделали улыбку совсем странной.

– Да все у нас наперекосяк, – ответила она вполголоса. – Что только могло пойти кувырком – пошло. Что не могло – тоже... Только одно правильно и хорошо: что ты живая... и дома...

Невероятное облегчение, отражавшееся на лице Роники, жгло сильнее, чем ее первоначальный гнев.

Альтии понадобилось усилие, чтобы пересечь комнату и опуститься рядом с ней на диван. Еще трудней оказалось выговорить спокойно и трезво:

– Расскажи мне обо всем.

Сколько месяцев Альтия мечтала об этом самом возвращении домой, воображая, как она станет рассказывать о своих приключениях, постепенно заставляя домашних понять и принять ее жизненные воззрения!.. И вот она была здесь и понимала со всей ясностью откровения, ниспосланного Са, что ее долг состоял в том, чтобы слушать, а не говорить.

Некоторое время Роника просто смотрела на дочь. А потом разразилась почти бессвязным рассказом о несчастьях, бесконечной чередой следовавших одно за другим. Взять хотя бы то, что «Проказница» все не возвращалась из плавания, хотя давным-давно должна была прибыть. Может, Кайл отправился на ней аж в Калсиду, чтобы продать там рабов, но ведь он точно должен был прислать домой весточку с каким-нибудь другим кораблем!.. Ведь правда должен был?.. Он же знал, в каком плачевном состоянии пребывала семейная кубышка. И уж всяко он должен был дать знать, чтобы Кефрия могла *хоть что-нибудь* рассказать наседавшим заимодавцам... А Малта!.. То одно безобразие отмочит, то другое, и так без конца! Такой клубок, что неизвестно, с какого конца рассказывать начинать... Да и не важно это все, важно только, к чему привели ее шалости и проказы: с некоторых пор у нее завелся ухажер родом из Дождевых чащоб. Да еще из той самой семьи, которая держала теперь закладную на «Проказницу». Так что и вежливость, и простой разум велели Вестритам хотя бы для вида поддерживать это ухаживание, пусть даже Са известно, до какой степени Малта еще не заслужила звания взрослой и не может быть по-настоящему просватана...

А чтобы стало уже совсем весело, и в без того запутанную мешанину вворотился Давад Рестар. И, как за ним водится, всю неделю сажал ляп за ляпом, пытаясь урвать хоть какую-нибудь выгоду от этого сватовства. И то, что Давад был полностью лишен такта, вовсе не делало его скверным тактиком. Пришлось Ронике попотеть, заглаживая беспрестанные неловкости, могущие оскорбить семью Рэйна. В то время как Кефрия старалась завладеть внутрисемейными браздами правления, на что, конечно, имела полное право. Вот только должного внимания она ничему не уделяла. Занималась побрякушками и цветами, сопутствующими ухаживанию, а то, что пшеничные поля были распаханы шалаяй-валяй и вообще посевная уже на носу, ей вроде и невдомек. Да тут еще заморозок, побивший самое меньшее половину цветов в яблоневых садах. И крыша во второй спальне восточного крыла начала протекать, а на починку денег нет, но если не починить прямо сейчас, того и гляди, обвалится весь потолок, и...

– Мам, мам, погоди! – взмолилась Альтия. – Погоди, не все сразу! А то у меня уже голова кругом идет!..

– У меня тоже, – устало заметила Роника. – И гораздо дольше, чем у тебя.

– Я вот чего не понимаю. – Альтия заставила себя говорить размеренно и спокойно, хотя на самом деле ей хотелось кричать во все горло. – Значит, Кайл использует «Проказницу» как работоторговый корабль? А Малту, попросту говоря, продают в Чащобы, чтобы расплатиться с семейной задолженностью? Не возьму в толк, как Кефрия это позволила... не говоря уже о тебе! И каким образом наши финансы докатились до такого состояния, хотя бы «Проказница» и задерживалась с прибытием? Наши земельные владения – что, совсем перестали доход приносить?

Мать легонько погладила ее по руке:

– Тише, девочка, тише... Я догадываюсь, какой это удар для тебя. Я-то видела, как мы постепенно съезжали по наклонной плоскости... а ты вернулась и сразу застала результаты падения. – Роника прижала ладони к вискам и как-то рассеянно посмотрела на Альтию. – Как бы нам тебя переодеть поприличнее, не привлекая внимания слуг?.. – проговорила она, словно беседуя сама с собой. Потом тяжело перевела дух. – Вот пересказываю тебе, что тут у нас успело произойти, и уже устала, словно день-деньской работала. Для меня это что-то вроде того, как если бы я в деталях пересказывала обстоятельства смерти любимого человека... Не буду вдаваться в подробности, скажу только вот что: в Калсиде, а теперь и в Удачном для работы на полях и в садах всю применяется рабский труд, и это привело к сильному снижению цен. Ну

а мы всегда нанимали работников. Одни и те же люди из года в год пахали, сеяли и собирали для нас урожай. И что, по-твоему, я должна теперь им сказать? Дела обстоят так, что выгоднее оставлять земли под паром или вообще пасти на них коз... но как я могу причинить такое нашим сельским работникам? Вот мы и пытаемся как-то выжить, продержаться... Ну, не мы – теперь в основном Кефрия. Она до некоторой степени прислушивается к моим советам. А Кайл, как ты знаешь, занимается кораблем. Да, все это благодаря моей ужасной ошибке... мне до сих пор больно смотреть тебе в глаза, Альтия, и осознавать это. Но – да поможет мне Са! – боюсь, что он все-таки прав. Если «Проказница» станет возить рабов и с выгодой продавать их, она еще может всех нас спасти. Похоже, рабы означают единственный путь к процветанию. И как товар для продажи, и как рабочая сила на полях...

Альтия смотрела на мать, плохо веря собственным ушам:

– Неужели я в самом деле от тебя это слышу?..

– Я знаю, знаю, Альтия, что говорю ужасные вещи... Но давай вместе подумаем, какой у нас выбор? Допустить, чтобы маленькая Малта решилась на замужество, к которому в действительности совсем не готова, просто ради поправки семейного состояния? Вернуть «Проказницу» торговцам из Чашоб, расписавшись в неспособности выплатить за нее долг, и жить в нищете? Или, может, дать деру от заимодавцев, покинуть Удачный и отправиться в неизвестность?..

Альтия тихо спросила:

– Ты и вправду серьезно задумывалась... о чем-то таком?

– Еще как серьезно, – устало ответила мать. – Альтия... если мы не возьмем нашу судьбу в свои руки, за нас ею распорядятся другие. Кредиторы отберут у нас все, чем мы еще располагаем, и тогда-то мы схватимся за голову: ах, если бы только мы дали Малте выйти за Рэйна, то нищета миновала хотя бы ее. Да и у нас, по крайней мере, остался бы корабль...

– Корабль? У нас? Это каким образом?

– Да я же тебе говорила. Семейство Хупрусов перекупило закладную на «Проказницу». И они хотя и не прямо, но дали понять, что спишут нам долг в качестве свадебного подарка.

– Сумасшествие какое-то, – вырвалось у Альтии. – Ничего себе подарок! Никто и никогда не делал таких. Даже торговцы из Чашоб...

Роника Вестрит глубоко вздохнула. И, резко меняя тему, сказала:

– Надо нам устроить так, чтобы ты незаметно пробралась в свою комнату и оделась во что-нибудь... более подходящее. Ты, правда, так исхудала, что, боюсь, тебе вряд ли подойдут твои прежние вещи...

– Рано мне еще превращаться обратно в Альтию Вестрит, мама. Я тебе в самом деле послание принесла от капитана Тениры с «Офелии».

– Да? А я-то думала, ты просто пустилась на хитрость, чтобы поговорить со мною наедине...

– Нет, это не хитрость. Слушай. Я плавала на «Офелии»... Как-нибудь потом расскажу, что к чему. Сейчас недосуг, надо мне передать тебе слово от капитана и вернуться с твоим ответом. Значит, так, мам. «Офелию» задерживают на таможенной пристани. Капитан Тенира отказался платить сумасшедший налог, который они заломили, и особенно ту его часть, которая должна пойти на содержание калсидийских калош, стоящих у нас в гавани...

– Калсидийских калош?.. – не сразу поняла мать.

– Их самых. Видишь ли, сатрап поручил калсидийцам патрулировать воды Внутреннего прохода. И одна из ихних галер остановила нас по пути сюда, а капитан собрался подняться на борт для проверки. Сами они пираты вонючие! Еще хуже тех, от которых вроде как должны нас оборонять!.. Я вообще не понимаю, и как только их терпят в Удачном. Да еще и с поборами мирятся на их содержание...

– Ах да... Эти галеры... Да, был по этому поводу какой-то шум, но, сдастся мне, прежде Тениры никто не отказывался платить... Справедливый налог, несправедливый – торговцы его платят. Потому что иначе вообще никакой торговли не будет. В чем, боюсь, Тенире уже пришлось убедиться...

– Мама, но это же ни в какие ворота не пролезает! Это ведь наш город! Наш!.. И с какой стати мы будем пятки лизать сатрапу и его лакеям? Он не держит данного нам слова, а мы ему знай отстегивай долю от честно заработанного дохода?..

– Альтия... По совести говоря, у меня сил нет думать еще и об этом. Ты, несомненно, права... Но я-то что могу сделать? Мне о своей семье думать надо. А Удачный пускай сам о себе как-нибудь позаботится...

– Мама, мы не можем позволить себе так думать и действовать! Мы с Грэйгом знаем сколько об этом говорили? Нам, торговцам Удачного, надо всем сообща противостоять и «новым купчикам», и сатрапу... и всей Джамелии, если потребуется! А то мы им палец даем, а они всю руку порываются откусить. Ведь и рабы, которых «новые купчики» сюда повезли, – вот корень наших нынешних затруднений. Что делать? А заставить их уважать наш закон, воспрещающий рабство! Надо прямо заявить им, что мы знать не знаем и признавать не намерены все эти новые пожалования, благодаря которым им нарезали землю! А сатрапу – что не видать ему больше никаких налогов, пока не будет восстановлено старинное уложение! Вот так! И даже более того! Надо объявить Касго, что половинная доля в наших доходах и ограничения на торговлю – дело минувшее. Хватит! Надо просто подняться всем вместе и заявить ему: «Хватит!»

– Да, кое-кто из торговцев говорит в точности как ты, – медленно проговорила Роника. – А я им отвечаю, как тебе только что ответила: все так, но для меня моя семья – прежде всего. А кроме того... Что я могу сделать?

– Просто сказать, что ты – с теми из нас, кто отказывается от уплаты новых налогов. Вот и все, о чем я прошу.

– В таком случае разговаривай со своей сестрой, а не со мной. Голос в Совете принадлежит теперь ей. Она его унаследовала после смерти вашего отца. Как и звание торговца.

Альтия долго молчала. Ей понадобилось время, чтобы полностью осознать смысл услышанного.

– Ну и как по-твоему, что скажет Кефрия? – спросила она наконец.

– Не знаю. Она нечасто посещает деловые собрания торговцев. Она говорит, что слишком занята дома. И потом, она, по ее словам, не намерена голосовать о чем-то таком, что не успела как следует изучить.

– А ты-то с ней говорила? Объясняла ей, какие последствия могут быть от того или иного исхода голосования?

Роника ответила упрямо:

– Речь идет всего лишь об одном-единственном голосе.

Тем не менее Альтии показалось, будто в словах матери прозвучала нотка вины. И она попробовала надавить:

– Разреши мне в таком случае вернуться к капитану Тенире и передать ему следующее. Ты обещаешь переговорить с Кефрией и посоветовать ей, во-первых, непременно посетить ближайшее собрание, а во-вторых, проголосовать в поддержку Тениры. Потому что он сам собирается непременно там быть и хочет потребовать от Совета официальной поддержки в своем деле!

– Думается, это я вполне могу сделать... Только, Альтия, тебе совсем ни к чему самой бежать назад с этим сообщением. Если он вправду насмерть разругался с таможенным чиновником, как бы не случилось ему навлечь на себя... применение силы. Позволь, я велю Рэйч послать на «Офелию» бегуна. Зачем тебе там находиться? Зачем встревать?..

– Затем, мама, что именно этого я и хочу. Находиться там и встречать. И еще я хочу, чтобы они знали: я с ними до конца. Так что я пойду.

– Но хоть не прямо сейчас!.. – пришла в ужас Роника. – Альтия, ты же только-только попала домой! Тебе надо хотя бы поесть, вымыться и переодеться во что-нибудь чистое...

– Не получится. В гавани мне безопаснее выглядеть именно так, как сейчас. Стража на таможенном причале не обратит внимания на юнгу, шныряющего туда-сюда по каким-то делам. Так что придется мне провести там еще какое-то время. Кстати, надо мне пойти проведать еще кое-кого... Но как только смогу – я непременно вернусь. Обещаю, что завтра же утром я буду здесь! И переоденусь в платье, приличествующее дочери старинной семьи!

– Так ты что, на целую ночь уходишь? *Одна?!*

– А ты бы предпочла, чтобы я провела ночь не одна?.. – проказливо поинтересовалась Альтия и обезоруживающе улыбнулась. – Мама, я за этот год ночами где только не была... И ничего со мной не случилось. Никто не изнасиловал и не зарезал. Ладно! Обещаю: вот вернусь и сразу все расскажу!

– Вижу, тебя не удержишь, – вздохнула Роника. – Что ж... Только умоляю тебя – ради имени своего отца, не позволяй никому узнать тебя! Наше положение и так на честном слове держится... И пожалуйста, будь осторожна, делая то, что, как тебе кажется, ты должна сделать! И капитана Тениру попроси действовать осмотрительно... Так говоришь, ты служила у него на корабле?

– Да. Именно так. И еще я сказала, что обо всем расскажу, когда окончательно вернусь. А вернусь я тем раньше, чем скорее уйду! – И Альтия шагнула к дверям, но все же помедлила. – Тебя не затруднит передать сестре, что я в городе? И что я хотела бы обсудить с нею кое-что очень серьезное?

– Обязательно передам. Ты имеешь в виду... не то чтобы принести извинения... скажем так – заключить перемирие с Кайлом и сестрой?

Альтия плотно зажмурилась. Потом вновь открыла глаза. И негромко произнесла:

– Мама, я собираюсь вернуть себе корабль, по праву мне принадлежащий. И я хочу, чтобы вы с Кефрией обе увидели: я не просто готова это сделать, я не просто имею на это полное право, но я еще и распоряжусь кораблем так, как будет лучше всего для нашей семьи. Но и об этом я не хочу распространяться прямо сейчас. Ни с Кефрией, ни с тобой... Ты ей только этого, пожалуйста, не говори. Просто скажи, что нам с ней серьезный разговор предстоит...

– Очень серьезный... – покачала головой Роника. Морщины у нее на лбу и вокруг губ сразу как будто сделались резче. Она отпила еще вина, явно не чувствуя вкуса. – Ступай же, Альтия, но будь осторожна и возвращайся сразу, как только сумеешь. Я... я не знаю, что принесет нам твоё возвращение – спасение или беду. Я знаю только, что до смерти рада снова видеть тебя...

Альтия коротко кивнула матери и тихонько покинула комнату. Она не пошла назад через кухню, предпочтя выбраться наружу через парадный вход. Там она чуть не натолкнулась на слугу, сметавшего со ступеней рассыпанные цветочные лепестки; в воздухе витал тонкий аромат. Шагая по подъездной дорожке к воротам, Альтия почти жалела о том, что не является просто Эттелем, мальчиком-юнгой. Какой хороший весенний день ликовал вокруг! Прямо-таки подарок моряку, вернувшемуся домой после почти целого года дальнего плавания! Почему у нее отняли право просто наслаждаться возвращением под родной кров?..

Идя быстрым шагом по извилистым дорогам, что вели от усадеб к самому городу, Альтия начала замечать, что не одно только имение Вестритов являло определенные признаки запустения. Почти та же картина, объяснявшаяся дырой в кошельке, царила на землях нескольких поистине великих семейств. То тут, то там – неподстриженные деревья в садах и сучья, обломанные зимними бурями да так и оставленные валяться...

Когда же Альтия добралась до запруженных народом улочек рыночного квартала, ей сразу бросилось в глаза невероятное обилие незнакомцев. По улицам расхаживали совершенно иные народы, не те, что прежде. И дело было даже не в том, что она не узнавала их лиц; за последние десять лет она слишком часто отсутствовала в городе и не очень-то хорошо знала даже соседей, а многочисленных друзей и подавно не завела. Нет, это были именно *народы*: уйма людей говорила с явным джамелийским акцентом, а иные, если судить по одежде, выглядели вовсе приезжими из Калсиды. Мужчины – сплошь молодые, мало кто был старше тридцати лет. Они носили широкие мечи в богатых ножнах, украшенных филигранью, и открыто подвешивали кошельки к поясам, словно для того, чтобы похвастать богатством. Их разодетые спутницы были облачены в платья с разрезами, открывавшими полупрозрачные нижние юбки. И уж косметика, призванная деликатно подчеркивать внешность, была ими давно и прочно отвергнута. Они «штукатурились» так, что истинные черты лиц угадывались с превеликим трудом. Мужчины разговаривали громкими голосами, громче, чем требовалось, – как бы затем, чтобы привлечь к себе побольше внимания, – и в основном держали напыщенный, самоуверенный тон. Женщины двигались ну в точности как нервные молодые кобылки: без конца встряхивали головами и преувеличенно жестикулировали в разговоре. Они пользовались очень крепкими духами и вставляли в уши серьги величиной с хороший браслет... Словом, самые отъявленные и роскошные куртизанки прежнего Удачного рядом с ними выглядели бы серенькими голубками на фоне пышнохвостых павлинов.

Но был и другой разряд народа, также бросившегося Альтии в глаза непривычностью своего облика. Это были рабы с татуированными лицами, и, в отличие от щеголей и щеголих, они вели себя очень тихо, явно стараясь привлекать поменьше лишних взглядов. Итак, число подневольных служителей в Удачном возросло, причем многократно. Рабы таскали тяжести и держали под уздцы коней. Вот прошли две девушки, а за ними поспевал мальчик, пытавшийся удержать над ними зонтик, дабы лиц юных хозяек не коснулось ласковое весеннее солнце... Это не вполне ему удавалось, и младшая, обернувшись, устроила ему настоящую выволочку – отругала, а потом съездила по уху. Альтия едва удержалась, чтобы на месте не расквасить ей нос. Мальчишка был слишком мал для подобной работы. Довольно и того, что он босиком шлепал по холодной каменной мостовой...

– Если все принимать так близко к сердцу, однажды оно просто не выдержит, – произнес тихий голос прямо у нее над ухом. – Увы, этих двух так воспитывали, что их сердца успели уже отмереть...

Альтия вздрогнула, обернулась и увидела Янтарь. Их глаза встретились, и Янтарь подняла бровь: дескать, все ясно. Золотая женщина тотчас напустила на себя высокомерие:

– Хочешь заработать грошик, морячок? Помоги мне перетащить эту вот деревяшку...

– Почту за честь, – ответила Альтия, кланяясь, как было принято у моряков. С рук на руки приняла у Янтарь толстую колоду красноватого дерева и немедленно обнаружила, что та была гораздо тяжелее, чем выглядела. Она попыталась перехватить колоду поудобнее и заметила в топазовых глазах подруги отблеск веселья. Янтарь пошла впереди, держа путь через рынки на улицу Дождевых чащоб. Альтия отправилась следом, держась, как подобает, в двух шагах позади.

Как выяснилось, на знакомой улице тоже многое изменилось. Раньше лишь несколько лавочек выставляли на ночь охранников и всего одна-две держали их целый день. Теперь почти у каждой двери красовался угрюмый громила с коротким мечом или по крайней мере здоровенным тесаком при бедре. Да и сами двери не стояли, как прежде, гостеприимно распахнутыми, и уж подавно никто не выставлял перед ними свои товары на открытых прилавочках. Нынче диковинными и полумагическими товарами, привезенными из Чащоб, можно было любоваться разве что сквозь надежно зарешеченные витрины. А ароматы? Куда подевались ароматы редкостных специй, почему не переговаривались на ветру воздушные колокольчики?..

Народу на улице было по-прежнему хоть пруд пруди, но в повадке и покупателей, и продавцов сквозила этакая недоброжелательная настороженность, наблюдать которую было до крайности неприятно.

...И даже у запертой двери магазинчика Янтарь стоял страж. Молодая женщина в кожаном камзоле. Скучая в ожидании хозяйки, она развлекалась тем, что жонглировала сразу тремя дубинками, по виду далеко не игрушечными. У нее были длинные светлые волосы, связанные в хвост на затылке. Она улыбнулась Альтии, показав разом все зубы. Ну прямо кошка, завидевшая жирную мышь!.. Альтия прошмыгнула мимо нее бочком.

– Подожди снаружи, Йек, – сухо обратилась к стражнице Янтарь. – Я откроюсь чуть погодя.

– Как скажешь, хозяйка, – ответствовала та. Говорила она с каким-то незнакомым чужеземным акцентом. Еще один задумчивый взгляд в сторону Альтии – и она вышла, аккуратно притворив за собой дверь.

– И где ты только ее откопала такую?.. – невольно спросила Альтия.

– О-о, это старинная приятельница... Воображаю, как она разочаруется, обнаружив, что ты – женщина! А она обнаружит, ибо ничто еще не ускользало от ее взгляда... Нет-нет, не бойся, твоей тайне ничто не грозит. Йек, как никто другой, умеет держать рот на замке. Видит все, но ни о чем не болтает... Идеальная служительница!

– Забавно... Вот уж не думала, что у тебя слуги водятся!

– Я и правда стараюсь не держать слуг, но так уж получается, что страж при дверях нынче попросту необходим. Видишь ли, я перебралась жить в другое место, а ворья в Удачном за последнее время развелось уже сверх всякой меры, вот и пришлось нанимать сторожа на ночь. Ну а Йек как раз было негде жить, так что мы с ней очень удачно столковались. – Тут Янтарь взяла у Альтии красную колоду и отложила в сторонку. А потом, к немалому удивлению девушки, ухватила ее за плечи и отстранила на длину вытянутых рук. – А парнишка из тебя получился что надо! Можно ли винить Йек за то, что она на тебя пялилась! – Янтарь тепло обняла Альтию и, выпустив, сказала: – Как же я рада, что ты вернулась живой и здоровой! Я часто думала о тебе и все гадала, как ты там, в море? Пошли в заднюю комнату, я чаю согрею, там и поговорим...

И, еще не договорив, она повела Альтию за собой. Задняя комната представляла собой все ту же захламленную пещеру, которую Альтия помнила по прошлому разу. Повсюду стояли верстаки с раскиданным инструментом и недоделанными бусинами. Одежда, висевшая на крючках или уложенная в сундуки. В одном углу – кровать, в другом – неприбранная лежанка. И очаг, в котором теплился огонек.

– Чай – это здорово, только времени у меня нет, – сказала Альтия, – по крайней мере сейчас. Мне надо кое-кому срочное послание передать. Но я сразу загляну к тебе, как только смогу! Я так и хотела сделать, а тут ты первая меня на улице разглядела...

– Для меня очень важно, чтобы ты в самом деле зашла, – ответила Янтарь, и тон ее был настолько серьезен, что Альтия подняла голову и пристально посмотрела ей в глаза. – Это дело такого рода, – сказала Янтарь, – что в двух словах все равно ничего не объяснишь.

Альтия ощутила укол любопытства, но у нее своих забот было по уши, так что пришлось отложить расспросы на потом.

– У меня тоже есть к тебе разговор с глазу на глаз, – сказала она. – Причем вопрос достаточно деликатный. Может, мне тут вообще встреть не по чину... но дело в том, что она... – Альтия сглотнула. – Нет, наверное, надо тебе сказать, причем прямо сейчас... хотя я с капитаном Тенирой еще об этом не заговаривала... – Альтия тряхнула головой и пошла, что называется, напролом. – Ты понимаешь, я тут плавала на живом корабле... на «Офелии». Вышло так, что бедняжке здорово досталось, и мне кажется, что ты могла бы ей помочь. На подходах к Удачному мы сцепились с калсидийской галерой, и Офелия обожгла себе все руки, пока от

них отбивалась. Сама-то она говорит, что ей совершенно не больно... вот только руки держит все время сомкнутыми... или еще как-нибудь долой с глаз их прячет... Я, собственно, даже не знаю, насколько сильно она пострадала и может ли ей помочь такой опытный резчик, как ты, ведь она обгорела, но я...

– Сцепились? С галерой? Они напали на вас?.. – в ужасе переспросила Янтарь. – Прямо здесь? В водах Внутреннего прохода?.. – Она с трудом выдохнула и уставилась мимо Альтии, ни дать ни взять созерцая иные пространства и времена. Ее голос зазвучал как-то странно: – Воистину, злая судьба сорвалась с цепи и мчится на нас! Иногда время течет медленно и дни тянутся за днями, убаюкивая нас и вынуждая думать, будто неизбежное, которого мы все страшимся, грянет еще очень не скоро... А потом – р-раз! – и вдруг наступают те самые черные дни, о которых говорили пророчества, и мы понимаем, что безвозвратно упустили время, когда еще не поздно было отворотить от себя самое страшное!.. Сколько же мне надо прожить, пока я наконец поумнею?.. Нет времени... его нет... да и не было никогда. «Завтра» может и не наступить, но вереница «сегодня» сплетается в цепь, и «сейчас» – это единственный срок, который нам дан, чтобы что-нибудь предпринять...

Альтия ни с того ни с сего вдруг почувствовала себя отомщенной. Она ведь примерно это рассчитывала услышать от матери. Как странно, что истинный смысл случившегося мгновенно поняла эта чужачка, не имевшая никакого касательства к торговым семьям Удачного!..

Янтарь между тем напрочь позабыла о чае, которым только что собиралась поить гостью. Резким движением она откинула крышку сундука, задвинутого в уголок, и принялась без разбора выкидывать оттуда одежду.

– Сейчас, сейчас... Сейчас я соберусь и пойду с тобой. Только не будем терять времени попусту! Рассказывай! Начни прямо с того дня, когда ты ушла из моего дома. Расскажи обо всем, даже о мелочах, которые и тебе самой покажутся несущественными...

Повернувшись к маленькому столику, она открыла стоявший на нем ящичек, быстро оглядела лежавшие там кисточки и горшочки и сунула ящичек под мышку.

Альтия проговорила с невольным смешком:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.